

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Азамат КОЗАЕВ

ЛЕДОБОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Ледобой

Азамат Козаев

Ледобой

«Автор»

2008

Козаев А.

Ледобой / А. Козаев — «Автор», 2008 — (Ледобой)

Бесконечно далек путь от изгоя, ненавидимого всеми, до подлинного героя, на которого хотят быть похожи босоногие мальчишки. Жизнь полна неожиданностей – при появлении в Сторожище его не удостаивают даже холодным «здравствуй», но тепло бросают вслед «прощай». Борьба сил Света и сил Тьмы идет своим чередом, он в нее не вмешивается. Не берется за исполнение сверхзадач, найдутся дела поважнее. Но отчего-то выходит так, что прожить жизнь становится труднее, чем дойти до края света и сокрушить непобедимых чудовищ. Кто бы мог предположить, что желание мирно осесть и вложить меч в ножны лишь породит вал злоключений и ожесточенных схваток? Провидением судьбы на руках оказывается загадочная дева, избитая до полусмерти, поиск своего места в жизни выходит бесконечно тернист, а лед отчуждения трещит под бешеным напором и тает от горячей крови, своей и чужой. Он – Безрод... Ледобой... воин.

© Козаев А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Пролог	5
Часть 1	13
Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	59
Часть 2	73
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Азамат Козаев

ЛЕДОБОЙ

Пролог

Рассветное солнце лениво куталось в молочную дымку, объявшаю белый свет с востока до запада, а может быть, с полуночи до полудня – уж кому что ближе. Только-только истаяла сизая сумеречная пора, все сущее выше дальнокрая посерело, и лишь море осталось темно-синим, да почти черным. На носу ладьи впередсмотрящий на пределе сил трудил глаза, но простереть пытливый взгляд дальше нескольких шагов не удавалось.

– И то ладно, что тихо кругом, – шепнул кормщик бойцу в толстом бычьем доспехе, потемневшем от старости, пота и слитой крови, своей и чужой. – Ни парус хлопнет, ни весло хлопнет. Скоро берег.

– То-то и оно, что скоро, – тем же шепотом отозвался бывалый воин. – Не нравится мне эта тишина. Нутром чую, не все ладно. Пустая лодка, что в море нашли – не просто так. И был бы привязной конец просто отвязан, так нет же – перерублен!

– Ты, Перегуж, как старый волчара, – беззвучно рассмеялся кормщик. – Нос да ухо кормят брюхо!

– Скажу иначе: тоньше нюхом – целее брюхом. – Перегуж назидательно воздел указательный палец. – Жаль, научить этому нельзя. Само с годами приходит.

«Берег». Впередсмотрящий сжал пальцы в кулак и поднял руку над головой – все немо, без слов. Перегуж сноровисто сбегал на нос ладьи и, перегнувшись через борт, взгляделся в мелкие пенные буруны. Берег здесь почти везде каменист и крут, но если повезет, поймешь килем не острые валуны, а мелкие камни. Умерить бег ладьи веслами нельзя, тишина должна быть полной. На приливной волне корабль подходил к берегу, и только шелест бортов о прибрежную гальку могли себе позволить пришельцы. Ладья оцетинилась парой весел, что подобно рогам торчали справа и слева от головы морского змея на носу. Буде встанут на пути скальные стены – знай себе упирайся веслами, не давай разбить корабль.

Земля явилась из туманной дымки резко, будто отдернула покрывало-невидимку – даже «ох» не успеешь сказать. Завесу раздернуло набежавшим порывом ветра, и скалы разом взметнулись выше головы – мрачные, угловатые, острые. Повезло, небесным промыслом вошли в берега аккуратно между двумя скальными выступами, не бросило корабль на каменные ножи, что торчали со дна моря. Как маслом мазаная, ладья скользнула в тихую заводь и, пропахав килем несколько шагов галечного берега, замерла.

Стрелки, державшие под прицелом скалы, медленно опустили луки. Пусто наверху, никто не ждет с недобрым умыслом. Подошли, действительно, тише мыши, ни одна собака и ухом не прянула. «Двое на берег, – жестами Перегуж отрядил дружинных в дозор. – Ты и ты. Один вправо, другой влево».

Парни стекли на берег бесшумные, как мед по стенке кувшина, и растворились в дырявом утреннем тумане. Оба унеслись вперед, туда, где кончалась галька, и начинались валуны, и скоро даже шороха под ногами слышно не стало. «Ждать, – приказал воевода и покосился на Ледка. – А ты ушки наостри, да ничего не пропусти».

Ледок молча кивнул и весь ушел в себя. Солнце уже высоко поднялось над дальнокраем, тот же сверкающий круг в молочном тумане, когда вострослух резко поднял руку. Стрелки дружно натянули луки и замерли в ожидании знака... но отпускать тетивы не пришлось. Почти одновременно, с небольшой разницей во времени, сначала один, потом другой, разведчики поднялись на борт.

– Тихо кругом. Можно говорить, – бросил Тяг.
– Что видел?
– Пуст берег. На пять перестрелов пуст. Ни одной живой души.
– На пристани был?
Тяг мрачно кивнул.
– Берегом подобрался – пусто. Ладьи нет. Вообще ничего нет.
– Ты что видел? – Перегуж повернулся к Извертеню.
– То же самое. Пуст берег по правую руку.
– Тихо, говорите, на пристани? – Воевода задумчиво огладил бороду. – Не нравится мне все это. Ох, не нравится! Снимаемся, парни! И чтобы трава под ногой не шорхнула! Даже дышать в полпраза!..

Семьдесят дружинных сошли с корабля и тихо, молча растворились в тумане, необычно стойком в это время. А когда последний воин сошел с гальки и ступил на камни, даже подножный шорох перестал оживлять мертвенно-пустой берег.

– Может, на ладье ушли? – Тяг махнул в сторону причального мостка. – Потому и нет никого?

Дружина замерла неподалеку от пристани, в роще, откуда пытливому глазу в ясную погоду открывались узкий залив и невысокий холм с дружинной избой на вершине и прочими постройками, необходимыми для жизни, все, как водится, в кольце охранной стены. Сейчас же все затянула туманная завеса, и что там впереди, оставалось только гадать.

– Нет, – Перегуж покачал головой. – Хоть один да остался бы. Извертень!

– Тучочки!

– В крепости бывал?

– Как не бывал! Разок довелось!

– Ровно молния метнись туда и обратно... Да, погоди ты, еще не все сказал! Нюхом, нюхом ведись! Знак подашь огненной стрелой. Ушел!

Извертень, беззаботно посвистывая, встал на тропу, а когда вышел из рощи на открытое, сменил шаг на рысь и, точно призрак, нырнул в туман.

– Поднялся на холм... подошел к стене... двинулся вокруг... встал перед воротами... – выдерживая нужное время, Перегуж озвучивал то, что происходило впереди, как будто видел сквозь мгlistую завесу. Дружинные в лесу дышать перестали, даже через раз, как упреждал воевода.

Дозорного не было какое-то время – не много, не мало, а когда из тумана вылетела стрела с трепетным огненным «флажком» на древке и вонзилась в землю перед самой рощей, дружинные от недобрых предчувствий зубами закрипели. Это значило только одно – путь свободен, но что предстояло увидеть в крепости?

– Быстро Извертень обернулся...

– Уж больно все там подозрительно...

– Пошли! – Воевода оборвал пересуды и потащил из ножен меч. – Смотреть в оба! И вперед, и назад, и в стороны!

Короткими перебежками, качая «пьяного», мореходы быстро «съели» открытое пространство, и пока бежали, чувствовали себя в поле неудобно. Будто овощи на блюде, хоть и туманно. Крепость отстояла далеко, из-за дымки видно было не ахти, но человека, выходящего из-за стены, разглядеть смогли – и даже то, что ноги тот передвигает еле-еле, а голову и вовсе на грудь повесил. Извертень остановился, поднял руки и несколько раз махнул крест-накрест. Потом бессильно привалился спиной к стене.

– Вроде цел, – пробормотал Тяг.

– Цел-то цел, – усмехнулся Моряй. – Но лица на нем нет.

– Ну, что там? Нашел кого?

– Нашел. Всех. – Извертень кивнул и сам белее белого повел дружину вокруг стены.

Сделав несколько шагов, пришельцы в изумлении остановились. Ворота безжалостно проломлены, но запаха гари нет. Ничто не горело, но людей не слышно. Дружина замерла, а Перегуж потянул носом.

– Кровищей пахнет, – буркнул воевода и первым нырнул внутрь...

Люди Перегужа мрачно ходили по крепости и вполголоса матерились. Не выжил никто. Вся застава полегла, как один. Парни лежали, где кого застала гибель – у двери дружинной избы, у амбара, у овина. От крови, щедро слитой наземь, солонил воздух, там и сям на утоптанной земле чернели подсохшие озерца. И вороны... Крикливая стая черноголовых, ругая живых почем зря на своем птичьем языке, неохотно покидала трупы.

– Ты гляди, обожрался так, даже взлететь не может, – сквозь зубы процедил Ледок и, не целясь, навзлет пригвоздил ворона стрелой к земле.

Дружинные как будто с цепи сорвались – остервенело похватав луки, избивали ненасытное воронье, пока тулы не опустели. Даже Перегуж не удержался и, стиснув зубы, подстрелил стервятника на лету.

– Ну все, уймитесь, парни! Уймитесь, я сказал! – Громогласный рев воеводы остудил горячие головы. – Зло избыли, и ладно. За дело! Рядяша, Неслухи, готовьте погребальные костры, Ледок, Извертень, сочтите всех до единого! Стрелы собрать! Моряй и ты, Щелк, держитесь подле меня. И никого не трогать!

Мореходы занялись делом, постепенно приходя в себя. Рядяша, братья Неслухи и еще с десяток бойцов, похватав секиры, отправились в рощу за дровьем – к закату все должно быть готово. Перегуж, Моряй и Щелк ушли на пристань, и там воевода внимательно оглядел берег.

– Что думаете, сорагнички?

– А что тут думать? – развел руками Моряй. – Оттнiry. Больше некому.

– Без сопливых скользко, – бросил Перегуж. – Дело говори! Что надумал?

– Мыслью так: три ладьи утром подошли к заставе, – подал голос Щелк. – Шли тихо, на приливной волне. Совсем как мы.

– Поясни, – усмехнулся Перегуж.

– Туман. – Щелк задрал голову. – Второй день висит. Оттнiry тоже не дураками по морю ходят, не хуже нас знают: пал туман – иди тихо. Пройдешь дальше.

– Хорошо, враспloch не застали. – Моряй стиснул рукоять меча. – Судя по телам, аккуратно вчера все и случилось.

– Пристали здесь. – Воевода взошел на дощатый настил и опустился на корточки у привязного столба. – Тремя ладьями пришли, ушли на четырех. Оттнiry также в сече досталось, и кровищи расплескали изрядно. Видите кровяные дорожки? Их четыре, потому что, ладей было четыре: три своих, одна – заставная. И на каждую внесли порубленных.

– Значит, стояли один-второе... – Моряй оглянулся на крепость. – А заставную ладью, стало быть, в поводу увели, как осиротевшую собаку.

– Не бросать же добро. – Перегуж поднялся и двинулся обратно. – Мыслью, на пристани больше делать нечего. Айда назад. Там поглядим.

Крепостные ворота оттнiry вынесли к такой-то матери тараном, что валялся рядом, словно почивший исполин. Как таковых, двустворчатых ворот на заставе не было вовсе. Сделанная наподобие волокового окна, массивная створка из цельных древесных стволов сколь могла долго сдерживала находников, но, в конце концов, сдалась, как сдается все под напором ярости и остервенелой злобы. Никакие петли не выдержали бы столь значительного веса, а если нашлись бы такие петли, закрывать ворота пришлось половиной дружины. Поэтому

у ворот постоянно находилась пара тяжеловесных жеребцов, запряженных как для пахоты, только волокли не плуг и не борону, а огромную створку на колесах.

– Стрелами положили немало полуночников. – Моряй на ходу оглядел подъем к воротам. Там и сям жухлая осенняя трава пестрела бурыми пятнами. – Жаль, подъем не больно крут. Иначе таран вообще не подняли бы.

– Положили немало, а еще больше осталось, – буркнул Перегуж. – За щитами отгниры прятались, не иначе. А таран волокли на колесах, как телегу. Вон и станина, откатилась, у подножия холма стоит.

– Перед воротами много крови слилось. – Щелк присел у большого темного пятна в самом створе. – Лоб в лоб сошлись.

– Дыра невелика, ударили раз пять-шесть, не больше. – Воевода, примерившись, встал в пролом. Несколько бревен страшной силой вынесло из общего ряда, и, сломленные посредине, они половинчато щерились острыми сколами в сторону заставы. – Двое в ряд, не больше. Двое с этой стороны, двое с той.

– Потом еще двое, – процедил Моряй. – И еще двое. Человек десять-пятнадцать полегло у ворот. А внутри крепости совсем нет стрел!

– Вот они продавили. – Перегуж спрыгнул наземь и мрачно огляделся. – Хлынули внутрь, растеклись по заставе. Семеро наших парней полегло справа от ворот, двенадцать – слева. А стрел нет потому, что был туман. Туманище. Своих бы не подстрелить.

– Тощий Пес. Я знавал его. Несколько раз видел в Сторожище. – Щелк склонился над бойцом, на котором не осталось живого места. – Одна, две, три, четыре... Поймал четыре меча и три ножа.

– Глотка. – Моряй склонился еще над одним телом. – Семь ран. Пять мечей и два ножа.

– Чужаков не видно. Уходя, трупы забрали с собой. – Перегуж огляделся. – Ни одного не забыли. Хотя кровищи... как будто зарезали стадо быков.

– Да так и было, – хмуро бросил Моряй. – Бычье забили.

Подошел Барсук.

– Сосчитали всех. Пятьдесят два бойца, девять баб... – Дружинный замялся. – Трое мальцов.

– Никого не пощадили! – Моряй зло сплюнул.

Перегуж со Щелком переглянулись.

– А где двое последних, пятьдесят третий и пятьдесят четвертый?

Барсук пожал плечами.

– Не знаю. Если нет среди мертвых, значит, куда-то забились. Померли в какой-нибудь пыльной дыре.

– Ищите, – приказал воевода и жестом отпустил Барсука.

– Много парней полегло у дружинной избы и там... – Щелк показал на дальний конец заставы, где стену подпирала приступка, весьма похожая на лестницу.

– С дружинной избы понятно – там прятались бабы и дети, заставные стояли насмерть, – скривился Перегуж. – А у той стены...

– Дружина прикрывала гонца, или гонцов, что должны были уйти за стену и добраться до ладейки, – подхватил Моряй.

– Те самые пятьдесят третий и пятьдесят четвертый. За мной!

Дровье сносили во двор крепости. С наступлением темноты запыляются погребальные костры, и пятьдесят два воина, девять жен и трое отроков навсегда обретут успокоение. Тела пока не трогали – воевода не велел, – лишь молча проходили мимо и скрипели зубами от бессилой злобы. Приступка, с которой гонец или гонцы должны были высигнуть за стену, скорее молнии унести в рощу, а там, запутав след, уплыть в рыбацкой ладейке на большую землю, представляла собой настоящее поле брани. Семнадцать человек лежало у нижней ступени, и

сколько на этом же месте должно было покоиться отгниров, Перегужу и остальным приходилось только догадываться.

– Гляди, полуночный меч. – Из-под горы тел за самый кончик рукояти Щелк потянул выщербленный клинок. – Весь в зазубринах...

– За стену! – Мельком оглядев меч, воевода первым поднялся по ступеням, а за ним, обходя убитых, поднялись Моряй и Щелк.

– Когда порубили заставных, отгнiry припустили следом за гонцами, – спрыгнув со стены, Перегуж показал на вытопанную площадь под самой стеной. – Человек двадцать.

Щелк мрачно присвистнул и покачал головой. Нет, гонцы не имели никакой возможности выжить. Наверняка раненные в схватке внутри крепости, они слабели с каждым шагом, а сзади, по горячим следам бежала свора распаленных кровью полуночников. Двадцать свирепых мореходов – это не шутка даже для свежих бойцов.

– Они уходили этой дорогой, – кивнул воевода под ноги. – А за ними неслась бешеная стая. И, сдастся мне...

– Что?

– Отгниров тоже порубили за здорово живешь. Широко кровью расплескались, очень широко. Слишком широко для двух гонцов. Уходим дальше!

Следопыты спустились по склону холма, пошли по низинке и, почти не глядя под ноги, уверенно двинулись к лесу. Ломать глаза, даже в клочковатом тумане, вовсе не приходилось: измятая трава и широкий кровавый след правдиво рассказывали все, что знали.

– Тут кто-то из находников споткнулся и лежал довольно долго. – Перегуж показал на кровавое пятно, значительно большее, чем все виденное раньше за стеной. – Оттого и натекло изрядно.

– Но поднялся и побежал дальше. – Щелк закусил ус. – Живуч, с-собака!

Вошли в лес. Листвяной навес уполовинил и без того скудный свет, поэтому пришлось кланяться в пояс, чтобы разглядеть под ногами следы. А через сотню шагов ждала первая неожиданность, если за таковую не считать полностью истребленную заставу – под корягой, в яме от вывороченного древесного ствола обнаружилось тело находника без малейших признаков жизни – от уха до уха на шее зиял разверстый зев.

– Чистая работа! – С удовольствием в голосе Перегуж обозрел рану. – Аккурат поверх доспеха.

– И готов поставить на кон собственную голову, этот труп не последний, – усмехнулся Щелк.

– Даже спорить не буду! – Моряй первым подхватился и унесся дальше по следам.

Через полсотни шагов нашли еще двоих. Вместо правого глаза одного из них чернела запекшаяся дыра, как раз по форме мечного лезвия, голову второго страшным ударом раскрыло надвое – шлем валялся рядом, а со лба на затылок через самую макушку пролегла тонкая трещина в потеках высохшей крови.

– Ай, красавцы, – зацокал от восторга старый воевода. – Ай, молодцы! Знал Волочек, кого отряжать в гонцы!

– Все равно не успели бы доплыть, – покачал головой Моряй. – Виданное ли дело – рыбацкой ладейке тягаться с большой ладьей?

– Может быть, гонцы и опоздают. – Перегуж огладил бороду. – Но кто-то должен остаться в живых и сказать, как все было. Не-ет, что ни говори, гонец нужен всегда. Смотрите... туда, за дерево! Мне кажется, или на самом деле что-то лежит?

В несколько прыжков перемахнули древесный завал, и за большой корабельной сосной следопыты потрясенные замерли – у дерева, привалясь к стволу, сидел мертвый отгнir и пустыми глазами тарачился в полутемную чащу. Горла просто не было, разнесенное в

ошметки, оно черными кусками висело на жилах и сухожилиях, как будто медведь когтистой лапой снес гортань к такой-то матери.

Какое-то время все трое молчали, переглядываясь друг с другом. Перегуж заговорил первым, разочарованно кривясь.

– Не-ет, все-таки один гонец ушел из крепости в лес. Вторым и не пахнет. И, похоже, отчаюга не поверил, что победа осталась за оттнирами. Ишь, лютует.

– Гляди, а руку вытер о рожу, – мрачно усмехнулся Моряй. – Вон, пятерня чернеет!

Пятипалый след, смачно залепивший мертвому оттниру лицо, как смертельная печать хищно распростерся по лбу, носу и бороде.

– Знал бы, кто он такой – в ножки поклонился. – Перегуж внимательно осмотрел тело. – Тут еще и в пузе дыра! Парень бьет и в бровь, и в глаз! На авось не полагается!

Моряй и Щелк переглянулись. Не иначе гонец посчитал своим долгом получить с оттниров сполна за порубленную заставу. Только где искать его самого?

– Не стоять, парни, не стоять! – рявкнул Перегуж, устремляясь дальше. – Голову ниже, глаза шире и нюхать, нюхать землю!

Оттнира, что умер, свернувшись комочком, они нашли через сотню шагов, на небольшой полянке. Распрямили с трудом – тот успел закоченеть и схватиться, – а, положив труп на спину, потрясенные долго молчали. Ожидать от измотанного воина того, что предстало глазам, не посмел бы никто – у неведомого гонца хватило сил и умения вскрыть брюхо полуночника от ребра до ребра. Тот и умер, пытаясь зажать дыру и не дать требухе вывалиться. Страшный разрез лег поперек бычьего доспеха, точнехонько под накладными пластинами.

– Становится горячее. – Перегуж оглядел лес, приложив руку к глазам. – Это который, четвертый?

– Пятый! – поправил Моряй. – Убирает по-одному. Режет, как заблудшую скотину.

– Скотина и есть. Сколько раз говорено – бычье должно стоять в хлеву!

– А в лесу быков режут волки, – усмехнулся Щелк. – Заметили, кругом заворачиваемся?

– Без сопливых скользко. – Старый воевода улыбнулся в бороду. – Он их растягивал и бил поодиночке. Ну же, вперед! Лес еще долог, ох, как долог! Еще бежать и бежать!

Двое. Лежат друг против друга. Убиты просто и без затей, в каждом всего по одной ране, но смертельной – первый убит точным ударом меча, отчего сердце разнесло надвое, жизнь из второго утекла через сквозную дыру: меч вошел в рот и вышел из затылка. Не помогли оттнирам кожаный доспех и кованый шлем.

– Шесть и семь, – на бегу прохрипел Моряй. Останавливаться не стали. – Будет кого бросить парням в ноги на погребальном костре!

– Кто говорил, что чудес не бывает? – отозвался Щелк. – По-моему, нашего гонца очень любят боги!

– По крайней мере, один из них! – Перегуж, бежавший первым, резко остановился и распростер руки. – Стоять! А этот долго полз. Вон вся земля кровью изгваздана!

Широкий кровавый след вел куда-то в бурелом, как будто раненый тцился заползти поглубже и там отсидеться, невидимый и неслышный. Оттнир прополз под павшим стволом... там его Щелк и нашел.

– Ну, что? – Моряй и Перегуж в буреломе не полезли.

– Мертвее некуда! – Щелк вылез из укромного убежища, отряхнулся. – Жилу на шею разрубил. Оттнир умирал долго, пока кровь не вытекла. Ее там целое озеро – гляди, вот перепачкался.

– Одного не пойму, почему их зверье не потратило? – Моряй искоса взглянул на воеводу. – Заставных воронье поклевало, волки наведались, а этих...

– Сам гадаю, – помрачнел Перегуж. – Был бы ты волком, чего сторонился?

– Огня, медвежьего следа, кабаньей тропы...

– Всамделишный волчара не глупее нас с тобой, – усмехнулся воевода. – Чует опасность, потому и не лезет.

– Какая опасность от мертвяков?

– А сам отчего за меч уцепился, не оторвешь? Ведь кругом только трупы! И глаза круглые, как у совы!

– Жутковато.

– То, что жутковато, зверье раньше нас с тобой учуяло. Той жути, что вместе с кровью по лесу разлита, и боятся. Кстати, ты оттниров считаешь? Это который?

– Восьмой.

– Ох, чую, девятый недалеко. Бего-о-ом!

Девятый пренебрег доспехом, и неведомый заставный боец его просто-напросто вскрыл, как раковину, поперек груди. Нашли в кустах, справа от тропы. Десятого гонец прирезал со спины, под лопаткой остался торчать нож с рукоятью из бивня моржа.

– Его собственный. – Щелк вынул нож из раны и вложил в ножны, что висели на поясе оттнира.

– Обошел со спины, вырвал нож из ножен и уложил одним ударом. – Перегуж внимательно осмотрел траву вокруг. – А ведь наш ухарь тоже ранен! Вот глядите, подкрался с этой стороны, из-за дерева, выждал какое-то время, неслышно скользнул в самое подбрюшье и прирезал! А на стволе, пока таился, оставил свою кровь!

Пошли невысокие каменистые холмы. Одиннадцатого нашли внизу, под крутым обрывом, откуда тот никак не мог выбраться сам. Так и помер на камнях – со сломанной шеей долго не живут. Двенадцатый лежал на тропе шагах в двадцати, сжимая в руке окровавленный меч.

– Ох, не поберегся ты, парень! – покачал головой старый воевода. – Достал-таки оттнир! Меч в крови.

– Может быть, не его кровь? Вся застава кровищей изошла!

– Его, – мрачно бросил Перегуж. – Лезвием кусок рубахи вырвал, видишь, там на кончике? Было бы дело в крепости, от беготни по лесу клочок давно слетел бы.

– А ведь счет быкам пошел на второй десяток! – бросил Моряй и усмехнулся.

– Я уже ничему не удивлюсь. – Щелк присел на валежину. – А все же угадал Волочек с гонцом!

– У старого было чутье на таких. – Перегуж вытер испарину со лба. – Пусть ему сладко пируется в чертогах Ратника.

– Я не очень хорошо знал заставную дружину... – Моряй напрягся в потугах припоминания. – Знал несколько человек, но и только. Кто бы это мог быть?

Щелк пожал плечами. Пересекаться с заставными не приходилось. Видел нескольких в Сторожище, кое-с-кем водил шапочное знакомство, но тем дело и ограничилось.

– Я знал побольше вашего, но тоже не всех, – вздохнул Перегуж. – Гадать можно бесконечно. Солнце в полдень входит, а дел еще немеряно. Встали! К тринадцатому!..

Далеко за полдень, почти в самых сумерках нашли девятнадцатого и последнего. Лица на нем просто не осталось, пониже шлема застыла кровавая каша, ни губы, ни нос больше не просматривались. Полуночник застыл в нелепой позе у прибрежных камней – вытянул руку, будто тщился что-то ухватить слабеющими пальцами, – и от места схватки к морю тянулся теперь лишь один кровавый след. Бурая полоса обрывалась в прибрежных камнях, на гальке угадывался волок, словно к морю тащили ладейку... и все. Море не хранит следов. Давно растаяла пенная дорожка за рыбацкой ладейкой, а кровь, оброненная неведомым гонцом, давно смешалась с морской солью. Перегуж, Щелк и Моряй лишь переглянулись.

– Сдается мне, он еще появится. – воевода подкрутил ус.

– Станет обидно, если море не отдаст его земле. – Щелк прищурился, словно мог углядеть в туманной завесе черную точку. – Чарку-другую с ним я бы с удовольствием раздавил.

– Что теперь? – нахмурился Моряй.

– Война, – вздохнул Перегуж. – Будет война. Отсюда почти равно далеко до нас, до млечей и до соловеев. Куда ударят полуночники... не знаю. Нас не было восемь дней, вот сойдем дома на берег и попадем как кур в ощи́п – глядь, а в Сторожище уже отгниры хозяйничают. Не угадаешь. Посему закончим тут и тихонько двинемся восвояси. И вроде все ясно, большая беда стучит в ворота, а беспокоило мне от сущей мелочи.

– Какой? – в один голос спросили Щелк с Моряем.

– Где пятьдесят четвертый?..

Часть 1 ИЗГОЙ

Глава 1 Сторожище

– Ну-ка в сторону сдай! Ишь, раззявился!

Седой и тощий мужик, по всему видно чужак, на окрик резко обернулся. Уличную толпу, словно ладья волну, резал надвое здоровенный детина с необъятной бочкой на плечах. Крикнул да впритирку прошел. Не рассчитал, а может быть, нарочно пихнул. Бочка – эвон какая! Тяжелехонька, полнехонька, жилы из человека тянет, свет белый застит. Вот и не углядел, толкнул самую малость. Седому да худому и того хватило. Слетел с ног наземь, растянулся на дороге, приняла его серая пыль, будто мягкая перина. А здоровяк лишь крякнул, подбросил бочку на спине, принял поудобнее и прочь зашагал. Дела торговые спешки не любят и к праздности не льнут. Голь перекатная, упал – поднимется, выпачкался – отряхнется. Ему пыль дорожная – стол, постель, подруга. Упал, пыль поцеловал – как с родней повидался.

Седой медленно поднялся, искоса выглянул в спину здоровяку с бочкой на покатых плечах и усмехнулся. Отряхнул пыль с невышитой рубахи, выбил волосы, стер с лица грязь.

– Ах, нечисть, ах, поганец! – залопотал кто-то за спиной. – И ведь не впервой ему так: человека – в грязь, девку – за подол, что плохо лежит – за пазуху! Вот ведь поганец, ой, поганец!

Собиралась толпа зевак, и впереди выступал убогонький, пьяный старик, что смешно качал кудлатой головой на худющей шейке. Тряс нечесаными космами и лучезарно улыбался.

– То Еська Комель озорует. Здоров бочки таскать, что я пиво дармовое хлестать. Жаден так же, как велик... Сам таскает, лишь бы другим не платить.

Седой исподлобья окатил толпу холодным взглядом и молча отвернулся. Дескать, все обошлось, люди добрые. Толпа разочарованно загудела. Эка невидаль, пылью человека угостили, ни драки тебе, ни разбитых носов. Убогонький пьянчужка, нимало не смущаясь, обошел седого, встал спереди и уставился тому в лицо. А что, интересно ведь! И вовсе чужак не стар. Сед – не отнять, однако не стар. Борода еще догорает рыжиной, но тлеет из последних сил. Лет еще пяток и подернется пеплом вся. Редкие, но глубокие морщины пробороzdили лицо, будто трещины иссохшую землю. Глаза печальны, а что пожил, что жизни нахлебался – и так видать. Седой поднял с земли скатку, небольшой мешок, и последним отнял у дороги меч.

На людской гомон, как пчелы на сладкое, уже спешила стража. Где шум да брань – там княжий человек, зорко оком водит, бранящихся разводит. Здрав Молостевич по прозвищу Брань, к началу не успел, однако и за спинами не ворон считал. Едва углядел меч в хозяйстве чужака, мигом вперед протиснулся. Даром что чужак на вид невзрачен – знающему человеку только разок взглянуть. Навидался таких на всю оставшуюся жизнь. Княжьем повелением всякому стороннему клинку, будь то меч или сабля, место определено в ножнах. Впрочем, иному умельцу запрет вовсе не помеха. Один с мечом – как мачеха и падчерица, другой и простым топорщиком чудеса творит. Аж земля горит под ногами.

– Двинь-кось! – Здрав растолкал зевак и, широко расставив ноги, встал перед чужаком. – Ну-ка, Сивый, дай сюда меч. Глядеть буду.

Чужак, не мигая, морозил десятника глазами избела-небесного цвета и медлил.

– Давай, давай! – Брань требовательно затряс рукой. – Всяк своим делом занят. Мое дело печать проверить, твое дело – меч отдать! Есть печать – гуляй ветер, если нет – взыщется с тебя. И не говори, что про указ не слышал!

Сивый отвел глаза и, глядя куда-то в сторону, неохотно отдал меч. Здрав оглядел клинок со всех сторон. Вроде все на месте. Рукоять приторочена к ножнам не одним – двумя ремешками, ремешки увязаны не двумя – аж тремя узлами, не одна – две восковые печати ало полыхали на ремешках, и на обеих соколиная лапа хищно топорила когти.

Брань окинул чужака с ног до головы цепким взглядом и знобливо поежился. Глядит Сивый, будто вымораживает, глаз холоден, не улыбнется, не отшутится, стоит себе и стоит. Молчит.

– Пожалел дурня? Скрепился?

Чужак даже не улыбнулся.

– Молод еще. Поседеет – перебесится.

– Если доживет до седин. Кто таков? Как звать?

Кто как звал, а чужие так и звали – «Сивый» или «Безродный». А на правду что ж обижаться?

– Безрод я.

Зеваки внимали молча, как один раскрыв рот. Думали, седому повезло, жив остался, не разметал костей по большаку, а дядька Здрав дело вон как обернул! Выходит – уберегли боги Еську-дурня?

– Гляжу, меч при тебе, стало быть, не землю пашешь. Чей человек?

Чей? Теперь ничей. Погиб Волочек-воевода, сложили головы сотоварищи. Один-одинешенек и остался. Даже смерти безродный оказался не нужен. Около родовитых такой – будто постный шавелевый пирог рядом с жареной олениной.

– Ничей. Сам по себе.

Брань узнающе прищурился и хитро оскалился.

– Врешь, поганец! Узнал я тебя! Волочков ты человек со Скалистого острова, с чернолесской заставы! Бывал я в тех краях три года назад! Видел тебя мельком. Видел мельком, а запомнил на всю жизнь!

– Был Волочков, теперь сам по себе, – буркнул Безрод.

– А надолго к нам?

– День-два – и нет меня.

Любопытный пьянчуга с козлиной бороденкой слушал так внимательно, что и не заметил, как оттоптал Здраву ноги, мостясь поближе.

– А ну вон отсюда, лень праздная! Ишь, рты раззявили! – рявкнул Брань, обращаясь к толпе. – У каждого забот – возок с верхом, так нет же, давай сплетни собирать да ухо гладить!

– Здравушка, миленький, а дальше что? Кого правым сделаешь, кто виноватым уйдет?

Страсть как интересно!

Здрав, усмехнулся, оглядел толпу и, заговорщицки подмигнув, назидательно изрек:

– Дам слово заветное. Слушать внимательно, да на ус мотать!

– Уже мотаю! – Любопытный пьянчуга подался вперед и подставил ухо.

– А слово заветное вам такое будет: «Не лезь на рожон, целее будешь!»

– Ну-у-у! – восхищенно протянул «козлиная бороденка».

– Подковы гну! Вон отсюда! – Здрав беззлобно оскалился.

Проныра сделал вид, будто уходит. Дал круг за спинами и вылез меж зевак с другой стороны.

– А ты, Волочкович, ступай за мной. Тут недалеко, даже пыль поднять не успеем.

– Меч отдай. – Сивый окатил стражника стылым взглядом и спокойно протянул руку.

– Держи. Не пойман – не вор.

За неимением пояса и перевязи меч ни сбоку подвесить, ни за спину приладить. Так и зажал Безрод меч в руке. Невышитая рубаха полоскалась на ветру, в одной руке меч, в другой – скатка.

Здрав прошагал мимо двора кончанского старшины, княжий терем остался и вовсе в другой стороне, и толпа зевак в недоумении зароптала. Суд за уличные беспорядки могли учинить князь, голова городской стражи и старшина. Князя беспокоить – уж больно дело мелкое, голова стражи – еще туда-сюда, а вот кончанский старшина для такого случая самый подходящий судья. Но Брань рассудил по-своему. У корчмы Еськи-дуралея весь ход остановился, и Здрав сделал Безроду знак следовать за собой. У ворот корчмы остался второй стражник, молодой румяный парень, и зеваки стали расходиться. Не ушел только убогонький пьянчужка «козлиная борода». Все тянул тонкую шейку, выглядывал что-то в полутьме корчмы и косился на стража у дверей. Наконец не выдержал, собрался с духом и скользнул-таки в щелку между стражем и дверью. Тут-то его Будык и прижал коленом к косяку.

– Помощников только не хватало! Думаешь без тебя, Тычок, не разберутся?

– Я тут это... а вот желаю бражки выпить! – заявил пригвожденный к доскам Тычок. – Хочу!

– Да уж хватит. – Будык отпрянул, и корчемный завсегдатай осел наземь. – С утра плещешься. Домой иди. Все тетке Жичихе расскажу, бражник.

Тычок отошел, почесывая затылок. Толпа, утратив последнюю надежду, окончательно разошлась. Интересно, чем дело кончится, да ждать уж больно долго. Утром и так все станет известно. Тычок – он уж точно до конца выстоит...

Здрав за локоток поймал пробежавшую мимо девку из обслуги, спросил, где хозяин. Кивнул Безроду и пошел первым. Еська Комель правил плетень во дворе. Заслышал шаги, оглянулся, нахмурился. Узнал.

– Я вот любопытствую... – Брань грубо развернул Комеля к себе. – Во что день свой ценишь?

– День? – Корчмарь поскреб загривок. – Ну-у, бочка меду от Сиваня, бочка квасу, пяток поросят, мера пшена, мера гречи...

– А догляд?

– И догляд.

– Стало быть, золотом рубля два. – Брань, прищурился один глаз, смерил Безрода с ног до головы. – Множь всемеро. Да, пожалуй, и еще вдвое.

– С чего бы это? Не понимаю, дядька Здрав!

– Молод еще, потому и не понимаешь! Не встал бы ты раньше. Горюшко, оно ведь споро, сбудешь да не скоро.

Комель вдохнул, да так и остался с грудью, распертой, словно бочка. Дошло. Поскреб загривок.

– Да чудно как-то! Старик стариком, да и меч заперт... – вздохнул Комель, недоверчиво оглядев Безрода.

– Зенки не выкатывай! И смотри, Еська, доиграешься! По кромке ходишь, нынче мало за край не сверзился. Не этот – другой покалечит. Да и я за шум взыщу. По миру пойдешь, если жив останешься. Смекнул выгоду, бестолочь? Вот и выходит, что должок на тебе.

– Ка-какой должок? – Еська побледнел.

– А такой! Две седмицы поишь сивого, кормишь, кровом оделяешь. И тебе не в убыток, и мне спокойнее. – Брань хитро покосился на молчащего Безрода. – Ох, Еська, с огнем играешь! И не говори, что не слышал! А будешь из себя дурачка строить, не досчитаемся тебя однажды. Слезамизойдем горючими, погребем под ивами плакучими! Чего молчишь, как истукан? Понял?

– Чего ж не понять? Слава богам, не дурак! – Еська бросил на Безрода недобрый взгляд.

– То-то! И без шуточек тут у меня! Не вздумай Сивого цеплять! А то найдут тебя однажды калечного да увечного! А я скажу, что ничего не знаю.

Комель мрачно кивнул.

– Две, говоришь?

– Две, – кивнул Брань, уходя. – И не дури.

– Уже день долой! – крикнул корчмарь.

– Ты, Еська, шустер, как меч остер! – Здрав, не останавливаясь, покачал головой. – Да так и быть!

– Откуда же вы такие беретесь? – Едва стражник ушел, Комель глыбой навис над новым постояльцем и зашипел тому прямо в лицо. – Как придет напасть, хоть вовсе пропасть!

Уж как Еська не страшал... Сивый с места не отшагнул. И вовсе он не стар, как поначалу казалось. И морщины у него не морщины – четкие, будто ножом резаные. А и впрямь больше на шрамы похожи, что взбугрились там, где у простых людей морщины ложатся – «гусиные лапки» у глаз, три борозды на лбу, две убежали от носа в бороду.

– Не блажи. – Голос горе-постояльца оказался не слабее Комелева. Только не грохотал, как гром, а свистящей змейкой в ухо вползал. – Сдуйся.

Еська мгновение колебался и отошел. Провел Безрода на самый верх, под крышу, в каморку, где только метлы ночевали да ведра. Но тепло и сухо.

– Вот и спи в тоске, на голой доске, – Комель показал пальцем на угол, свободный от утвари. – Стол положу раненько утром, да поздно вечером, как закроюсь.

И ушел, сотрясая корчму смехом. А Безрод положил на пустую бочку меч, скатку, усмехаясь, огляделся. Выбрал метлу поновее и прошелся ею по своему углу. Потом бросил скатку в изголовье, меч уложил рядом с собой, задул плоску с жиром, что принес Еська, и лег.

Утром встал чуть свет. На бочке, стенах, на полу осел иней, а ворочался всю ночь, будто на углях спал! Несколько раз просыпался от жажды, шептал в кромешную темень: пить, пить... А подать-то и некому!

Безрод спустился вниз. Девки-кухарки только-только печь разводили. Сами сонные, опухшие с недосыпу, глаза трут, зевают, волосы дыбом стоят. Вышел на улицу. Еще не светло вокруг – серо, все видно как в тумане. Серое море слилось с таким же серым небом, и пришлось долго искать тонкую линию дальнокрая. Но если гонит вперед дело, самое важное в жизни, и дальнокрай найдешь, и выше головы прыгнешь.

Ладейщики на берегу уже сновали туда-сюда. Вот у кого сна ни в одном глазу! Не зевают, не чешут затылки, будто и вовсе не ложились. На пристани Безрод огляделся. Ладей – тьмы тьмушие! Иные грузятся, иные разгружаются. Туда-сюда по хлипким мосткам ходят грузчики. Выступают неспешно, каждому шажку цену знают. Тут спешка не в чести.

– Эй, парень, чего косишься? Сглазишь!

Безрод обернулся на голос. Этот купчина мог с закрытыми глазами говорить «парень» любому.

– Ты хозяин? – Безрод кивнул на ладью перед собой.

– По делу или язык почесать?

– Дело у меня.

Старик, крепкий, словно дуб, зычно крикнул, приложив руки ко рту:

– Ми-и-ил! Ми-и-ил!

Над бортом одной из ладей, красавицы с расписными боками, выросла соломенная голова.

– Чего-о-о?

– Через плечо, сволота! Больно медленно грузимся!

– Управимся-я-я!

Безрод огляделся. Все кричат. Купцы одергивают приказчиков, те – грузчиков, пристань, надрываясь, гомонит, будто птичий двор.

Старик, ставший от крика малиновым, спадал с лица.

– Ну, говори свое дело.

– Куда идешь и когда?

– То моя печаль.

– Возьми с собой.

Старик внимательно оглядел битого сединой неподпоясанного парня в одной невышитой рубахе. Разгулялся полуночный ветрище, хлопает рубаха, будто знамя, а сивый и глазом не ведет. Даже глядеть на него зябко – старик поглубже запахнулся в волчью верховку, а сивый стоит, будто сам жаром пышет.

– Куда тебе?

– В Торжище Великое.

Купец оглядел Безрода с ног до головы. Не хлипок, не велик, а лишь к веслу бы привык.

– Может, и возьму гребцом.

Безрод ухмыльнулся. Уж какая тут гребля, когда раны еще не зажили! Под рубахой места живого нет, весь холстиной перевязан. Возьмись только за весло, кровяца потечет, как из резаной курицы. Да делать нечего.

– Приучен.

– Платы не возьму. На весле пойдешь.

На весле, так на весле! Торговаться нет времени.

– Через два дня ухожу. Пойдешь на этой ладье. – Старик махнул на ладью с расписными боками, где погрузкой заведовал приказчик Мил, что обещал успеть ко времени.

– Звать-то как? – Безрод усмехнулся.

– Дубиня.

Как есть Дубиня. Крепок, будто кряжистый вековой дуб. А Дубиня еще долго смотрел вослед новому гребцу. Чем-то по нраву пришелся старику этот неподпоясанный худощавый парень, прижимавший к груди меч. Неровно стрижен, должно быть, сам волосы режет. Деньги бережет, что ли? Ремня нет, рубаха штопана-перештопана, сам тощий, будто жердь. А глаз холодом леденит. И зачем ему в Торжище Великое? На купца похож так же, как сокол на курицу. Родня там, что ли?

– Эй, Дубиня, никак сынок сыскался? Эх его жизнь перевернула!

Пристань грянула таким хохотом, что проснуться должен был весь город. Дубиня побагровел, заозирался кругом, схватил ближайший булыжник, но пристань вмиг обезлюдела. Только равнодушные ко всему грузчики ходят по мосткам, а смех несется не пойми откуда. Смех есть, людей нет.

– Тьфу, пустобрехи! – досадно крякнул Дубиня, роняя камень. – Ладно, голос-то я запомнил. Вот пристрою камень в зубы, то-то смеху будет! Пузо бы не надорвать!

Безрод заканчивал с миской каши, когда ленивое корчемное утро подстегнули взволнованные крики кухарок:

– Идут, идут! Побитые соловейские рати идут! Уже в город вошли! Что ж теперь будет?

Ясно, что будет. Игры кончились. По всему видать, к драке дело идет, да такой, что потом не всякий ворон от сытого пуза взлетит. Безрод усмехнулся, спокойно доел кашу, хлебцем подобрал последние крупинки. Спустился на кухню, отдал миску девке-посудомойке. Получил солнечную улыбку, хотел было улыбнуться в ответ, да передумал. Не показано ему улыбаться. Шрамы так лицо кривят, что у милой девки не то что улыбаться – жить охота отпадет. Повернулся спиной, как бирюк бессловесный, и прочь зашагал к себе в каморку.

А по ступенькам Еськиной корчмы едва не кубарем один за другим скатывались постольцы, заспанные, полураздетые. На ходу запахивались, терли глаза и бежали на площадь перед главными воротами, через которые входили в город остатки соловейской дружины. И, не прижмись Безрод к стене, невысокий, круглобокий купчина напрочь снес бы с ног. Растоптал и не заметил. Сивый лишь бросил холодно вослед:

– Порты упали. Загремишь.

Купчина так и замер с поднятой ногой – видать, сердце в пятки ушло. Опустил глаза вниз, опомнился и что-то буркнул про «шваль беспоясую». Безрод и ухом не повел.

Больно скоро все случается. Уже и соловейское войско разгромлено. Не сегодня-завтра сюда беда придет. Хорошо бы успел Дубиня снарядить ладью. И если удастся уйти в означенный срок, это будет настоящая удача. Только не стал бы купец откладывать. Того и гляди, вздумает подождать осенних медов, последних перед холодами, да с медами и отправится в Торжище Великое. Дурак не станет купцом, а кто из купцов по своей воле упустит выгоду? Нет, кажется, не успеть. Ладья грузится медленно, до сих пор зерно на пристань свозят, каждая пара рук на счету. А каждая ли? Безрод оглядел собственные крепкие ладони и усмехнулся. Есть еще пара рук, пока не пристроенных к делу под мешки и бочата. Можно, можно ускорить отъезд...

Сивый шел на пристань, и выходило так, что пройти мимо красных ворот все равно придется. Еще недавно площадь перед главными городскими воротами походила на муравейник – горожане с испугом глазели, как через Стрелецкую башню в город втягивалась пощипанная соловейская рать. Кто сам шел, кого на телеге везли. Долго шли или нет, слава всем богам, вскоре перед воротами опустело. Не целый же день бездельника праздновать! Уже и солнце в полдень вошло, и если бы не острый, звериный слух Безрода...

Будто стонет кто-то. И даже не стонет, а с присвистом громко дышит. Сивый мгновенно подобрался, поднял глаза с земли. Площадь как площадь. Редкий люд спешит по своим делам. Низина около площади прячется в липах и бузине. И как бы не из липовой посадки доносится стон. За деревьями да кустами ничего не разглядеть. Безрод рванул вперед, благо слепой увидит, куда идти. Трава примята, кровящи расплескалось – море, кусты продавлены. Сивый влетел в самое сердце посадки. Лежит. Молод еще, доспех изорван, да так ярко, что крепкая воловья кожа толщиной с ладонь топорщится ошметками. Шлема и вовсе нет, голова тряпьем перевязана. Должно быть, шел боец последним, обессилел, повело назад и оступился. Один миг – и нет человека. Скрылся за бузиной, исчез. А в таком гомоне, грохоте телег, да лязге доспеха разве кто услышит, что человек стонет? Безрод пристроил меч в заросли, скатку бросил туда же.

– Бестолочь! Если так железом порвали, только на телеге и ехать! Нет же! Мы молодые да сильные, от нас не убудет!

Парень оказался здоров, что бычок, и так же тяжел. Безрод просунул руки под тело, задрал бороду в небеса, что-то истово прошептал и одним рывком вздернул соловья на руки. Ничего, что тяжел, руки не отсохнут! А если жив останется, с самого ремней настругать бы за безрассудное ухарство! С кем же, интересно, схватился молодец? Так порвать бычачий доспех – силища нужна дикая! Безрод сделал первый шаг. Тяжко! Ничего, подтолкнут боги в спину. Парень, видать, не последний в сече был, такому грех не помочь.

– Потерпи, дружище, – шептал Сивый. – Нам бы только до княжьего терема дойти!

Открылись наспех залатанные собственные раны. Безрод, обливаясь потом и кровью, кусая губы, выступил из-за лип. Редкие прохожие спешат по делам, по сторонам не глядят. И, как назло, ни одного стражника!

Вот ведь чутье у старого – поблизости оказался давешний пьянчужка с козлиной бородой. Безрод с натугой улыбнулся старому знакомцу и пошел быстро, как мог, благо искать дорогу

не пришлось – прошедшее воинство оставила весьма заметный след. Справа и слева, откуда ни возмись, как по волшебству выросли зеваки.

– Молчать! – рявкнул Безрод.

Тишина как воздух нужна. Перестанет здоровяк сопеть, только одно и останется – положить наземь и самому сделать все, что нужно. Толпа послушно умолкла. И уже не поймешь, чья кровь на земле остается – то ли спасенного, то ли спасителя.

Вот и терем. Сивый от души заехал сапогом в дубовые ворота с коваными полосами – аж гул пошел по всей округе. Стража переполошилась, загремела засовами. Слава богам, попался кто-то глазастый, в окошко углядел, что к чему, – мигом разнесли дубовые ставни на две половины, и Безрод, едва не падая, ступил на двор. Зеваки внутрь не пошли, остались у ворот.

– Быстрее! Куда нести, бестолочи!

– Сюда неси! – На пороге амбара появился средних лет дружинный, дверь держал широко распахнутой, глаза метали искры. – Живее!

Безрод не заставил себя упрашивать – мигом взлетел по ступеням и осторожно внес раненого в проем. Таки умудрился протиснуться с ношей на руках.

– Туда, – воитель, должно быть, воевода, показал в дальний угол.

Весь амбар заполнили остатки побитой рати, яблоку негде упасть, только-только внесли. Волоковые оконца распахнули настежь, дабы запах гниющих ран и крови не застаивался. Однако на всех порубленных ворожцов не хватало. Безрод положил найденца на свободное место, огляделся. Все старики заняты, у каждого на руках страждущий. Ругаются, кривятся, скрипят зубами. Всего в шаге стоит громадный ворожец, бормочет наговор над стонущим соловеем, да все равно не жилец парень на этом свете. У такого грех лекаря отнять. Сивый оглянулся на воеводу. «Не знаю!» – мрачно скривился тот. Была не была! Безрод ухватился за посеченный доспех, там, где было разрезано (с ремешками возиться – только время терять), напрягся – да и располовинил.

У воеводы аж глаза полезли на лоб.

– Меч и тряпки!

Тот мигом протянул свой меч, подозвал кого-то из дружинных, одним рывком сдернул с него рубаху и разорвал на полосы.

Рубаха, пущенная на перевязку с молодого, да полного сил, оздоравливает крепче. В мече обретается дух бога Ратника – у кого же еще просить помощи для раненого? Безрод обернул меч полотнищем и зашептал:

– Бог могуч, с неба солнца луч, удалца освети, не давай увести в смерти чертог, дай пожить чуток... – приговаривал и поглаживал лезвие полотнищем.

Вот старые знахари от дел оторвутся да намылят холку за ворожбу! Верно говорят, наглости боги не дают, люди сами воруют. Ворожить под носом у мудрых стариков – не шепотку наглости украл, а телегу с возом!

– ... Силой напитай, здравить помогай, меч-душа, чудно хороша, Ратника сестрица, помогай от смерти отбиться, молви брату слово, оживай парень снова! – Сдернул с меча полотно и бросил конец полосы на рану. Воевода, стоя в дверях, сдерживал любопытных.

– Света! Света дай! – прошипел Безрод.

Седобородый воевода развернулся к парням и мало не пинками согнал с крыльца.

Показалось – или на самом деле в избу проник солнечный луч? Самый старый ворожец, тот, что стоял ближе всех, открыл глаза и, не переставая отчитывать раненого, косился на Безрода. И не прочтешь по глазам, зол старик или нет. Просто косится, и, знай себе, наговор шепчет. Сивый перевязал найденца, приложил ухо к груди, прислушался. Вроде бьется, вроде дышит парень. Посмотрел на ворожца. Тот еле заметно кивнул. Безрод засобирился встать и... не смог. Сил не осталось. Хоть сам рядом ложись. Шумит в голове. С третьей попытки встал,

поднял воеводин меч, еле переступая, пошел на свет. Облокотился о пристенок, зажмурился на солнце и протянул меч вперед. Кто-то тяжелый взошел на порожек и осторожно взял клинок.

– Жив?

– Жив. – Безрод открыл глаза.

Стоят кругом дружинные, насупились, будто съесть хотят. Безрод ухмыльнулся. Кому надо, тот и съест. Вот выйдут ворожцы, да раскатают наглеца по косточкам. А эти бестолочи пусть плятятся. Денег за погляд не берут. А брал бы – озолотился. Безрод отлепился от пристенка, качаясь, пошел вперед. Молодцы стояли стеной и расступаться не думали. Враз углядели, что нет на чужаке пояса ни воинского, ни ворожского, и хоть бы гашник захудалый опоясал сивого. Даже бывалые вои не всякий раз вороват самовольно – накличешь беду, – а тут вы только посмотрите... Много чести неподпоясанному самозванцу дорогу давать! Еще бестолочами обозвал! Не дуб, корни не пущены, обойдет. Безрод и обошел бы, просто сил не осталось на лишний шаг. Воевода выручил. Рывкнул:

– Раздайся! Раздайся, кому говорю!

Раздались. Неохотно, правда, но дорогу на ворота открыли. Катись, мол, восвояси. И только было доковылял до середины двора, услышал шум за спиной. Кто-то окликнул: «Стой, Сивый!» Безрод остановился. Замер. Никак, спохватились? Старики решили за ворожбу без разрешения смертным боем бить? Плевать, что старики! Ворожцы получают по шее, будто простые скотники. Видал того старого ворожца в избе. Ручищи – словно бычьи ляжки, наверное, древесные корни голыми руками рвет. Такому холку начесать милое дело. Безрод повернулся к амбару, и усмешка сама собой застыла на губах.

В шаге от двери двое здоровяков под руки держали воеводу, чей меч помог отобрать умирающего у Костлявой. Тот не мог стоять сам и без преувеличений висел на своих парнях. А на крыльце, прислонившись к косяку, мало-помалу сползал наземь давешний могучий ворожец, и голова его бессильно болталась по груди.

Глава 2

Приговор

– Хорошо, не отобрал всю жизнь! – громогласно буркнул здоровенный ворожец, спуская ноги с ложа. Слава богам, отлежался! Его и воеводу под руки проводили в опочивальню, сюда же по знаку верховного ворожца втокнули и Безрода. – Еще немного – и рядом легли бы три трупа! Ты, я и Перегуж!

– Ведь не легли же.

– Уж не знаю, кого благодарить! Я старец немощный, на меня только дунь!

– Ладно прибуднаться! Здоров, как бык, а все туда же! За старость прячешься.

– Ты хоть понимаешь, что произошло?

– А чего тут понимать? – буркнул Безрод, поднимаясь на ноги с лавки. – Я не пустил парня в небесную дружину Ратника. Рановато ему пока.

– Не знаю, кто тебя учил, но ты едва не перешел грань! Да, ты забрал силу из меча Перегужа, но погляди теперь на воеводу! Меня едва не упокоил, да почитай все ворожцы в амбаре головной болью маются! А ведь не мальчишки сопливые – на этом деле поседели!

Сивый глядел исподлобья и молчал. Только-только начал шевелиться бессознательный Перегуж. Что сделано – то сделано. Иначе было нельзя. Верховный в упор глядел на Безрода и лишь головой качал.

– Самого где порубили?

– Пчелы покусали.

– Брось трепаться. Мигом язык узлом свяжу!

– С тебя станется, – усмехнулся Сивый и покосился на огромные руки старика.

Мало-помалу пришел в себя Перегуж. Кряхтя, сел на ложе, сбросил ноги вниз и только охнул, когда под ладонь лег давешний меч.

– Ох, парень, до сих пор не пойму, что это было. – Перегуж проморгался и огладил ножны. – Едва взял после тебя меч в руки, чую – холодом пальцы леденит. И перед глазами завертелось, ровно перепил.

– Ясное дело. – Ворожец многозначительно посмотрел на Безрода. – Сивый из меча силу вытянул, меч – из тебя. Чуть не обескровил клинок.

– Ладно, что все обошлось. – Перегуж пошевелил пальцами ног, повел плечами, покрутил шейю. Захрустело. – Парень жив остался. Нам теперь каждый боец на вес золота.

– Не уверен, что обошлось. – Ворожец выглядывал в окно, и на лицо мало-помалу сходила тень, как на ясное небо перед грозой. – Княжий терем гудит – ровно пчелиный рой. Твоя ворожба мимо не прошла, даже князь почуял.

– Ты гляди, – буркнул Безрод. – Ворожец на ворожце, ворожцом погоняет. Князь тоже из ваших?

Старик отвернулся от окна, какое-то время пристально разглядывал Безрода и, наконец, коротко бросил:

– В свое время узнаешь. Подойди, плечо дай.

– Да не дави ты, уже по колени в землю вогнал! Полегче!

– Не кряхти. Веди.

– Куда?

– На Кудыкину гору!

Вышли из избы и, повинувшись указкам старика, Безрод подвел ворожца ко входу в терем, помог подняться. А дальше только и оставалось, что мрачно кусать губу – старик, не спрашивая дозволения, ногами распахивал двери, а дружинные только прятали улыбки в бороды.

– Полегче, Стюжень, дверь только навесили. После тебя месяца не провисела!

Стюжень пнул сапогом последнюю дверь и едва не снес ее с петель. Князь о чем-то спорил с воеводами. Разгневался, покраснел. Безрод прикусил губу: тьфу ты, из огня да в полымя! Самое время на светлы очи вставать! Князь нынче зол, страшен, попадешься под горячую руку – быть беде. И ведь глядит с неприязнью, ровно сто лет знались и весь век враждовали. Сивый, не мигая, буравил князя стылыми глазами.

– Здоров ли, Стюжень? Больно бледен.

– А с чего румяным быть? До сих пор в ушах звенит. Только что поднялся.

– Ты кто таков, что ворожишь без спросу и с людьми не чинишься?

Князь вроде и словом не обидел, а все равно будто кулаком от души приложился.

– Кто я таков, про то сам знаю, да тебе не скажу, – буркнул Безрод, глядя исподлобья. Невзлюбил князь – и ладно. Не больно-то нужно.

Князь мгновенно сузил глаза, в них недобро заблестали гневные огни.

– В яму захотел? Не можешь язык укротить – сядешь в яму! Не с кем-нибудь говоришь – с князем! Спрашиваю – отвечай!

– Чего не сажал, того не жни, чего не давал, назад не проси. – Сивый мрачно выглядывал из-под бровей, сведенных в нить.

Стюжень все так же висел на плече Безрода, побряхтывал. Шумело в голове. Князя от злости аж перекосило. Так стиснул поручень скамьи, что едва в щепы не смял затейливую резьбу. Держала Безрода на этом свете сушая малость – спасенная только что жизнь молодого соловья.

– Уговаривать не стану. Больно дерзок. Захочу узнать – мигом язык развяжу. Еще не выжут языки теми узлами, что развязать нельзя.

– Крови жаждешь? – еле слышно прошелестел Безрод. Стюженевы пальцы на плече сжались, едва кости не смолоти. – Скоро вдоволь напьешься.

– Что? – зашипел князь.

– Враг на пороге, – процедил Безрод. – Рот не перепачкай!

– С кем говоришь, безрод!

Ишь ты. Обидеть решил, безродом назвал. Смех один.

– Мне клыки не показывай. Ты – им князь. – Безрод кивнул в сторону воевод и дружинных. – А по мне – так просто боярин. И не всякому боярину голову склоню.

Князь аж зубами заскрипел, от злости побелел, а вои, дай им волю, изрубил бы дерзкого в ошметки. Но князь есть князь – взвился на ноги, вскинул голову и, не глядя на Безрода, процедил сквозь зубы:

– П-п-падалью смердит! Отворите окна!

Из палаты, вслед за князем, вышли все. Остались только Стюжень и Безрод. Старик не мог уйти сам.

– Присел бы. – Сивый подвел старого ворожца к скамье.

– Смел ты, парень, да так, что не пойму, смел или просто дерзок. Вроде и любить тебя не за что, а все равно благодарю. А еще за ворожкой ущучу – прибью насмерть. Падешь наземь, больше не поднимешься. Всякому кулику свое болото. Маши мечом, а в дела ворожские носа не кажи!

– А почему знаешь, что не ворожец я? Может, зря ругаешься.

– Зря не бьют бобря. Я воителя с закрытыми глазами распознаю. А что пояса на тебе нет, так мне это не помеха. Иди. А будешь ворожить – прибью.

Безрод вышел, а Стюжень еще долго смотрел сивому вслед. Станный парень. Ему ведомо слово, ему покорился дух меча, ему помогли боги, но ведь не было в округе ворожца такой силы! Не было! Уж он, старый Стюжень, знал бы.

Безрод вышел за ворота, в зарослях бузины подобрал меч, скатку, добрел до корчмы, по стеночке доковылял до каморки – да и рухнул на пол замертво.

Утром встал тяжело, а встав, зашатался. Словно полсебя отдал вчерашнему найденцу. Еле-еле пахнет рассветом. Солнце ворочается лениво, да вставать не спешит, день еще не начался, а ноги уже не держат. Безрод осторожно сошел вниз. На востоке лишь только-только начало заряниться, город зябко кутался в сырую ночную тишину, и даже собака лишней раз не сбрехнет в такую-то рань. Так же было в то злополучное утро на заставе две седмицы назад: тихо, туманно и промозгло сыро.

Только-только стало румяниться небо, а грузчики уже взялись за бочки и мешки. Время и самому под бочку встать. Быстрее погрузится Дубиня, быстрее уйдет. Не сегодня-завтра полуночники закроют губу.

– Здоров ли, Дубиня?

– Жаловаться нечего. Чего пришел?

– Помочь хочу. Раньше погрузимся, раньше уйдем.

– Никак узнал что-то худое? Оттнiry близко?

– Ближе некуда.

– Не беда! Мы – бояны! Отобьемся! Чего кривишься?

– Вроде и пожил на свете, а нос дерешь, будто дите малое.

– Потому и нет мне от девок отбоя. То-то сам ворчишь, будто старик древний.

– Больно много оттниров. И злы они. На вот, схорони. – Безрод протянул купцу меч и скатку.

Сам подошел к бочатам на берегу, взгромоздил на плечи один и медленно, но верно, будто настоящий грузчик, пошел к сходням. Дубиня только крикнул.

Безрод много где побывал, ходил и под ветром, и на веслах, но не представлял себе, что трюмы купеческих ладей так ненасытны. Носишь, носишь, а она все просит и просит! Еще и еще! Воистину ненасытная утроба – снаружи меньше, чем внутри. И хорошо бы с таким трюмом убраться отсюда пораньше. Если случай-шутник сведет в узкой губе Дубинины ладьи и полуночные граппры, ничего хорошего из этого не выйдет. С таким-то пузом далеко не убежишь. И отбиться не отобьешься. Разменяешь себя на троих-четверых, сложишь голову, и сделает тебе ручкой счастье-мареву, багровое зарево. А какое оно, счастье? С рыжим волосом или ржаным? Статна или круглобока? Эх, пустое все! Дураком жил, дураком и помереть!

Бочка рассадила шею, расковыряла рану. На многих бочках потом найдут кровавые следы. Почешут затылки и покачают головой. Дескать, до чего грузчик бестолковый попался, всю шеяку себе до крови сбил.

Грузчики разошлись полдничать. Звали с собой. Но Безрод лишь рукой махнул. Не хотелось есть. Ушел на самый конец пристани, в лесок, чтобы никого не видеть и самого никто не видел. Прилег под березой, подложил скатку под голову и задремал. Знал – долго не проспит. Как выйдет из-за листвы блеклое осеннее солнце, пощекочет нос, так и вставать пора. И снова под бочку или под мешок. Хорошо, рубаха красная, крови не видно. Пусть думают, будто взопрел. С умыслом красную взял, как раз для такого случая.

Обратно шел не спеша. И не поймешь – то ли отдохнул, то ли еще больше устал. Так, серединка на половинку. Сон видел. Сколько себя помнил, всегда был при дружине. Ходить начал при дружине, первый раз упал – при дружине, первые портки справил – опять же при дружине. Перешла тогда воеводина жена мужнины штаны, и бегал в них отроком, и спать в них ложился. Меч при дружине взял...

Подходя к пристани, Безрод отвлекся. Страшный шум спугнул сладкие дремы. Стоят люди, кричат, руками машут. Так раскраснелись, того и гляди – каждого удар хватит. Безрод протиснулся ближе. Стоит полуночный купец, прижат к углу сарая, бороду ошетирил, рукава засучил, никого не подпускает, рычит, будто пес на цепи. Подойди к такому! Кулачищи – с хлебный каравай. Кто-то уже потянулся за дубьем.

– Чего натворил?

– А чужое за свое принял. – Какой-то купчина, не оборачиваясь, прошипел за спину. – Его товар стоял рядом с товаром Зигзи. Вот и повадились его люди втихомолку Зигзевы бочата к нему в ладью таскать! У-ух, погань оттнирская!

– А если грузчики начудили? Перепутали?

– Не-е-е! Как пить дать, воровство задумал! Знает, что свои близко, вот и тянет руки к чужому!

Купцы перекипели и с криками ринулись вперед. Кто с кулаками, кто с колом, но скорее всех в угол влетел Безрод. Толпа будто расплескалась о седого да худого в багровой рубахе. Сивый поискал взглядом Дубиню. Не нашел. Отлегло от сердца. Хватило ума у старого, не ввязался в свару. Настоящим делом занят.

– Что удумали, купцы? Если виноват, волоки в терем!

– Уйди, парень! Добром просим. Быть беде!

Безрод обвел глазами толпу. Нет, не дойдет дело до князя, купцы уже все для себя решили. Овиноватили. Может быть, полуночный купец на самом деле виновен, но где же тогда сам Зигзя? Отчего молчит? Кто из разъяренных купцов Зигзя?

– Чего же толпой? Никак перепугались одного полуночника? Пусть один на один выйдут.

– Не то говоришь, парень. Не в свое дело встрял. Уйди, добром просим...

Вчера встрял не в свое дело. Сегодня, завтра... Так и жизнь пройдет.

– Дверь видишь? – бросил Безрод за спину полуночнику.

– Где?

– Слева.

– Да.

– Туда ныряй.

– Но...

– Ж-живо! – Сивый прыгнул вперед и обрушил кулак на дубье, что держал кто-то из купцов. Раздался треск, толпа отпрянула, будто от огня.

Оттнир воспользовался заминкой, подался влево, толкнул дверь амбара и мышью юркнул в темень.

Обозленный купчина бросил обломки жерди и разъярился пуще прежнего. Голь перекатная! Не подпоясана! Стращать вздумал! Не в свое дело суется!.. Стиснул пальцы в кулаки и первым обрушился на Безрода. Сивый только ухмыльнулся, встал перед дверью в амбар, ссутулился.

Озверевшие купцы тешились, пока не взопрели, били, пока кулаки не рассадили. За частоколом рук Безрода видно не стало. В амбаре, куда юркнул полуночный купец, что-то гремело, грохотало, падало, наконец, дверь отворилась, и на белый свет с огромным колуном над головой выскочил оттнир. Уставшие битейщики отхлынули, будто волна, огонь злобы в глазах погас. Выдохлись, остыли. На пяточке перед дверью остались только Сивый и полуночник, с топором наперевес. Безрод стоял, стоял да и рухнул на колени. Держал руки на теле, раскачивался, что-то шептал и ронял кровь наземь.

– Откушай боянских кулаков, полуночный лазутчик!

– Пошли. И так сдохнет!

– Может, и не того побили, а душу отвели!

Плюнув, купцы разошлись. Оттнир бросил колун, глянул туда-сюда, поддел Безрода под руки и вздернул стоймя. Подвел к поленнице, усадил на колоду, прислонил к стенке дров. Безрод хрипел, стонал, что-то шептал. Полуночник присел.

– Не отвечать... – шептал Безрод. – Только не бить.

– О, боги, могучий Тнир, храбрый Ульстунн, что же с тобой делать? Куда ни тронь – там отбито. Так свело болью, что и не разогнуть. А начну разгибать – от боли помрешь...

– Помоги встать, – еле слышно прошептал Безрод, но купец услышал.
Осторожно помог встать.

– Распрямляй.

– Помрешь.

– Д-давай!

Полуночник прижал Безрода спиной к своей груди, обнял за плечи, начал осторожно разводить. Сивый глухо стонал, крошил зубы, кусал губы и только под конец захрипел.

– Ну вот, слава всем богам! Нашли! – Из-за угла выметнулись Дубиня и стражники за его спиной во главе со Здравом.

Зеваки стайкой вились поодаль – мальчишки и взрослые бездельники, коих на любой пристани всегда пруд пруди. И впереди всех выступал давешний знакомец с кудлатыми вихрами, тонкой шейкой и козлиной бородашкой. Оттнир напрягся, но Безрода не отпустил.

– Дыши ровно, полуночник. Ошибка вышла. Бочки свои у Терпenea заказывал?

– Ну.

– Подковы гну! То-то и оно, что Зигзя тоже! И сам Терпень собственные бочата не различит! Нарочно не придумаешь – бочки одинаковые купили, и даже ладьями вы пососедились. Рядышком стоят, борт к борту! Грузчики виноваты, хотя виноватее всех Терпень.

Безрод плохо видел и слышал. Стоят какие-то люди, что-то спрашивают.

– Эге, парень еле дышит! Да посади ты его, что ли! – Брань в сердцах рывкнул полуночному купцу.

– Не отвечать... – преодолевая забытие, шептал Сивый. – Только не бить...

Что? Брань прислушался.

– Не отвечать... Не би-и-ить...

Здрав дышать забыл. Не отвечать? Не бить? Опять, стало быть, сдержался? Скрепился? А если бы разолился Безрод, распустил руки? Уж Сивый точно знает, как спровадить человека на тот свет. У Здрава глаз на такие дела наметан, кроме того – на заставах других не держат. Стражника прошиб холодный пот. Вот смеху будет, если не сегодня-завтра Безрод и полуночный купец выйдут на пристань требовать платы по долгу! У всех по одному! Будет ли купцам так же весело?

– Ну, ты, парень, даешь! Уж так получается, что княжью честь пуще меня бережешь.

– Кому честь, а кому бы ноги снести! – прошептал Безрод и ухмыльнулся разбитыми губами.

Брань услышал, но промолчал.

– А ведь по миру купчин пустят! Что один, что другой! – Здрав повернулся к Дубине.

Тот засмеялся.

– По мне, так пусть я один и останусь!

– Хитер, старый бобер!

– Не старый. Просто живу долго. А безвинного сроду не бил.

– Отведи меня к морю, – шепнул Безрод.

– К морю хочет, – мрачно буркнул Здрав и выпрямился.

– Я помогу. – Полуночный купец осторожно поставил Безрода на ноги.

– И то ладно. Мне же в терем дорога. – Брань кивнул своим стражникам. – Ступайте за мной, сонные тетери!

Оттнир и Безрод шли к морю через всю пристань. На купцов даже не глядели. А захотели бы взглянуть – ни одной пары глаз не нашли. Все под брови попрятались. Купцы чесали затылки, ломали шапки в руках да прикидывали отступные. Ничего хорошего не выходило, хотя... не сегодня-завтра оттнiry нагрянут, а там еще с полуночника взыщут. А то и весь товар отберут, если сбежать не успеет.

Кое-как доковыляли до берега, и Безрод без сил опустился на гальку.

– Чего полез, дурень? Зашибить ведь могли! – Купец присел рядом.

– Так ведь и зашибли.

– Насмерть, говорю.

– Пустое... – Безрод устало ухмыльнулся.

– А чего сам не бил?

Сивый промолчал.

– Странная штука жизнь, в сыновья мне годишься, а нынче ты мне вместо родителя.

Жизнь подарил.

– Ни отца у меня, ни матери, и какого роду-племени – не знаю. – Безрод усмехнулся, покосился на купца. – А может быть, полуночник я.

Купец задумался, прикусил ус.

– А годков тебе, парень, сколько?

– Тридцать с лишком.

Полуночник недоверчиво покосился. Ишь ты, тридцать с лишком! Уже седой совсем! Почесал затылок.

– Сосед у меня есть. Белый Авнюр. Что-то около твоих лет тому назад и пропал у него сынок.

Безрод улыбнулся разбитыми губами.

– Пустое. Ты-то кто будешь?

– Люндаллен я.

– Уходи, Люндаллен, отсюда. Нынче же ночью. Не тяни. Знал ведь, к чему дело катится, чего приехал?

– Я торговый гость. Мне...

– Говорить тяжело, язык не ворочается. Не заставляй повторять. Не сегодня-завтра ваши нагрянут. Первым ляжешь, на тебе наши оторвутся. Убьют, и как звать не спросят.

Купец нахмурился.

– Бросай все. Что успел – то унес. Один?

– С доченькой.

– Увози... – Безрод закашлялся, его переломило пополам, застучало о берег побитым телом. – Увози... Сейчас же...

– На островах будешь, заходи. На Тумире меня всякая собака знает. – Люндаллен наклонился, неловко обнял Безрода, поцеловал в макушку, будто отец сына, и зашагал прочь.

Безрод подполз к морю. Больше не к кому за лаской идти. Раздеться сил не осталось, так и вполз в воду одетым. Вот-вот залет всего тошнотой, слова станет не вымолвить. Пусть ласкает море синяки и ссадины. Сегодня мало не убили, завтра и вовсе под горку закатают. Уж так на пристани ударить хотелось, в глазах потемнело. Но стиснул зубы и скрепился. Чуть не забыл обо всем на свете. Купчишки в раж вошли, разъярились, думали – страшно седому, от боли ревет. Дурачье! На чернолесской заставе, бывало, загонял Волочек пяток бойцов поздоровее в избу, давал к темноте привыкнуть и запускал остальных по одному, без доспеха. Один доспех – рубаха на ребрах. Там-то похлеще было. То не купцы гладили, то вои били, каждый быка наземь валил. Ничего, выходил заживо. Поначалу воевода чару кваса не успевал допить, выкидывали из избы полудохлого. А как пошел счет на три чары – Волочек первый раз в сечу допустил. Крутился тогда в избе, как уж на противне. Насколько будешь скор, настолько и жив.

Как добрался до корчмы, и сам не помнил. К себе в каморку поднялся, а дальше – туман.

– ...А ты не гляди, что худ! В нем костей на целый пуд.

Безрод открыл глаза. Стоят Брань и давешний ворожец, глядят внимательно. Стюжень поднес руку ко лбу, и такое блаженство затопило гудящую голову, будто уже помер, от земных

болею освободился. Вдохнуть не успел, как обратно в сон провалился, только сон чистый и легкий, без мути в груди и шума в голове...

Долго проспал или нет, сам не знал. Открыл глаза, а Стюжень еще тут. Один. Брань, видать, службу дальше понес. Привел ворожца, ус покрутил и ушел.

– Я в гости не звал.

– Ну, до чего хозяин грозен! И суров, и сердит, аж бровями шевелит! Лучше?

– Лучше, – буркнул Сивый и попробовал встать.

Старик не мешал.

– Ты ведь Волочков человек?

– Был. Чего надо?

Безрод встал ни легко, ни тяжело.

– Князь к себе зовет.

– Своих пусть зовет. Не пойду.

– Боишься?

– Ага, языка своего боюсь. Бед не натворил бы.

– Отвада хочет узнать про то, что на чернолесской заставе приключилось. Почему выжил только ты, почему не открылся, почему шастаешь без пояса. – Старик сел на бочку. – Что нынче на пристани случилось?

Нынче? Так день еще не кончился?

– Нельзя мне в терем. Князь больно сердит. Невзлюбил меня почему-то. Нет, не пойду.

– А тот парень белобрысый, которого ты притащил, на поправку пошел. Гремляш зовут. Ты ему навроде отца теперь. Зайди, проведай.

Чудно! Был один, словно дуб в чистом поле, теперь что ни день сынок находится! Полуночный купец Люндаллен, теперь вот Гремляш.

– Ты еще корчмаря Еську мне в сыновья сосватай. Нет, не пойду в терем. Больно сердит князь.

– Да уж. Зол Отвада. Отпираться не стану.

– А чего сердится?

– Полуночники обложили. Война будет. Сам знаешь.

– И тут я со своим языком. Кровопийцей обозвал. – Безрод нахмурился.

– Не сердись, просто тревожно мне.

– С чего бы?

– Чую перемены страшные. С князем что-то дурное делается. Не тот стал, как вернулся из чужедальних краев. Переменился, будто кем иным перекинулся. Зол стал сверх разумного. Никогда раньше к ворожбе не был склонен, а последнее время чует ровно волк – овцу.

– А дружинные что же? Не замечают?

– Так разве углядишь, если любишь? Дружинным разреши – по земле ступить не дадут, на щите носить станут.

– Ты-то заметил.

– Я старый. Мне Отвада будто сын. Люблю, люблю, а и в душу гляжу.

Стюжень ждал вопроса, но Безрод молчал, как воды в рот набрал. Ворожец не дождался и начал сам.

– Весь город князя любит, потому и не видит. И даже если увидят люди, многое простят. Ты другое дело. Тебе любовь глаза не застит, приглядишься к Отваде. Сынок, приглядишься, очень тебя прошу.

Безрод нахмурился пуще прежнего.

– Уйду. Через день-два уйду. Некогда мне на князе прыщи выискивать.

Стюжень тяжело поднялся с бочки, прошел к выходу, в дверях оглянулся. Занял собою весь проем, огромный, лохматый, седогривый.

– Ты один волком зыркаешь на князя, тебе одному умильная слеза взор не туманит. Приглядись. Знаю, свидитесь еще.

Сивый угрюмо проводил старика взглядом. Каждому своя дорога, ему в Торжище Великое, князю – тут оставаться. Все, хватит! Где-то ждет счастье, дожидаться не может...

Безрод спустился во двор, присел у поленницы и сидел до первых звезд на чистом небе. Корчемные выпивохи уже разошлись, постояльцы разбрелись подушки давить. Девка с кухни прибежала, повечерять принесла.

– Молочко только-толькошнее. Сама доила.

Корова у Еськи однорогая, бодливая, смекалистая. От такой молочка попей, разумнее многих двуногих станешь.

– Кхе-кхе, здоров ли, Безродушка?

Сивый оглянулся. Вы только гляньте! Старый знакомец в гости пожаловал! Переминается с ноги на ногу, пазуха чем-то оттопырена, улыбка хитрющая. Добрый старик, беззащитный.

– Никак питье принес. – Безрод кивнул на оттопыренное пузо гостя. – Ты кто ж будешь, добрая душа? Видимся часто, да вот беда – не знакомы.

– Да Тычок, несчитанных годов мужичок.

– Скажите, пожалуйста!

– Ага! – Тычок смешно тряхнул кудлатой головой. – Айда?

И заговорщицки кивнул на самый верх корчмы, где располагалась каморка Безрода.

Сивый усмехнулся, поднялся с колоды, отнес пустую миску на кухню, и вдвоем со стариком они поднялись в каморку под крышей.

– Иди, иди, – прошипел Еська, невидимый в тени поленницы. – Лети, ясный сокол, крылья не обломай.

Заморское вино Тычок просто-напросто стащил. Купец на пристани зазевался, а юркий старик тут как тут. Будто из-под земли вырос. Еще вчера приходил, но никто ему, разумеется, не открыл. Стучал, стучал, да все без толку. А еще пахло из каморки кровью и болью. С тем и вернулся восвояси.

– А что, и боль пахнет? – Безрод закусывал вино сухой хлебной коркой.

– Еще как! – Егозливый старик истово закачал головой. – Как зачнут коровку забивать, меня аж мутит. Так болью пахнет, что еле ноги уношу. Будет сеча неподалеку – и вовсе протяну.

– Поди, все в городе знаешь?

– Нос человеку для того и даден, чтобы совать его куда ни попадя. Жичиха говорит, мол, прищелят однажды.

– А ты?

– А я спрашиваю, однажды – это когда? Вчера – знаю, сегодня – знаю, завтра – и то знаю, а однажды – это когда?

Безрод усмехнулся.

– Небось, ни один выезд не пропустил?

– Выезд княжьей дружины – это святое! Куда ж без меня? Меня князь в лицо знает! Вот летом ехал из чужедальных земель, проезжал мимо, улыбнулся, рублик бросил.

– Пропил на радостях?

– Чего ж радоваться? Улыбается князь, а боль такую везет, что я чуть оземь не грянулся.

Потерять сына – хорошего мало. Как еще княжить сил остается.

– Сына?

– Ага. Полег в сече с урсбюнами. Отвада будто тень стал. Затворился в тереме, носа не жает. А ведь раньше многих молодых переплясывал. Первый в сече, первый в плясках. А нынче душой ослаб. Подкосила его сыновняя гибель. Боюсь, как бы злой дух в душу не проник.

Безрод усмехнулся, призадумался. Может быть, и проник. Уже. Злой дух ждет слабую душу, подстерегает и впивается, лишь пробьет в ней горе брешь. В эту брешь и выдувает злыми ветрами тепло счастья. Душа дичится, леденеет и под конец становится крепка, будто лед на реке. И так же холодна. Не каждый сам душу запахнет, поставит заслон холодным ветрам, отпугнет злого духа. А бывает и так, что бьется человек, всю жизнь дыры латает в собственной душе, да и устает. Просто отчаивается. Надсаживается. То-то лютует князь, душу в ключья рвет. Ждет полуночников, как избавления от земных горестей, жить больше не хочет. Для князя теперь самое милое дело – возьми его Стюжень, разложи на коленях, да и отшлепай ладошкой! Даром ли та ладошка широка, словно заступ? Не стар князь, будет еще сын. А если сомневается – так запустить Дубиню в княжьи покои, к девкам под бочок! Как пить дать, половина дворни забрюхатела бы!

Разошлись далеко за полночь. Тычок радовался, будто дитя малолетнее. Мог и сам выпить заморское вино, да не стал. Дождался. Очень хотел поговорить со странным чужаком, что не всплыл на улице, оставил Еську-дурня жить. Сивый не отпустил хмельного старика одного восвояси, довел самолично. А перед самым домом неопределимых годов мужичок уткнулся Безроду в грудь, и что-то горячо тому стало и мокро. Сивый погладил старика по макушке, обнял. Уж так не хотелось Тычку домой идти! Долго не мог успокоиться, плакал, да так тихо, чтобы Жичиха не услышала. А та Жичиха не жена ему, и не дочь вовсе, а так, сбоку припека. Живет у нее как приживалка, за скотиной ходит.

– Помру скоро, – всхлипнул Тычок. – Чую.

– Рано собрался.

– Чую, – замотал головой старик. – А помру, никто не заметит. Только коровки. Помычат, помычат да и привыкнут.

– Погоди умирать. Зажми душу в кулаке, не отпускай. Ты мне нужен.

Старик с надеждой посмотрел сквозь слезы, и Безрод тут же отругал сам себя. Не много ли наобещал? А если не получится? Точно помрет старик от разбитого сердца.

– Иди, Тычок. Утро вечера мудренее.

Старик тихонько притворил за собой дверь и исчез в глубине избы, точно мышь, невидимый и неслышный. Страшнее бабы зверя нет... Но что страшный зверь для храброго сердца?

Безрод возвращался не спеша, глубоко вдыхая прохладный осенний воздух. Скоро грянет зима, а зиму Сивый любил. Душа заводила тоскливую заунывную песню, и обе – зима и душа – пели в один голос.

А из-за угла выплыли две тени и без всякого предупреждения занесли над одиноким путником ножи. Лезвия тускло блеснули в желтом свете луны, на мгновение замерли и пошли вниз. Лиходеи не кричали и глотки не драли. Не страшали и золота не требовали. Били молча. Сзади из темноты вышли еще двое. Сердцу и разу не ударить, как быть бы Сивому распущенным на ремни... только не так обернулось, как замышляли ночные душегубы.

Дурачье! Безрод не стал пятиться, сразу подался вперед, прямо под ножи. Тот, что стоял ближе, локтем налетел на подставленное плечо, а Сивый еще и надал снизу вверх, да так, что в локте что-то хрустнуло. Нож второго Безрод принял крестовиной меча, отвел в сторону, да так ударил головой, что смял нападавшему пол-лица, все выпуклости с хрустом вдавил внутрь. Времени прошло – всего ничего. Те, что стояли сзади, пыхтя от злости, ринулись вперед. Безрод молча ушел от удара одного из нападавших и пальцем, согнутым, как рыболовный крюк и крепким словно камень, продырявил убийцу – порвал кожу на плече, уцепил ключицу и резко рванул. Ломаясь, ключица разорвала плоть, одежду – и двумя острыми сколами вылезла наружу. Душегуб как упал, так и замер. Даже звука не издал. Четвертый и последний, видя неожиданный расклад, остановился, сдал назад и так припустил, что лишь пятки засверкали. Безрод зашатался. Прислонился к стене амбара, огляделся. Двое ничком лежат, тише воды,

ниже травы, третий руку держит да глухо стонет, а последний пятками сверкает. Не многовато ли? И ведь мирное время, а стражи в городе полно, будто пчел в улье.

Вдали загремело железо. Стража. Легки на помине. Безрод нахмурился. Вроде стража как стража, а только ведет их тот четвертый, что сбежал.

– Он! Это он! Двоих как не бывало! Скол без руки остался! Люди добрые, что же это делается? Уже в корчме не посиди, темной улицей не пройди! Как выскочит из-за амбара, да как рыкнет, мол, золото сюда!

– Кто бы говорил! – Стражник, на этот раз не Брань, презрительно скривил губы. – По тебе самому петля плачет!

– Плачет – не растает! А нынче я прав! Веди в княжий терем. Из двоих душа вон!

Стражник с огнем подошел ближе. Крепкий малый глухо стонал, баюкая изувеченную руку, двое вообще не подавали признаков жизни, причем лица на одном больше не было. Зато на лбу Безрода осталась кровь, мало не мозги чужие. Блюститель порядка присел, положил безлицему руку на шею, покачал головой. Не дышит. Второй тоже. Сердце не выдержало. Стражник только кивнул, и Безрода тут же взяли в кольцо копий.

– Пошли, парень. Помогите ему. – Старший кивнул на Безрода.

– Сам пойду.

Крепко прижал к себе меч и отлепился от стены. Сделал шаг, второй, закачался.

– Меч заберите. Еле тащит. Умелец...

Безрод усмехнулся. Отдал. Только и повернул к старшему восковицами, чтобы увидел. Запечатан честь по чести.

– И ты с нами, правдолюб. Поутру князь рассудит.

Того, с увечной рукой, куда-то увели, остальные двинулись к терему. Шли медленно, подстраиваясь под шаг Безрода. Сивый кривился и кусал ус. Будто ждали. Будто не ограбить хотели, а убить. Ни «здравствуй», ни «кто таков», а ведь в темноте и лица было не разглядеть. Значит, знали, кого ждут. Четвертый торопливо отошел подальше и всю дорогу знобливо ежился под взглядом Безрода, зябко поводя плечами.

Их заперли в разных клетях поруба. Кто прав, кто виноват, про то судить будут утром. Душегуб с покалеченной рукой тоже свидетелем будет. И мертвые покажут, что смогут. Безрод бросил скатку на пол, под голову, свернулся калачом и провалился в жаркое забытие в нетопленной клетке.

Вышел на яркий свет и сощурился. С чем забылся, с тем и миру явился. Не получается разойтись гладко с князем. Не получается идти своей дорогой. Все сталкивают многомудрые боги лбами. И, наверное уже не уйти с Дубиней в Торжище Великое. Отвада зверем глядит, да лыбится. Так ухмылялся бы матерый волчище, умея серый улыбаться. Ох, не будет этим утром добра, ох, не будет!

Безрод лишь усмехнулся. Во дворе под сенью дуба сидит князь, дружинных кругом – море, глядят недобро, суд предвкушают. Позади Отвады стоят родовитые бояре, советы давать будут. Яблоку негде упасть. Привели того, с увечной рукой, посадили на скамью в середине. Двоих, что вчера навсегда успокоились, тоже принесли, рядом положили. Четвертый сам вышел. Заговорил. Да так ладно и складно, будто всю ночь глаз не смыкал, слова в нить снизывал. Не речь держит, а песню поет! Так и шибает слезу из простых и доверчивых зевак. Безрод скривил губы, задрал бороду в небо.

– Ой, ты светлый князь, заступник от лихих людей! Ой, что же делается в городе твоём, что за беды на меня ополчились? Как дальше жить? Как от собственной тени не шарахаться? Как не убояться соседа своего? С полуночи отгниры грозят, здесь лихие люди последнее отнимают! Куда податься простому человеку?

Безрод покосился на четвертого. Ишь, соловьем залился! Вон, глаза у людей на мокром месте. Жалеют горемыку.

– ...И как выскочит из амбарной темноты! А нож-то при нем! Да как хватит Лобана головой в лицо! Да как продырявит пальцем Выжигу! Да как поломает Сколу руку! А на меня мечом замахнулся. Да только не на того напал! Я в беге жуть как проворен!

Отвада лицом потемнел, бояре недобро засопели, завозились. Безрод презрительно ухмыльнулся. Дурачье! Вокруг пальца обвести – как от слепого убежать!

Повернулся к нечестивому свидетелю и плюнул тому прямо на ноги. Князь зубами заскрипел, дружинные мощно выдохнули. Плевать на княжьем дворе, да в присутствии самого князя – сущее безумие. А может быть, просто равнодушие к жизни. Тоже недалеко ушло. Отвада сдержался, не вспылал, спрятал зловещую улыбку в бороду и дал знак продолжать.

– Лобан кошель выронил, а Сивый руку протянул, шась, и в скатку сунул. Подальше, значит, от глаз.

– Разверни. – Процедил Отвада и указал пальцем на скатку.

Ну, вот и все. Безрод усмехнулся небесам. Сколько ни толкуй, что твое, не поверят. Теперь не поверят. Вытянул руку, встряхнул скатку, плащ на лету развернулся и на землю, негромко звякнув, упал кошель.

– Он?

– Он! – убежденно закивал четвертый.

Безрод холодно улыбнулся.

– Что скажешь?

– Болтает.

– Да ну!

– Подковы гну.

– А сам-то кто будешь?

– Волочков я человек. – Скрывать толку нет, уже, наверное, все знают.

– Так ведь пала Волочкова дружина! – Отвада с улыбкой оглядел воевод и бояр. Те согласно кивнули. Пала.

– Дружина пала, я остался.

– А как же так вышло? – Князь вроде просто спрашивает, а будто нож в сердце вонзает. Что ни скажи, одно и выходит – струсил, пересидел битву в лесу.

– А так и вышло! – огрызнулся Безрод. – В рубке уцелел.

– Неужели в ратном деле ты лучше всех? – съязвил князь.

– Лучше или хуже, а жив остался.

– Двоих заставных среди трупов не нашли, – усмехнулся Отвада. – Один, видать, в море сгинул, положив отниров без счета. Но это вряд ли ты.

Безрод промолчал.

– А правда, что не знаешь своего роду-племени?

– Правда.

– Может быть, ты как раз и есть полуночник? – Отвада зловеще улыбнулся. – Своих навел, вот и остался жив? Ты и есть второй выживший!

Безрод от ярости побелел, на нетвердых ногах шагнул вперед. Князь даже бровью не повел, но будто стена встали перед ним дружинные с обнаженными мечами. Зарубят, и подойти к Отваде не дадут. Безрод остановился. Не потому что испугался – от злости в голове так полыхнуло, чуть богам душу не отдал. Стоял перед князем, шатался и скрипел зубами.

– И сказать-то нечего. – Отвада с притворной жалостью покачал головой.

Безрод, не мигая, смотрел на князя и молчал. Есть что сказать, только не по нраву придется многим последнее слово, ох, не по нраву!

– То-то давеча на пристани за полуночника встал! – припомнил кто-то из бояр.

– Может, я и полуночник, только и тебе, князь, чести немного, когда без суда купцов бьют.

– Тебя-то по суду побьют. Почему себя воинского пояса лишил?

Безрод промолчал. Слова бесполезны. И не успеть Отваду за глотку взять. Те молодцы костями лягут, а князя не дадут.

– А не за тем ли, чтобы с глаз исчезнуть? Ведь бойца издалека видать! Будто полег со всеми в том бою. А что ходит по свету голь перекатная, беспоясная, кому какое дело? Так задумывал?

– Все-то тебе понятно, – холодно улыбнулся Безрод.

Отвада поднялся, двор замер. Все ясно, как белый день. А князь только и произнес:

– Виновен!

Вот и все. Прав был Тычок, тысячу раз прав, только не свою погибель чуял, бедолага. А княжий поруб страсть как неуютен, холоден и мрачен. Куда желаннее смерть под мечами дружинных. Положить самому, сколько получится, и рядом лечь. Лишь Тычок добрым словом и попомнит, больше некому.

– Выходит, и в гибели заставы я повинен?

Ворожцы, уже было готовые посохами освятить приговор князя, замерли с поднятыми руками.

– Да.

– И вчера ночью я на честных людей напал, золото отнял?

– Да.

– А правду ли говорят, что двум смертям не бывать, а одной не миновать?

– Да. – Отвада сощурил глаза и пытливо оглядел Безрода.

Князь не понимал, куда гнет Сивый, никто вокруг не понимал, и оттого становилось неспокойно.

– Хоть помру не напрасно, – буркнул Безрод под нос и медленно повернулся к нечестному свидетелю.

Отвада догадался, понял, закричал на весь двор, будто гром громыхнул.

– Стой, безродина! Стоять!

А Сивый и бровью не повел. Подшагнул к четвертому, что онемел от страха, и сделался бел, как некрашеное полотно, холодно улыбнулся и средним пальцем, будто стрелой из лука, пробил ямку под горлом, как раз посреди ключиц.

– Три. – Безрод вырвал палец из раны.

Горлом хлынула кровь, пошла розовыми пузырями, и лжесвидетель повалился наземь, дергаясь, будто припадочный.

– Ошибся ты, князь, в трех смертях я виновен. Лишь один остался, да и тот наказан.

Скол в ужасе завыл, сполз наземь и забился под скамью. Пока с обнаженными мечами набегали разъяренные дружинные, Безрод успел попрощаться с белым светом. И будто наяву углядел червя, что точил душу князя, поддувал огонь злобы. А когда оставалось до Безрода всего ничего, каких-то пару шагов, густой зычный голос объял судное место. Вязкий, тягучий, будто мед. Вой замерли, словно муха в патоке. Оглянулись, расступились.

– Не дело, князь, удумал. – На середину двора вышел Стюжень, мрачный, насупленный. – Кому поверил? Разбойнику, ночному лиходею? Поди, у всех четверых руки по локоть в крови! Овиноватили? Невзлюбили Сивого? На это сказ у меня короток: Не девка, нравиться не обязан! Чего хвосты поджали? Ты, Моряй? Ты, Лякоть? Молчите? Кто человека едва не проворонил? И кто его спас? Ворожба без спросу – то моя печаль, вас не касается! Ох, не дело ты, Отвада, удумал!

Стюженев голосище гремел в полную силу, собаки отбежали подальше, дружинные и те конфузливо сдали назад.

Лишь на мгновение что-то дрогнуло в глазах Отвады, и снова подернулось льдистой синевой.

– Как сказал, так и будет!

– Тогда парня к воям, – буркнул Стюжень. – Не в яму. В дружинную избу.

Молодцы зашипели. Еще чего не хватало! Своих предал, простых убивает, не чинясь! Старик на возмущенный ропот и ухом не повел, будто нет его вовсе.

– Парня к воям! – на весь терем рявкнул верховный ворожец.

Отвада, сын Буса, поморщился, но рукой согласно отмахнул.

– Пока смерти не предам, быть этому среди дружинных! Уж там-то глаз не сведут! Я все сказал!

Глава 3

Дружинная изба

Три дня Безрод провалился без движения под присмотром Стюженя рядом с остальными ранеными. Смотрели как на прокаженного. Кто мог отползти – отполз, но амбар не тянулся, будто медовый воск, и кому-то пришлось лежать рядом. Однако ничто не длится бесконечно. Утром четвертого дня, едва Безрод встал на ноги, пришел воевода Перегуж и забрал в дружинную избу, где обитали здоровые. У самого порога, когда оставалось лишь войти, Сивый запнулся. Оглянулся и попросил чару меду покрепче. Перегуж вскинул брови, усмехнулся, подозвал мимохожего отрока и уснул за медом. Зла воевода на Безрода не держал. Просто пожил на свете, как никто из тех, что грудь колесом гнут. Принимая чару с медом, Безрод мрачно прошелестел:

– Теперь уж без меня уйдет Дубиня-купец. Легкой воды ему. – Поднял глаза в небо, выпил чару и последние капли выметнул в небо, богу-солнцу.

Старый воевода без неприязни глядел на Безрода. Не может человек дарить первому встречному жизнь, свою на это дело класть и тут же отбирать за пустяк три других. Не может.

– Рта не раскрывай, в драки не вяжись. Поумнее многих будешь в избе. А там и поглядим, что к чему и с чем едят.

Застив собою свет, Безрод переступил порог и почти немедля получил сапог в грудь. Едва не в лицо. Мог и пригнуться, но сзади стоял старый воевода, и что же – за человеческую теплоту сапогом в лицо?

– Сгинь со свету, дрань рогожная!

Безрод вошел в избу, оглянулся на Перегужа. Тот показал в дальний угол, куда скудный свет маслянки не доставал. Торчал в стене рогатый прихват, но самой площадки не было. Сняли. В дальнем, темном углу отдельно от всех стояло незастеленное ложе. Голое дерево. Ни лоскутка, ни перышка. Поглядывали с презрением или не глядели вовсе. Это же надо! Учудил князь, вот удружил! Дружинных сделал сторожами при душегубе! Были тут свои, боянские, были и пришлые, соловейские. Теперь воеводы не давали даже вздохнуть свободно. Вот-вот полуночник нагрянет, тут не до полежалок на перинах. По семь шкур с каждого спускали, семь потов стоняли. Пока ходится и дышится, должны в меру сил постигать ратную науку. Парни как раз на труды собирались, когда вошел Безрод.

– А ну вон пошли, лоботрясы! На свет! – Перегуж едва не пинками выгонял подопечных из избы.

Нашлись и такие, что оказались младше воеводы лишь самую малость, седые и немногословные, как сам Перегуж. Но и старые, и молодые, пряча улыбки в бороды, друг за другом выскакивали на улицу. Гоготали и топотали на весь двор, будто дети малые, сбивали с травы росу. Впрочем, будить было уже некого, весь двор поднялся. Широкой лентой дружинные вытекали за ворота, к морю, и в голове – Перегуж-воевода, поджарый, словно гончая. Только седина возраст и выдает. Около Вороньей Головы, немного не добегая до пристани, вои хватали мешки с галькой, взгромождали на плечи и бегом уходили вокруг сопки, грохоча костями и камнями. Только-только показался краешек солнца.

Двоих оставили для присмотра за Сивым, и те косились на смертника с ненавистью, как на собственного врага. Все бегают и плавают, а ты сиди тут, сторожи душегуба! Свернувшись клубком на жестком ложе, Безрод притих в своем углу и даже дышал через раз.

Дав полный круг – солнце уже поднималось над дальнокраем, – парни побросали мешки, скинули рубахи, сапоги и, тяжело дыша, один за другим ушли с каменистого обрыва в море. Губу пересечь туда и обратно – успеешь не только отдышаться, а и снова запыхаться. Вот где

воевода любого молодого обставит, да под хвост себе загонит! Вроде и не спешит, но пока первый среди прочих на берег вылезет, успеваает и бороду отжать, и одеться полностью. И опять бегом назад.

Столько тоски разлилось в глазах сторожей, что остались при нем неотлучно, Безрод лишь ухмыльнулся. Себя вспомнил. Будто совсем недавно было, а кажется, вечность прошла.

Дружинные поели, забылись коротким полуденным сном, а потом до самого вечера точили ратный навык. Бились на мечях, на кулаках, до пота, до синяков. Оттнры высалятся, жалеть не станут. Полуночник – боец страшный, в бою двоих-троих стоит. А после дневных трудов, уже в сумерках, друзья-приятели подначивали друг друга, дескать, каких двоих-троих стоит? Если таких, как этот Сивый, что пыль рубахой по углам собирает да горазд лишь мирных поселян резать, глядишь, одного Рядяша достанет. Безрод все слышал, но только ухмылялся. Тот Рядяша, к ночи помянутый, все с быками забавлялся. Обхватит за шею и гнет книзу, пока не падет рогатый на колени, а потом ладонью «хлоп» в плечо, и скотина бессильно валится на бок. А звук от шлепка шел такой, будто кнутом кто-то щелкнул. Еще с десяток ухарей валил быка с одного удара. У соловеев не меньше. Быков на всех не напасешься. Стали пугливы, человека увидят – и ну бегом в загон.

Ел Безрод на заднем дворе с рабами и обслугой, от которых за версту несло навозом. Ел нарочито медленно, чтобы сторожа в бешенство вошли. А те менялись так часто, что даже лиц их Сивый не запоминал.

Как-то на узкой дорожке едва не лоб в лоб столкнулся с верховным ворожцом. Поздоровался и спросил.

– Ты-то чего влез? Ведь никто я тебе. С князем в спор вошел.

– Поживешь с мое – поймешь. А князя твоего еще в отроках порол. Нужда встанет, и теперь выпорю, – лениво бросил Стюжень, обошел да исчез по своей надобности.

Вечером на третий день Перегуж подозвал Безрода и объявил:

– Вот что, сердешный, двоих я к тебе приставил, от дела оторвал, непорядок это. Как-никак, полуночник идет. С завтрашнего дня ты с нами. Уже и мешок для тебя набили. Посечен или нет – меня не касается. Понял?

Безрод только ухмыльнулся, а Перегуж поежился. Странные глаза у Сивого. Как ясно на небе – так и синие, а как пасмурно – серые.

– А мешок для меня кто снаряжал?

– Рядяша. А что?

– Да ничего.

Перегуж проводил Безрода с улыбкой. Поначалу воевода боялся, как бы горячие головы чудить не начали, не устроили Сивому темную, холку не намяли. Но то ли брезговали, то ли не оставалось лишних сил – только клали голову в изголовье, уже спали да похрапывали.

Ночью Безрод уснул поздно. Ворочался на голом тесе и все понять не мог, для чего князь бережет приговоренного. Для чего кормит, поит, скучать не дает? Ни с чем и уснул. Скатка в голове, меч на хранение Стюжень забрал.

Утром проснулся незадолго до пробудки. Не спеша поднялся, огладил мятую рубаху и, выходя во двор, столкнулся с Долгачом – воеводой пришлых, соловейских. Его была очередь выводить дружинных на разминку. Проводили друг друга внимательным взглядом. Долгач ощерился в усы и вошел в избу, Безрод, ухмыляясь, взлохматил неровно стриженные лохмы и сошел по ступеням.

Бежал до Вороньей Головы тяжело. Будто жидкий огонь влили в жилы. Все казалось – только прыгни в море, вода зашипит и взвоет паром. Из ран потекло. К Вороньей Голове

прибежал последним. Вой к тому времени все были на месте. А как расхватили свои мешки, да как увидел Безрод то «чудовище», что в ожидании притаилось под кустом, сердце в пятки ушло. Стиснув зубы, взвалил на плечи неподъемный мешок. Сразу потекло из раны на шее, и не сказать, что мир сделался светлее. Сивый лишь мрачно подумал, что никогда не заживут укусы мечей и копья. Никогда. Остается или умереть под этим мешком, или добежать. Да что добежать, дойти бы...

В голове шумело, рубаха вымокла потом пополам с кровью, губы искусал. Все чудилось – перекутило нутро будто тетиву, вот-вот лопнет, и вон дух. А если сердце не лопнет, ноги подлomiaются. И рубаха теперь не пойми какого цвета, не то багровая, не то просто черная.

Половина дружинных уже плыла к противоположному берегу, блаженно загребая под себя прохладу, другая половина только сбрасывала мешки наземь, когда из-за сопки, шатаясь, будто пьяный, показался смертник. Начали было ржать, но Долгач, прикрикнув, осек. Дыхание, мол, берегите, остолопы, плыть еще. На обрыве никого не осталось, кроме Долгача, когда уже не бегом, а шагом, да и не шагом, а стариковским шорканьем приколченожил Безрод. Бросил мешок наземь, пал ничком и глухо, в бороду захрипел. Не двигался и только хватал воздухом, сколько мог, и все мало было. Долгач, подозрительно шурясь, окатил Безрода удивленным взглядом. Еще утром человек был как человек. А теперь на лице резко проступили скулы, кожа натянулась, шрамы стали резче, глаза потемнели, будто грозное небо. Сивый, качаясь, поднялся, и стоял, пока не прошло головокружение. Долгач бросил быстрый взгляд на море. Нет, не плыть ему самому сегодня. Скоро *мо* лодцы начнут возвращаться, а этот все дышит и надышаться не может. А когда седой да худой шагнул к обрыву, соловейский воевода удивился так, как никогда не удивлялся. Хотел было остановить Безрода, но чтобы не пустить того в море, пришлось бы насмерть бить – серые глаза стали просто бешены.

– Не ходи. Потонешь, – остерег воевода.

– Не твоя печаль, – просипел Безрод, и в груди его свистело и клочкотало.

– Рубаху-то хотьними.

Княжий подсудимец промолчал. Не прыгнул с обрыва, а просто неуклюже свалился и ушел под воду с громким всплеском. Долгач, перегнувшись над невысоким обрывом, все искал внизу сивый, прилизанный ко лбу чуб. Наконец выдохнул с облегчением. Не приведите боги, пришлось бы отвечать за смертника. Безрод всплыл на поверхность, будто топляк. Полежал на спине и сделал слабый гребок, потом еще, еще...

Словно дружина Морского Хозяина, парни друг за другом выходили на берег, как на подбор, крепкие, блестящие, будто лущеные ядра. Отряхиваясь, отпуская сальные остроты, рыскали по берегу – искали свои рубахи по вышивкам на вороте.

– А что, храбрецы, не проплывал ли кто мимо?

На вопрос Долгача бойцы грянули смехом так, что чайки разом поднялись со скал.

– Да несло что-то волнами навстречу, а что – не понять. Разве только... по запаху!

Дружинные, как один, дались всеобщему сумасшествию и, держась за животы, покатились по гальке. Лишь Долгач не смеялся. Кусая ус, оглядывал смешливое воинство и качал головой.

– А не сбежит? – Рядяша первым отсмеялся, встал с земли и поскреб за гривок, все оглядываясь на море.

– Не-е-е! Без меча куда не денется! Дрожит над ним, что мать над дитем, – давась хохотом, ответил Лякоть.

– Ну, добро! – Долгач, хлопая в ладоши, поднял воинство на ноги. – Эй, там, а ну пропусти галопом, во всю мочь!

Нескоро осела пыль, взбитая босыми ногами. Последняя пыль. То ли дождями прильет, то ли сразу снежком...

Парни вставали после короткого полуденного сна, того самого, после которого не поймешь, то ли выспался, то ли нет, когда на двор, заплетаясь в собственных ногах, ступил Безрод. Видно было – много раз падал, но вставал и шел дальше. Мокрый, вполовину исхудавший Сивый ни на кого не глядел, но от глаз можно было запалать лучины, так горели синие злобой и упрямством. Старая Говоруня, что еще князя нянчила, а его сына вовсе с рук не отпускала, аж попятилась. Зашептала:

– Боги, боженьки, Расшибец! Как же посекали тебя, оболтуса! Все не бережешься, малец, кольчугу не надеваешь! – Глаза старухи заволокло сумасшедшими слезами.

И в полной тишине на притихший двор влетел Отвада и затряс няньку за плечи:

– Очнись, безумная старуха, не Расшибец это! Безрод, душегуб и вор! Прошлым летом зарублен Расшибец, да очнись же ты!

Мало душу из полуслепой бабки не вытряс. Еле утихомирился. И с такой ненавистью взглянул на Безрода, что весь двор изумленно ахнул. Дружинные, дворовые, бояре стояли, разинув рты, и даже дышать забыли. Как же похож стал мокрый, измученный Безрод на Расшибца, посеченного в той злополучной битве! И как сами того не увидели? Глаза проглядели, что ли? Так же приколченожил тогда княжич в стан, так же пузырилась на ветру рубаха, так же не было на нем пояса. Только меча в руке Сивому недостает для полного сходства. Лицом и вовсе один к одному. Те же черты, тот же взгляд. Соратники Расшибца, уцелевшие в той битве, за обереги похватались. Показалось – шагнул княжич на двор прямо из прошлого лета, идет, шатается, вот-вот упадет. Но ничего этого Безрод не заметил. Скрипя зубами, подошел к избе, поднялся на порожек и привалился к дверному косяку. Ничего не видел и не слышал, все злоба заглушила. Нельзя злобу отпускать из сердца, с нею силы тут же уйдут.

– Ну, чего встал? Свет не засти, рвань дерюжная!

Из глубины избы прилетел сапог и ударил в грудь. Не углядел, чей подарок – темно, да к тому же глаза дурнотной мутью заволокло. Опрокинулся навзничь, будто сраженный стрелой. Нынче курица крыльями взмахнет – снесет, будто перышко.

Друг за другом парни выходили на белый свет, брезгливо перешагивая через смертника, ни один руки не подал. Безрод глядел мутным взглядом в небо и кусал губы, пытаясь подняться.

– Наверное, даже до середины не доплыл. – Огромный Тяг сапогом откатил Безрода с дороги.

– Обессилел. Жаль какая! – откатил еще дальше Трескоташа.

– Не-е-е, – почесал затылок Сдюж. – Видать, к берегу прибило. Оно ж не тонет!

Отвада первый грянул хохотом, а там и остальных смех разобрал.

Далеко перевалило за полдень. Теперь, после обеда и отдыха, вои уйдут пробоваться на крепость за городской стеной. Станут друг другу шеи мять да холки чесать. Вернутся затемно. Отлынивать и разлеживаться никак нельзя, враг на носу. Чего не доделал, где ратной науки не добрал – вмиг аукнется. Тяг с изумлением воззрится на собственный сапог. Носок ало пламенел кровью.

– Да он кровит, будто резаная курица!

– Весь двор испоганил! – Трескоташа показал на пятна крови у крыльца, на само крыльцо, на дорожку от ворот до дружинной избы.

– А ну-ка, Извертень, легкой ногой пролети до того берега и обратно. – Долгач, задумчиво глядя на Безрода, отослал быстронога на тот берег. – Да погляди, доплыл или нет!

– Птицей пролечу! – Молодому и сильному второй раз губу переплыть – раз плюнуть.

– А ты, безродина, скидывай рубаху. Если ранен, покажи. – Отвада подошел к самому крыльцу.

Безрод молчал. Он уже поднялся на одно колено и качал головой, глядя исподлобья снизу вверх.

– А не снимешь рубаху, значит, не ранен, – процедил Отвада сквозь зубы.

Безрод холодно улыбнулся. Княжья задумка проступила на лице, будто кровь на белой рубахе. Раз не ранен – так и жалеть нечего, пусть-ка с остальными походит. Завтра, послезавтра и так далее. А там, глядишь, и рук марать не придется – сам подохнет. Сивый молча стиснул зубы. Прятаться за собственную кровь... не этого ли ждет князь? Боги, боги, и чего взъелся?

– Время не ждет, бестолочи! – прошептал Безрод. – Вон за ворота!

– Я не расслышал. – Князь окатил Долгача, стоявшего ближе всех, жгучим взглядом.

– Время не ждет, бестолочи, – медленно, с расстановкой повторил Долгач. – Вон за ворота!

Отвада недобро ухмыльнулся.

– Этого с нами. Если здоров, как бык, так нечего за овцами бегать.

За городской стеной, на поляне, вытопанной до единой травинки, люто бились дружинные, боянские и соловейские, по крупицам стяжая ратную премудрость. Бились на мечах, на кулаках, на секирах. Ядреный запах пота, щедро пролитого на землю, обещал буйную поросль весной. Земля, политая без жали, родит щедро, от души.

Безрод сидел у старого дуба, у всех на виду. Стоять не мог – ноги просто не держали. Лишь разок прервались, когда прибежал Извертень и что-то шепнул Долгачу, тот – Перегужу, и все трое в шесть глаз уставились на Безрода.

– Доплыл, – с удивлением в голосе возвестил Долгач. – На том берегу кровавый след оставил.

Парни, как один, повернулись к старому дубу, у ствола которого то ли дремал, то ли просто сидел с закрытыми глазами Безрод.

– Ну, чего встали, бестолочи! – рывкнул Отвада. – Трое с мечами ко мне!

Вечером Безрод шел назад медленно, отдыхая через каждый шаг. След во след шел Жало, бывалый воин, чьи длинные вислые усы доставали аж до груди. Теперь без присмотра не оставят. Сивый меж лопаток чувствовал взгляд немолодого дружинного и все гадал, кинжалом ли спину пронзает, до сердца достает или теплом ласкает, в спину подгоняет, будто ветерок попутный. Жаль, оглянуться не мог. Лишних сил не было.

Безрод замер на пороге избы, застыв собою последний солнечный свет. Укрыл солнце без всякого умысла. Не терпение испытывал соседей поневоле, просто силы кончились. Прямо на порожке и кончились. Зубами скрипел, а двор прошел без остановки и на крыльцо поднялся, расправив плечи и подняв голову. А что плечи расправил криво и голову вздернул косо, в том не виноват – искусан мечами, словно медведь пчелами. На одной воле и дотянул. Под язвительными взглядами просто не мог рухнуть посреди двора, в шаге от избы.

Стоял, тяжело дышал и ждал сапога. Сапог незамедлительно прилетел и лениво стукнул в грудь. Безрод крепко держался пальцами за створ, только потому и устоял. Сделал шаг вперед и без сил упал на пороге. Где упал – там и на ночь остался. Никто из воинства не поднялся и даже бровью не повел. Безрод и есть безрод. Половик придверный.

А утром Перегуж, подходя к дружинной избе, почуял странное. Вроде сидит кто-то на порожке? Или кажется? Нет, не кажется! В самом деле, сидит человек на пороге, будто на жизнь обозлился. И сон ему не в радость. А подойдя к ступеням, воевода замер, будто истукан. Как занес ногу над порожком, так и забыл поставить. Сидит княжий подсудимец, к перильцам привалился. Глядит кругом так люто и зло, что, не взойди солнце вовремя – дневной свет от глаз займется. Ждет. Готов уже. Зубы крепко сжаты, лицо – чисто череп, обтянутый кожей. И без того телесной мощью не отмечен, быка с одного удара наверняка не повалит, а после вчерашнего даже смотреть на него больно. Полсебя растерял, пока бегал да плавал. Хотел воевода что-нибудь сказать, да передумал. Каждый свою судьбу в кулаке держит. Ишь ты! Глядит, будто и впрямь огнем обжигает. Даже в глазах защипало. Зол парень, ох, зол! Зубы съест, а

пробежит и проплывет, если душу раньше не отдаст. Помирать станет, но помощи не попросит. Да и кого просить? Мизинчика не протянут.

Парни выходили друг за другом и с изумлением оглядывались. Ведь сами видели, как рухнул вчера Сивый в самом порожке. Так и не дошел до своего ложа. Только пол кровящей извозил. А нынче сидит в уголке, зубы скалит, ни на кого не глядит. Будто и не случилось вчера ничего, будто почивал всю ночь на мягких перинах. Плюнув под ноги, Рядяша даже в избу вернулся, пристально обозрел ложе Безрода. Свежей крови нет, все старое. Значит, всю ночь на полу пролежал, и только под самое утро росяные холода в себя привели. Сидит, ждет.

Безрод последним поднялся, последним и побежал. Как и вчера, у Вороньей Головы дружинные похватили мешки и, пыхтя, унеслись вокруг. Безрод, задрал голову к небу, что-то прошептал, скривился и рванул огромный мешок на плечи. Моряй не стал бежать во всю прыть, встал за смертником, и сам видел, как потекло по спине Сивого что-то темное, аккуратно из-под мешка. Для пота рановато, значит... кровь? К слову сказать, и мешок-то не мал. Князь-мешок! Такой лишь Рядяше да воям поздоровее на холке таскать. А тут кожа да кости, не ходите ко мне в гости! Раздавит мешок Сивого, как пить дать, раздавит! А Безрод по сторонам не смотрел вовсе. Моряй усмехнулся. Гордыня штука тяжелая, недешево обходится. Да и сам не маленький, понимает, за какой гуж уцепился.

Моряй пристроился следом за Безродом и диву давался. Уже не бежит Сивый, а просто еле ноги передвигает, колени дрожат и подгибаются, вот-вот рухнет. Давно должен упасть, но бредет седой да худой, будто осел под поклажей. Наверное, губы до крови искусал. Моряй забежал вперед. Бредет себе жилистый человек в красной рубахе, под огромным мешком дороги не видит, пот заливает глаза, а на зубах скрипит колышек, обернутый кожей. Сивый кожу разгрыз, до дерева добрался. Рубаха промокла, кровь на землю капает. И куснула Моряя шальная мыслишка – а того ли князь овиноватил? Этот из-за угла ни за что не нападет. Захочет души лишить – подойдет и лишит, как тогда на судилище. Но с такой-то гордыней да из-за угла?

– Не плыви. – Сделав круг, Моряй на обрыве сбросил свой мешок наземь.

Прогулочным шагом он даже не запыхался. Безрод на мгновение замер, дал богам рассмотреть себя и вместе с мешком тяжело рухнул назад. Загремела галька. Моряй поморщился. Или это кости Безрода загремели? Сивый с таким посвистом всасывал воздух, что Моряю казалось, вот-вот его грудь разорвется. А когда чужак поднялся, встал на обрыве и полыхнул кругом темными от усталости синими глазами, только и подумал: синее к синему.

Безрод все же прыгнул со скалы и долго отдыхал на воде. Моряй плывал кругами, не решаясь уйти далеко.

Дружинные выходили во двор после короткого полуденного сна, когда Моряй и Безрод прошли в ворота. Как и вчера, двор Безрод пересек прямо, не шатаясь, и лишь войдя в избу, рухнул на пороге. Вои грянули смехом, но Моряй не подхватил. Все глядел в спину человеку, что и помощи не принял, и на подставленное плечо не оперся. Даже костыль с рогатиной, срезанный по дороге и поднесенный от души, зашвырнул подальше. Вернее, хотел зашвырнуть, но улетел костыль едва на несколько шагов. Так и шел Сивый, морщась. И слова не сказал. А у самых ворот выплюнул колышек с ошметками изжеванной бычьей кожи и ногой поддал.

На поляну Безрод пришел сам. Сел под свой дуб и дышал так легко и незаметно, что иным казалось – концы отдал. А вечером, переступив порог избы и крепко ухватившись за створ, Безрод замер в ожидании сапога. И дождался. Лишь покачнувшись, когда в грудь ударил огромный сапожище. Сивый не упал, а только посмотрел сквозь муть в глазах туда, откуда прилетел вонючий подарок. Моряю даже показалось, что Безрод ухмыльнулся краем губ. А парни во все глаза смотрели на Сивого, как шел он к своему углу, и должно быть сглазили не раз – чужак спотыкался на каждом шагу и путался в ногах. Но, видать, хранили его боги, ни разу не упал. Добрел до ложа и рухнул на голый тес. И лишь когда все уснули зыбким, тревожным сном,

Безрод на четвереньках выполз на порожек, скатился со ступеней, и там его вывернуло мало не наизнанку. Как ни было муторно и больно, заставил себя улыбнуться. Одними губами...

Очнулся в дыму, в пару и ничего не увидел. Хотел шевельнуться, но непонятная тяжесть опутала руки и ноги. Из пара возникло лицо с белой бородой. Безрод узнал старика. Стюжень. Руками водит, шепчет, ворожит.

– Душу из тебя выну, сил придам и назад верну.

Огромный старик. Огромные ручищи. Огромные... Ручищи... Безрод закрыл глаза и будто невесомая птаха вознесся над своим безрадостным бытием. Будто самого себя увидел внизу на лавке. А старик и вовсе не смотрел на тело, поднял голову вверх и глядел прямо в глаза. И рядом с Безродом, так же невесом, парил бесплотный молодец, статью очень похожий на быка-Рядяшу, только взглядом помягче и полукавее. Чем-то неуловимым оказался похож румяный парень на старого ворожца, но эта тонкость ускользала с глаз, если смотреть в упор. Молодец усмехался, а Стюжень знай себе что-то шептал. И тут здоровяк, похожий на Стюжню, с веселым смехом пожал Безроду руку. Тот едва крик удержал, так ладонь сплющило. Пришлось в ответ жать, и жал Сивый до тех пор, пока боль не исчезла...

Открыл глаза. Кто-то несет, голова на весу болтается, а душа так легка – дай волю, к звездам улетит. И боль уснула.

– Рот закрой. – Все шепотом, шепотом, но как ни шепчи, все выходит низкий голосище верховного ворожца. – Душу к звездам выпустишь, обратно не воротится.

– Больно ей у меня. Страшно. – Безрод усмехнулся. Глядит старик в самое нутро.

Стюжень осторожно внес Безрода в дружинную избу, прошел в угол. Пол скрипнул, но старый ворожец и ухом не повел. За день вои так умаялись, что, начни все доски петь разом – не проснутся. Положил Сивого на ложе, приложил руку ко лбу, и Безрод мигом провалился в сон.

Моряй едва успел отпрянуть, чтобы не столкнуться с верховным ворожцом нос к носу. Скакнул за перильца, притаился и не дышал, пока старик не ушел. Только и слышал последние слова ворожца, сказанные в небо:

– Ты, парень, князю нужен больше, чем он тебе.

Это он о ком? Кто князю нужен больше, чем князь кому-то? Что делал в избе старый ворожец? Моряй огляделся и осторожно поднялся на крыльцо, положив себе утром выйти раньше всех. Пока весь двор не истоптали. Лишь бы самого никто не заметил. А то найдется какой-нибудь зевака, станет вопросы задавать: «А куда это Моряй в ночи шастал?» Куда, куда... на Кудыкину гору!

Моряй выскочил из избы ни свет, ни заря, присел над пяточком у самого крыльца, взгляделся, покачал головой. Огромные следы так глубоко вдавлены в землю, словно ворожец кого-то нес. Кто же позволит носить себя, если только не болен?

– Ты умеешь подходить неслышно, Стюжень. – Моряй встал и оглянулся.

Ворожец вышел из-за спины, усмехнулся в бороду, кивнул.

– Это я его принес. Парень душу богам отдавал, да я придержал.

Моряй долго смотрел в выцветшие стариковские глаза. Почитай вся дружина выросла на этих глазах, без малого все прошли через его руки после сеч и рубок, и никогда ворожец не врал.

– Старик, ты ему веришь?

– Кому я верю, только богам и ведомо. – Стюжень говорил тихо, но голос рокотал, будто гром в отдалении. – А вот ты как будто уже не уверен?

Моряй помрачнел. На душе муторно, а правда прячется так, будто она вор ночной, а не дева-краса с ясным взором.

– Не ты ли на судилище рубаху на себе рвал, изрубить грозился?

– Я. – Моряй смотрел прямо, глаз не отводил. – Но я в сомненьях, старик. Не верится мне, что Безрод зло замышлял. В мыслях против князя иду. А ведь Отвада мне как отец.

– А я князю как отец. – Ворожец пожал плечами. – Значит, и я против иду. Вместе, стало быть, идем?

Из-за угла вышел воевода будить молодцев на ратные труды. Безрод, не дожидаясь побудки, вышел на крыльцо сам. Моряй глядел на него во все глаза. Вроде румянец на скулах затеплился, вроде лицом посветлел, кривится меньше. Оглянулся на ворожца. Но Стюжень исчез так же бесшумно, как появился. Оставил одного воевать со своими сомнениями. Моряй с тоской глядел в спину ворожцу и впервые завидовал седине и прожитым годам верховного. Наверное, старик не в пример легче одолевает сумятицу в душе. И откуда ему знать, что не легче, совсем не легче. Тяжелее. Ошибки больнее бьют.

Безрод бежал увереннее, чем вчера. Так же хрипел, так же свистело в груди, но уже не вело из стороны в сторону, не шатало, ноги не подгибались. Почти не подгибались. А когда воинство похватило мешки с галькой, Моряй во все глаза глядел за Безродом. Сивый вздернул мешок на плечи, недоуменно замер и повернулся. Свел брови в ниточку, глаза сузил. Оглядел каждого, кто еще не убежал. Моряй взгляд отвел, но того, что Сивый сделал потом, не ожидал никто. Безрод сбросил мешок наземь, поставил на попа, развязал веревку на горлышке, широко раскрыл – и полными горстями стал бросать гальку в мешок. Дружинные в удивлении рты раскрыли. Вот это наглость! Вчера едва концы не отдал, решил сегодня помереть! И только Моряй помрачнел и прищурился. В ночи прокрался на берег и прилично отсыпал из мешка Безрода. Дурень Рядяша такой мешок Сивому снарядил, что только на телеге и возить. Да только зря все это. Сивый не принял помощи. Посчитал за жалость. И правильно посчитал. Помощь от равного принимают, а чужак одной гордостью и жив. Высыпал обратно, как было, и показалось Моряю, что за эти горсти гальки Безрод, не колеблясь, жизнь отдаст. Кровищей изойдет, но ссыпать не позволит. И будет так же у порога принимать сапог в грудь, пока не заметит, откуда летит... Шутливого побоища до первой крови не будет. Серые глаза промозгло спокойны, в них плещется холодная решимость. Больше ничего не разобрать. И глаза-то каждый день разные, то синие, то серые! Вот ведь чудеса! Моряй в сердцах плюнул и убежал. Сегодня не его очередь сопли Безроду подтирать.

Сивый опоздал, но меньше, чем вчера. Парни только-только отправлялись давить подушки после обеда, когда двое, Безрод и Дровень ступили на двор. Безрод шатался не в пример меньше вчерашнего, да и на губах играла холодная ухмылка. Сивый задержался у порога, пропустил всех до единого, и только тогда встал на пороге. Застил свет.

– Вон от двери, душегуб. – Сапог ударил в грудь.

Безрод прищурил глаза. Успел увидеть наглый оскал Гривача и услышать его икающий смехок. Не стал сапог ловить, хотя очень хотелось. Мочи не было, как хотелось. Слаб еще. Рука не та. Поймать не поймал бы, только оконфузился. Прошел в свой угол и бревном повалился на ложе.

Все поселения на полдня пути от Сторожища обезлюдели. Селяне, прослышав о близкой войне, уходили в леса, в глубь стороны. Побитые рати со всей округи стекались к Сторожищу. Город запасался всем, чем мог.

Подшли остатки избитых млечских дружин, и княжий терем превратился в один большой военный стан. И, по-прежнему один, в стороне от всех держался только Безрод.

Перестал шататься. Пошел на поправку. Занялись молоденькой кожей раны, шаг окреп, на лицо вернулись щеки. Он прибегал и приплывал все так же последним, но уже не отставал на полдня, как раньше. На мрачное лицо вернулась ухмылка. Дни текли за днями.

В один из дней Безрод, как обычно, сел под свой дуб на бранном поле. Вои пыхтели, бросали друг друга через спину, охаживали боевыми рукавицами и здоровенными дубовыми мечами вдвое тяжелее обычных. Тесновата стала поляна с приходом млечей. Вновь прибывшим разъяснили, кто это под дубом сидит, неровно стриженный, седой, со страшными морщинами. Или шрамами, кто его разберет. Млечи начали коситься с тем же презрением, что бояны и соловей. А нынче, видать, Коряга и вовсе не с той ноги встал. Млеч, огромный, словно бык, едва не лопался от избытка силы. Боги, наверное, всунули в телесную оболочку всю мощь, сколько вместилось, и ходил Коряга, неуклюже растопырив ручищи. Кто-то из поединщиков нагрел Коряге загривок, и синие глаза мигом налились кровью. Млеч, как бешеный пес, подскочил к Безроду, никто и внимания не обратил – ну, попинает безродину и успокоится. Коряга одной рукой за ворот рубахи вздернул с земли уснувшего Безрода и что было дурной силы ударил кулачищем в сердце. Дуб не пустил Безрода далеко, но гул, который издало дерево, слышали все. Моряй оставил своего поединщика, опустил руки и молча покачал головой. Свел брови на переносице, крепко сжал зубы, и две вертикальные морщины прорезали лоб. Безрод не издал ни звука, но в глазах разлилось столько боли, что лицо его враз потемнело. Сивый обнял себя руками и сполз по стволу наземь.

– Скотина! – взревел Коряга на весь лес. – А когда придут полуночники, мне спиной к тебе встать? Да с ножом промеж лопаток наземь и осесть? Нет уж!

Безрод не убрал рук, скрещенных на груди. Просто не успел. Так и дремал. Теперь, серея от натуги, Сивый поднимался с колен, и вся поляна дивилась тому, что смертник еще жив. Не иначе сами боги сложили чужаку руки на груди. А Коряга стоял и насмеялся, уперев руки в боки. Хочешь, мол, ответить, так давай! Вот он я весь! Жду! Безрод, с невероятным трудом разогнувшись, едва сдерживая крик, подошел вплотную. Роста одного, но будто пересеклись на узкой дорожке сытый, налитый мощью лесной тур, поперек себя шире, и худющий, заморенный телок-недоросток, все ребра наружу. Безрод молча оглядел неохватную шею млеча, ручищи, толстые, ровно свиные окорока, заглянул в глаза Коряги, залитые бешенством, и отступил. Но Моряй готов был поклясться всеми богами, что не увидел страха в серых глазах! Только безмерно расплескавшиеся боль и непонимание. И – холод.

Усмехаясь, Коряга отошел. Убить не убил – жаль, конечно, – однако настрой сивый душегуб все же поднял. И, прежде чем вернуться к своему поединщику, млеч дал волю смеху. Заливисто гоготал на всю дубраву да за живот держался. Бродяга даже слово побоялся бросить! А чему удивляться? Нужно быть умалишенным, чтобы переть на быка с хворостиной. Вон отошел, сел под свой дуб, глаз больше не смыкает, рвань подзаборная. Бойся! Второго раза ему не пережить. Тогда уж точно насмерть зашибут.

Безрод кривился от боли, и, щура глаза, все искал того млеча, что кулаком оходил, точно дубиной. В глазах плыло и множилось, боялся, что полыхнут всамделишным огнем, челюсти так сжал, что под зубами онемело, нутро злобой залило. «Будь здоров, млеч, – прошептал, стоя напротив Коряги, да так тихо, что и сам едва услышал, – дадут боги, потом свидимся. Теперь каждая пара рук на счету. Дай тебе Ратник сил и здоровья! Главное, жив останься!»

Раньше между Безродом и остальными воями в дружинной избе лежала незримая граница – ничейная земля. Но теперь пришлых воев стало так много, что ничейную землю заставили новыми ложами. Уж теперь-то придется локтями потолкаться. Раньше делали вид, что не замечают, нынче всякий спешит презрение выказать. Считают обязательным толкнуть лишний раз, пихнуть, ноги отдавить, отшвырнуть, если на дороге зазевался. Безрод, стиснув зубы, молчал и ухмылялся. Моряй все замечал и качал головой. У парней по жилам шальная сила бегаёт, бурлит, сшибки ищет, глаза огнем горят. Чужак спокоен и молчалив, глаза не горят, а только тлеют. То ли догорают, то ли вовсе еще не разгорались.

Приходил Тычок. Топтался у ворот, шейку тянул, на дворе высматривал. Упросил кого-то из дворни позвать Сивого. А как увидел, так непритворно обрадовался, так горячо обнял, что

Безрод всерьез обеспокоился за старика. Как бы плохо ему не стало, когда княжий приговор свое возьмет. Старик даже гостинец приготовил, сунул в руки что-то, обернутое в тряпицу, и беззвучно заплакал. Безрод глядел сверху вниз на Тычкову макушку, и что-то в горле пережало. Гладил старика по шее да и брякнул сдуру:

– Ты помни, о чем уговаривались. Крепко помни.

И чуть язык себе не откусил. Не сегодня-завтра князь жизни лишит, а тут получите – обнадежил бедолагу, наобещал с три короба! А если не выйдет? Сейчас Тычкова душа вырвалась вперед головы, и уже не догнать ее. Поздно кусать язык. Теперь старик и Жичиху перетерпит, и все на свете превозможет.

Помешал старый кому-то из млечей. Пихнул его, тщедушного, и дальше пошел, будто ничего не случилось. Безрод лишь усмехнулся и покачал головой. За плечо развернул грубияна к себе, сомкнул на шее крепкие пальцы и дернул вниз. Здоровяк, будто подкошенный, рухнул на колени, засучил перед собой руками, побагровел, язык вывалил. И ведь не слепой, видел – старик стоит. Должно быть, подумал, что оба одного поля ягоды, душегубы. И как же не пихнуть старого разбойника? Сивый коленом приложился к багровому лицу, и дружинный мигом обеспамятел. Безрод угрюмо сплюнул. Не сдержался. Не смог. Тычка-то за что? За душу добрую, за жизнь беспросветную?

Несчитанных годов мужичок испугался, прослезился. Впервые кто-то встал за него после смерти сына.

– Дурак я, сам видишь. – Безрод пожал плечами. – Уж ты не обессудь, если что...

Безрода и Тычка уже брали в кольцо обозленные млечи, соловеи, бояны. Это была последняя капля! Ох, прольется теперь чья-то кровь! Сивый отступил к забору, задвинул старика за спину, выглянул на всех исподлобья.

– А ну разойдись! – рявкнул Перегуж, проталкиваясь в середину. – Если кто скажет, что Безрод сам набросился – уши оборву! Своими глазами все видел. Вот этой рукой ухо за ухом оборву! Тьфу! Бабы базарные! Поклепщики!

В сердцах сломал плетъ, что в руках держал, и с таким презрением бросил обломки наземь, что вои попятились.

– Так злоба жить мешает, что со стариками воюете? А может, и меня старого туда же? По роже мне, дураку, да посильнее? Чего же брови супите, храбрецы, чего исподтишка гадите, будто не дружина, а шайка разбойников? – Долго воевода молчал, и вот не выдержал, выплеснул. – Думаете, не знаю, что и мешок Сивому больше своих отмерили, и воды никто не подаст, если помирать вздумает? Будто не знаете, чего стоит слово тех четверых! Вы только поглядите, осерчали, храбрецы! Оскорбились! Ишь, цацки хрупкие, тьфу!

Старый воевода в сердцах плюнул воям под ноги и остервенело зашагал прочь. Многих он в свое время по попке шлепал, и на тебе, оперились!

– Против князя идешь, старый! – догнал в спину чужой голос.

Перегуж обернулся, зло бросил:

– И пойду, коли не прав князь! А ты, гостенек, в чужом огороде траву не топчи!

Тычок ушел, беспамятного млеча унесли, а Безрод долго сидел на заднем дворе. Что-то будет этой ночью. Сердце тревожно сжалось. Что-то будет?

Как всегда, поднялся на крыльцо последним. Скрестил руки на груди, сцепил зубы и мертво встал в дверном проеме.

– А-а-а, явился, голь перекатная! На дружинного руку поднял?

И полетели сапоги. Не один, не два, много. Безрод лица не отвел, только руку выбросил и схватил один сапог перед самым носом. Понемногу, день за днем возвращал себя былого, и сегодня попробовал силу на заднем дворе. Теперь можно. Сивый ногой вышвырнул сапоги на улицу, а последний сапог, тот, что поймал, скомкал в ладонях и медленно развел руки. На голенище появилась трещина, спустилась к стопе, и в конце концов сапожище с громким треском

лопнул. Только пыль встала. Сивый усмехнулся. Бестолочи. Глаза выпучили, рты раскрыли. Да ты не гляди, что в тебя влезет два таких, как я, подмечай то, что в мою ладошку две твоих войдет. И всей-то руки не нужно, не плечом – ладошкой рву. На это гляди.

– Рты позакрывайте. Душа вылетит – не удержишь.

Бросил половинки сапога на улицу и прошел к себе. Впервые спокойно уснул. Сразу. Будто спал на мягкой перине.

Утром впервые обошел кого-то из млечей на бегу вокруг Вороньей Головы. Жаль, не Корягу. А когда к скале подбежал, от радости попробовал петь. Пел про скорые морозы, про девицу-красавицу, про горячую любовь, что снега топит, про верность девушки вою. В голос выводил переливы. Хоть и в четверть того, что раньше, а все же пел. То-то певцы доморощенные вылупились, даже рты пораскрывали. Всякий безголосый неумеха воображает, будто петь умеет. Ласточкой вспорхнул с обрыва, без брызг ушел головой в воду и широкими саженями погреб к тому берегу.

Вышел на берег все равно последним, однако чью-то спину перед самым поворотом все же увидел. Стало быть, не так все плохо. А молодцы даже поесть не успели, когда Сивый с ухмылкой ступил на двор. Войнство проводило Безрода мрачными взглядами и снова уткнулось в миски. Ели прямо на земле, вокруг костров, бойцы постарше – в тереме с князем и боярами. Безрод прошел мимо дружинных и бровью в их сторону не повел. На мгновение повисла тишина, в головах все гадости вертелись, но Моряй скорее прочих оказался на язык:

– Поглядите, идет гордый, будто горы своротил! А всей-то горы – крохотный мешочек. А гонору на всю Воронью Голову!

Парни грянули громким смехом. Иные чуть не подавились. Нашел время шутки шутить! Безрод не обернулся, однако губы в ухмылке растянул. Шутка – не гадость. Узнал голос.

Сивый ушел есть в избу. Оставил в миске немного каши для домового. Всякий раз проверял, принял ли? Принимал. Не оттого ли даже на голых досках спалось мягко и спокойно, будто на пуховой перине?

На ратную поляну Сивый забрал с собой березовое поленце, чтобы не зря время проводить. Сел так, чтобы только ноги и видели, а что человек делает, было деревом скрыто. Прижался затылком к старому дубу. Пошептался со старожилом дубравы, вылил в корни полный кувшин меда. Тот, что принес Тычок. Без балагура пить одному не хотелось, а пить с кем-то – да и не с кем. Утвердил на коленях березовое полено, угловатую четвертину, прошептал что-то и положил пальцы на острый край. Ущипнул ногтями, оторвал волоконце...

Гуща заревел как бык. Так по загровку получил, что звезды из глаз посыпались. Того и гляди, лес подпалят. Вскочил на ноги, искал глазами Безрода, чтоб зло сорвать, как давеча Коряга сделал, и, всхрапывая, словно настоящий бык, бросился к дубу. Однако, не добегая пары шагов, остановился и замер. Будто с разбегу наскочил на каменную стену, хорошо мозги не расплескал. Сидит себе человек в березовых стружках, личину из полена стругает... Да не железом – пальцами! Уж и лик носатый из дерева проступил, угадывается борода, усы, высокий лоб. Больше ничего пока не видно. Гуща и дышать забыл. Сидит душегуб и образ лепит, будто не дерево под руками, а хлебный мякиш. Пальцы в кровь сбил, но это понятно – отвычка. Дело наживное. Пяток поленьев, и снова пальцы мозолями покроются. Вся дровина кровью измазана, прямо по лику пятна идут. И вдруг понял Гуща, чей лик так благосклонно принял кровь. Ратник. Смертник поднял глаза с немым вопросом. Млеч закусил губу, покачал головой. А следом уже топали Коряга, Рядяша, другие. Увидели, что Гуща замер, как столб, решили выяснить, в чем дело. Безрод едва шаги услышал, лик упрятал за спину и одним жестом стряхнул с ног березовую стружку. Очень выразительно поглядел в глаза Гуще и притворился спящим. Гуща подумал-подумал и несколько раз яростно пнул дерево, будто человека. Прошипел, чтобы все слышали:

– Получи, соглядатай полуночный! У-у-ф, полегчало!

И за руки отвернул всех обратно на поляну. Мол, время не ждет, враг на носу, а безродина свое получил.

Вечером, перед самым заходом солнца, в ту закатную пору, когда последние лучики растекаются по земле, Безрод встал на свое место в дверях. Уже не держался руками за створ, сложил их на груди. И тотчас получил сапогом в грудь. Потом еще одним. И еще. Восемь дружинных вышли на середину избы, обозленные до предела, если только была середина в избе, сплошь заставленной ложами. Коряга, Дергунь, Взмет – млечи, Торопь, Шкура – соловеи, Гривач, Остряжь, Лякоть – бояны. Глаза горели у всех восьмерых. Надоел смертник пуще неволи, и без того зажился на белом свете. Будто сговорились.

– Полно бока отлеживать, гадина полуночная. Завтра на поляну выйдешь. Сам не выйдешь – силком поставим.

Безрод молча кивнул и ушел в свой угол. Завтра, так завтра.

Утром на бегу троих обогнал. Одного вплавь. Есть не стал. Наоборот, ушел на задний двор да желудок очистил. И отдыхать не стал. Завернул в тряпицу обед – хлебец, миску каши, ушел на поляну и отдал старому дубу. Присел в корни и о чем-то долго говорил со стариком, прижавшись макушкой к стволу. Не хотел спать, а все же сморил сон. Сладкий сон с запахом дубовой коры.

Безрода разбудили голоса. Ухари орали, смеялись, кого-то поносили, обвиняли в трусости. Дескать, мирных поселян резать – это одно дело, а встать против дружинного – на это нужна подлинная смелость. Сивый не стал спешить. Получилось бы, словно нашкодивший отрок бежит на очи разгневанного наставника. Лишь положение переменял, зашуршал листьями. Голоса мигом смолкли, и раздался топот ног. Вои подбежали и остолбенели. Спит, рвань дерюжная, почивать изволит. Как будто из важных дел осталось только выспаться под старым дубом и день проводить! Уму непостижимое спокойствие. Слово не было вечером разговора. Лякоть пнул смертника мыском сапога под ребра. Зашипел:

– Вставай, безродина! Вчерашнее помнишь?

Безрод открыл глаза. Хотел было зевнуть да передумал. Никогда в людях не зевал и нынче не будет. Отвечать не стал, просто кивнул. Притворяться сладко спящим без толку. С какого бы просонья ни подскочил, а глаз никогда не бывал заспан! Всегда холоден и остер. Сколько раз пробовал спящим притвориться – парни на заставе не верили. Шутили, смеялись, по плечам хлопали. Дескать, пустое, даже не пытайся. Сивый встал, прижался к старому дубу щекой.

Поглазеть на представление сбежались едва не все дружинные. Отвада встал в самой середке, а вои расчистили место, как будто еще одно судилище подготовили. А так и есть. Сейчас князь громогласно объявит: «Предать полночного лазутчика смерти!» – и все. Восемь здоровяков почешут кулаки – и на сук стервеца.

– Ну, чего встали? – Отвада весело захлопал в ладоши. – Время не ждет! За дело принимайтесь! Или шутов на потребу ждете? Один есть, и хватит!

Коряга, Дергунь, Взмет, Шкура, Торопь, Гривач, Остряжь, Лякоть разом взяли в кольцо. Обычный человек уже под себя пустил бы от страха, а Безрод лишь ухмыльнулся. Вот только обычные люди не морозят равнодушием из глаз, не угрюмничают от солнца до солнца.

Коряга ударил под дых, Дергунь – в грудь, Шкура – в лицо, Лякоть – с обеих рук по почкам, а Безрод закрылся, как умел. Жестокие удары потрясали с головы до ног, но уже с первых кулаков Безрод оценил битейщиков, будто заглянул каждому в душу. Вымерил все умение и силу, усмехнулся разбитыми губами. Жить будет, несмотря на то что у молодцев разыгрался нешуточный задор.

Безрод продержался столько, что остальные, раскрыв рты, столпились вокруг восьми битейщиков, где девятым в круге стал комок перекрученных жил, гудящих от напряжения.

Гуца молчал и ничего не понимал. Вроде и пожил на белом свете, но вчера собственными глазами видел то, о чем только слышал краем уха. И вот теперь перед глазами... Млеч пытался найти всему объяснение, и такими вдруг мелкими показались свои и чужие!

– Падай, падай, – шептал Моряй. – Искалечат ведь! Да к лешему гордыню, падай!

Но Безрод не мог упасть раньше, чем вокруг поймут, что не бравые парни избили подлого душегуба, а Сивый сбил кулаки восьми храбрецам. Так то!

Когда Безрод простился с памятью и лег на землю, битейщики, тяжело дыша, опустили руки. Гнев ушел через кулаки, и стояли восьмеро пустые, словно испытые кринки. Против желания всех на поляне переполнило восхищение.

– Чего же сам не бил? – почесывая затылок, пробубнил Лякоть.

– Тебе в битву не сегодня-завтра. – Щелк снисходительно похлопал его по плечу. – И ручонки береги. Меч придется держать.

Глава 4

Поединщик

Грустным выдался праздник урожая. Справить его, как обычно, не удалось. Не резал князь последнего снопа в ближайшем поселении, не варили пива хмельного, не водили девки хороводов. Скорее всего, и до осенних свадеб дело не дойдет. Не успеть. Потому играли свадьбы, не дожидаясь урочного времени. Князь еще и старейшин подгонял. Дескать, не откладывая жизнь на потом, живи теперь.

Кто-то из дружинных женился, но кто именно, Безрод не знал. Да и знать не хотел. Только вчера встал на ноги и по-прежнему сторонился всех. Отлежался несколько дней, и, едва смог ходить, стал пропадать на заднем дворе. В душе кошки скребли. Сначала на закат грешил, такой багряный, что глаза резало. Багровое знамение грозило в скором времени обернуться большой кровью, но Безрод махнул на приметку рукой. Не иначе кровь еще из глаз не ушла, вот и видится мир в красном свете. День и ночь дал Отвада дружинным на свадьбу. Маловато, конечно, и на том пусть благодарят. Женатые по семьям соскучились, однако ни жену приласкать, ни детей потетешкать сил теперь не оставалось. Безрод ухмыльнулся. Силы всегда только на дурость находятся, как бы восьмером одному кости посчитать. Отвада суров. Жен отослал в глубь стороны, в леса, чтобы не отбирали у воев последние силы. На последние силы боец должен покрепче взять меч – и уйти в битву, спокоен за семейство.

За амбаром, там, где открывался вид на всю губу, и нашел Безрода Стюжень. Присел рядом, спокойный, степенный, каким и должен быть верховный ворожец. Негоже ему быстро бегать, часто говорить, суетиться. Молча взглянул на море, на багровую солнечную дорожку, тяжело вздохнул.

- Полуночник идет. Завтра будет. – Безрод заговорил первый. Стюжень вздрогнул.
- Откуда знаешь?
- Гляжу вот на море, и мерещатся следы крови на снегу. Снег рано падет.
- Да, раненько в этом году.
- А почему я с восьмерыми устоял, знаешь?
- А то как же! Дурак потому что!
- Не без того. Но пока не узнаю, что было в бане, когда ты надо мной ворожил, не уйду.

Кто был тот парень?

- Ну-у, жить тебе, Сивый, вечно! – Стюжень улыбнулся.

Не хочет старик говорить, и не надо в душу лезть. Чужая душа потемки, кто знает, что прячет верховный ворожец? А у самого лучше, что ли? Когда били, в душе что-то страшное во весь рост поднялось, пробовало наружу вылезти, едва сдержался. Еще бы чуть-чуть... На мгновение так нутро охолонуло, и без тех восьмерых едва не помер. Уж как душу запахнул, про то отдельный сказ.

- Поди, разгадал уже княжью задумку? Почему в живых держит?

Безрод кивнул, разжевал стебелек мурмурки, горький, терпкий. Теперь свою погибель ясно видел. И на том спасибо, что доведется от меча помереть, не от удавки.

- Ты, главное, седмицу продержись, я того, четвертого, с покалеченной рукой, разговору.
- Поздно. Ни к чему теперь.
- Имя очистить никогда не поздно.
- Хочешь помочь – помоги. Живет в гончарном конце у Жичихи Тычок-старичок. Добрый малый. Не дай пропасть, как уйдут полуночники.

Стюжень заглянул в глаза, но Безрод лишь отвернулся. Нельзя давать людям пить обреченность из твоих глаз. Это как мертвая вода – сам пей, а другим не давай.

- Ты должен выстоять.

– Я никому не должен.

Сивый усмехнулся. Все, кому он был должен, пируют нынче у Ратника. Так странно было слышать про какие-то долги, что Безрод не сдержал улыбки. Даже последнему дураку в Сто-рожище ясно, что княжий смертник не протянет седмицы.

– Твой меч у себя держу. Никто пальцем не тронул.

Безрод кивнул.

Ворожец ухмыльнулся в бороду, отвернулся.

– А насчет князя помни мои слова.

Сивый усмехнулся. Никак ослышался? Выходит, старик не оставил своей дурацкой затеи? Все о том же толкует?

– Рот прикрой. Душа вылетит – не поймашь. – Верховный поднялся, на прощанье бро-сил: – Помни.

Ни свет, ни заря зычный крик переполошил Сторожище:

– Корабли! Тьмы-тьмущие!

Князь и старшие дружинные конные высыпали на берег. Море усеяли темные точки, и все прибывали из-за дальнокрая и прибывали. Отвада глядел на море, сузив глаза, и медленно качал головой. Слишком, слишком много полуночников. Один – впятеро, как пить дать! В лучшем раскладе один – вчетверо. Оттнiry ни баб, ни обозов за собой не тащат, только бойцы на ладьях. Рубиться в чистом поле – заведомо полечь.

– Возвращаемся. Город запереть.

Ладьи укатили в леса еще раньше. Вставать на полуночника морем – только людей терять и корабли. Всегда кажется, будто чего-то не доделал, что-то ускользнуло от острого глаза, цеп-кой памяти, но что именно – выяснится только потом.

– Закрывай город! – зычно прокричал Отвада.

Вои забегали, засновали, под стенами в городе расцвели костры, и... пошел снег.

С Безрода теперь глаз не спускали. Водворили в темную клеть без окон и наружу больше не выпускали. Двое сторожевых неотлучно находились у двери. Лик Ратника, щипанный из березового полена, бросили следом.

Ровно отняли Безрода у белого света. Не видело его солнце, не видели звезды, не видел месяц рогатый. Был человек, и не стало.

Как долго просидел в темной, Сивый не знал – потерял счет дням, стал безразличен ко всему вне клетки. И раньше за лишним днем не особо гнался, теперь же и подавно. Только и делал, что втемную щипал лик из полена.

Спал без снов. Не было ни вещих снов, ни даже простых. Едва клал голову на березовое полено, будто в пропасть падал. Парил в черной бездне и не мог, подобно камню, рухнуть на дно, и не мог воспарить, как птица. А может быть, это душа тело покидает? Не сразу, а постепенно? Сперва возвращается, потом и вовсе не вернется.

Все случается в этой жизни. Случается порой такое, хоть бочонок меду осуши, в хмель-ных видениях не привидится ничего и близко похожего. Отворилась однажды тяжелая дверь, и вывели Безрода на свет. Сивый шурился. Бледное осеннее солнце немилосердно резало глаза. Какое-то время даже казалось, что светило жжет сильнее, чем в летнюю пору. Почти ослеп-шего, Безрода повели куда-то за руку, второй он прикрывал глаза. Все вокруг изменилось, и даже глаза были не нужны, чтобы это понять. До узилища время от времени долетали какие-то звуки, и уже не знал Сивый, сон это или явь? Смертник шел, зажмурившись, а вокруг хрипели, стонали, бранились дружинные. Где-то в отдалении булатными голосами пела битва. Голоса поющих мечей, щитов, секир Безрод узнал мгновенно. Его куда-то подвели, заставили под-няться по ступеням, и чей-то хриплый голос рявкнул:

– Руку с глаз долой!

Сивый отвел руку, сощурился. Человека, стоявшего рядом, Безрод узнал сразу. Отвада-князь. С лица спал, кольчуга в трех местах порвана. Должно быть, и под кольчугой не все ладно. Кривится, из глаз искры мечет. По всему видать, не первый день рубятся. И с такой ненавистью Отвада глядит, будто ухмылка Безрода только хуже сделала. Смертника подвели к самому высокому месту стены, если посмотреть вниз – голова кругом пойдет. Князь тоже подошел к самому краю и бровью не повел, когда вокруг засвистели стрелы. Сложил руки воронкой, поднес ко рту и так рявкнул, что перекричал гул сражения. Кто-то снизу крикнул в ответ. И такая встала тишина, густая да вязкая, хоть топор вешай.

– Эй, Брюнсдюр, рыбоед протухший, глаза б мои никогда тебя не видели, хорошо ли речь мою разумеешь?

Попутный ветер забросил на городскую стену голос предводителя оттиров. Сильный голосище, густой, словно мед в дупле! Как играет! Должно быть, Брюнсдюр неплохо поет. Безрод усмехнулся, это ясно всякому, кто худо-бедно умеет слушать.

– Да, князь, речь твою разумею. Вот только голос твоего меча никак не услышу.

Полуночная сторона грянула дружным басовитым хохотом, и Безроду показалось, что в море смеха, не мешаясь с остальными, грохочет голос вождя оттиров. Теперь Сивый голову отдал бы на отрез, что вождь полуночников поет не хуже местного сказителя Витея. А у того под словом пиво делалось хмельнее, кровь бежала быстрее, хлеба поднимались без дрожжей. Отвада и сам улыбнулся. Красивому броску, сильному удару, острому слову как не улыбнуться? Тот, кто живет клинком, всему цену знает.

– Тебя ждет мой меч. А уж песню сыграет – заслушаешься! – весело крикнул князь, оглянулся на своих, подмигнул.

– Чего же ты хочешь?

– А всякий ли бой твои парни знают? Или только стенка на стенку? Оно и понятно, в стенке даже неумеха спрячется.

Безрод тяжело сглотнул и потер глаза. Скоро все кончится. Вот он, княжий приговор.

– Никак скучаешь, Отвада-князь? Сколько моих воинов из шкуры лезут, а тебе все скучно! Чем тебя потешить? Говори сейчас. Город возьму, станет не до смеха. Сам смеяться буду.

Безрод глядел туда, откуда прилетал сильный голос, пытался разглядеть князя полуночников, но мешали слезы. Разбередил отец-солнце глаза после долгой отвычки, в слезы бросил. Ничего не видно.

– Есть у меня диво-поединщик! Когда рубится, будто песню поет! С мечом чудеса творит! Пляшет так, что подметки отлетают! Да только в стенку не поставлю! Все равно что свиней из золотого корыта кормить. Как тебе такое диво, поедатель рыбы?

Брюнсдюр не замедлил с ответом. Грянул так, что, не будь ветра-помощника, и без того услышали бы.

– Голомей, князь млечей, уж на что силен был да храбр, а все равно побил я его.

Млечи на стене засопели.

– Соловейский князь Рев был угрюм, рубился тяжело, да скучно. Но я поднялся с ложа и вскорости забыл про те раны.

Соловеи набычились, насупились, поглядывали вниз мрачно, исподлобья.

– Но ты, Отвада-князь, – другое дело! Я справлю по тебе пышную тризну! Такого врага у меня еще не было.

– Так нравится мое диво, Брюнсдюр-ангенн? Выставишь своего поединщика?

– Да!

– Значит, на рассвете?

– Да!

Отвада повернулся к Безроду, хищно оскалился.

– Твой черед подошел. – Князь усмехнулся. – Догадался, кто этот диво-поединщик? Уж ты спой, спляши, не посрами князя!

Дружинные едва наземь от смеха не осели. Умеет князь развеселить, будь то мир или война! Этот неровно стриженный, неподпоясанный смертник, седой да худой, завтра на рассвете уйдет на верную гибель. Смех один! И, кто бы ни победил, Сторожище останется в выигрыше. Если Безрод побьет оттнира, глядишь, поубавится спеси у полуночников. А если побьют Сивого, тоже не беда. Выйдет князь на стену и скажет: «Ай, спасибо! Сделали за меня черное дело! Этот сивый горазд лишь глотки исподтишка резать да золото в темноте таскать! Благодарю, что зарезали, самому мараться охоты не было!» А безродному придется завтра со своими рубиться. То-то потеха предателю выпадет! Говорят, этот сивый продал Волочкову заставу полуночникам! Поэтому и остался в живых. Значит, сам из полуночников! То ли рюг, то ли урсбюнн. Собаке собачья смерть! А чтобы к родичам не сбежал, даст на мече клятву. Хуже нет бесчестья для того, кто свой меч ложной клятвой сквернит. Не будет ему покоя ни у своих, ни у чужих. Последнее дело на мече ложную клятву приносить. Прилюдно поклянется.

Безрод возвращался в дубовую клеть и чувствовал себя необыкновенно легко. Как будто выше ростом стал. Плечи раздались, грудь колесом выгнулась! Слово бы таскал на ногах неподъемные колодки и разом сбросил. Там, на стене, оглядел дружинных, каждого нашел глазами и усмехнулся.

Князь и остальные думают, что не добрый малый выйдет утром на поединок, а предатель, трус, купчина, только не меха продал нечестивый торгаш, не зерно – жизни товарищей. Все сторговал, никого на белом свете не оставил. В клетки Безрод сел на ложе, вздохнул. Дверь дубовая, а дуб – дерево праведное, ему нет нужды объяснять, что да как. Князю кажется, будто все выйдет по его задумке. Чем бы ни обернулось зарянничное единоборство, он окажется в выигрыше, словно удачливый игрок в кости, чью руку направляет сама судьба. Как же, завтра свои своих начнут резать! Тут, пожалуй, весь город станет за Безрода болеть. Чтобы подольше остался жив и побольше оттниров уложил на речную гальку.

Сивый горько ухмыльнулся. Как бы и впрямь княжья правда не вышла. Может быть, не только на словах, а на самом деле Безрод по рождению полуночник? Ведь никто не признает его своим. Кому же охота признавать соплеменником эдакое страшилище? Лицом ужасен, будто прокаженный. Еще бы! Всякий дурак руку приложил, а то и нож. Где уж тут ладно выглядеть в свирепой личине?

Эх, прижаться бы щекой к мечу, пусть клинок и кажется холодным. Согреет так, как не всякая девка, успокоит, как не всякий успокойщик-доброхот. Безрод хотел было встать с ложа, подойти к двери и стучать, пока не откроют, но что-то глубоко внутри подсказало: «Сиди! Сиди спокойно, само образуется». Только ухмыльнулся, вытягиваясь на жестком ложе.

Ждал того, о чем предупредило чутье, и дождался. Дубовая дверь отворилась, и остатний вечерний свет, багровый, будто кровь, пролился в клеть. Утренняя заря и вечерняя – две сестры. Утренняя озорней, вечерняя мудрее, печальнее. Облитый малиновым сиянием, в темную вошел Стюжень и принес меч.

– Обещал – держи.

Сивый бережно, как сокровище, принял меч, огладил ножны, словно здороваясь, пожал рукоять. Несмотря на прохладные дни, рукоять осталась теплой, будто вовсе не остывала.

– Печати утром порву.

– Молись, парень. – Стюжень заметил в изголовье березовый лик. Усмехнулся. Узнал. Поклонился.

– Помолюсь.

Знал, что должен отдохнуть, но сон не шел. Просто лежал, скрестив руки на груди, а бок подпирал березовый лик Ратника. Хотел было что-то рассказать покровителю воев, да

передумал. Усмехнулся и промолчал. Ратник и без того знает, что у кого на уме. Под утро Безрод забылся тревожным сном, и даже не сном, а дремой. Слышал возню мышей в углу, и, едва скрипнула дверь, тотчас открыл глаза.

Вывели еще затемно. Хоть и ненавидит князь, а делает разумные вещи. Тут даже ему Ратник не даст глумиться. Позволяет привыкнуть к свету, чтобы не сразу бросаться в его пучину, а потихоньку войти. Пока же темно, и только на востоке начинает еле-еле багроветь. Безрод к Отваде не пошел, остановился поодаль, ухмыльнулся. Не спрашивая дозволения и благословения, глядя прямо в глаза, одним рывком сорвал ремешки с печатей.

– Рубаху долой, безродина! – Кто-то из млечей потянулся огромной лапищей к вороту.

Мол, чего со смертником нянчиться! Полагается без рубахи выйти на поединок – будь любезен. Сивый прынул назад, не дался.

– Руки не тяни, орясина. – Безрод ухмыльнулся здоровяку прямо в лицо. – Без сопливых скользко.

Уже все собрались. Даже ночью бойцы со стен не уходят, как тут уснешь. Наверное, вовсе не спят. И никак не назовешь сном то короткое забытье, куда парни проваливаются, когда кончаются силы. Не от кого-то слышал, сам знает. Кое-кого из дружинных недостает. В рядах защитников города зияют пустые места, словно дыры. Многие перетянуты повязками, все без исключения измучены, лица потемнели, будто сажей вымазаны. Первый снег почти весь растаял. Развезли, растоптали в грязь, в кашу. Под ногами хлюпало.

– Поди сюда, – поманил князь. – Взгляни.

Безрод подошел. Взглянул туда, куда показал Отвада. Под стеной журчала Озорница, изгибалась, ровно змея, и плакалась пресными слезами солоному морю. Таких речек, сколько Безрод за Волочком ни ходил, не видел. Как правило, далеко к морю небольшие реки не добивались. Мелкие речушки впадали в реки покрупнее, те расширялись, разливались, и уже не поймешь, то ли еще река, то ли уже море. А Озорница текла сама по себе, подбегала к скалам и низвергалась прямо в море меж острых камней. И перед самым устьем, аккуратно под городской стеной, родился у Озорницы каменистый плес с одним деревом. На этот плес и показывал Отвада. Что-то говорил, а Безрод смотрел на князя и все больше верил Стюженю. Чего без толку пялиться на тот плес, глаза слезить? Плес никуда не денется. Куда интереснее смотреть на князя. И чем дольше глядел Безрод на Отваду, тем больше ему нравился этот воитель. Если бы мог, сам пошел на утренний поединок и с радостью сложил голову, но не пойдет. Отвада нужен тем, кто с любовью и верой глядит в спину. Будет улыбаться, когда не хочется, шутить, когда не шутится, а если до рубки дойдет – первым бросится в пекло.

– ...С тобой, рвань, говорю. Слушаешь?

– Нет. – Безрод повернулся спиной и отошел.

Говорить без толку. Сивый сел на чурбак у кипящего котла, между ног поставил меч на кованую пяточку, оперся спиной о столб и закрыл глаза. Странная война. Вчера побоище прервали в середине дня. Остановили бойню и через стену перешучивались, уговаривались о поединке. Отвада сосватал Безроду поединщика из первейших. Абы кого на утренний поединок не выставят. Только не знает ангенн полуночников Брюнсдор, кто именно выйдет от боянской стороны на плес. У оттниров на плес выйдет первый среди первых, и Безрод сильно удивится, если тот окажется здоровенным костоломом вроде Рядяши. Скорее всего, полуночник будет среднего роста, сух и травлен сединой. Безрод ухмыльнулся.

– Тычка позовите, с гончарного конца. – Не открывая глаз, бросил туда, где шуршали сапоги и звучала речь.

Замолчали. И почти сразу же раздался топот ног. Наверное, вои переглянулись, Отвада кивнул, и самый скорый убежал в гончарный конец.

– Ты вот что... – кто-то подошел ближе, кашлянул. Незнакомый голос. – Любят полуночники по глазам метить. Ну... тот их удар с разворота, когда бьют сверху вниз, а с середины

заворачивают и пристраивают клинок под брови. Сделать так очень тяжело, но оттиры учатся этому сызмальства.

Сивый открыл глаза посмотреть на советчика – и обомлел. Князь. Рядом никого нет, дружинные разошлись по сторонам. Потому и не узнал голос Отвады, что тот говорил без надрыва, без натуги. Спокойно говорил. Так вот какой у тебя голос, Отвада-князь! А он-то все больше с личиной лаялся! Отчего же князь прячется за нее, зачем хочет казаться злее, чем есть на самом деле? Сивый и Отвада мгновение глядели друг на друга – и как будто выстроили меж собой хрупкий мосток. Однако наваждение быстро исчезло. Сломалось что-то внутри у князя, глаза подернулись обычной насмешливой злобой. Снова глядел на Безрода жестокий воин, синие глаза полыхали злобой, губы поджал. Безрод ухмыльнулся.

– Уйди, князь. Не ходил я за тобой год за годом, так и учить нечего. Пустое.

Отвада уже давно наблюдал за Безродом. Иногда, когда Сивый отворачивался и не смотрел на князя, у того прорывалось на лицо что-то теплое, истинно отеческое. Но злоба сминала все, подминала под себя. За долгие ратные годы поизносился князь, истончилась душа, вошло в нее горе и грызло изнутри. Князю бы тепла сыновнего, да где ж его взять? Так и стояли друг против друга – горячий, как пламя, князь и холодный, как лед, Безрод. Стюжень раньше всех разобрался, что к чему, успеть бы только.

Тычка пустили на двор. Старик подбежал и обнял Безрода, отпускать не хотел.

– ...А если погибну, сделай все сам, тело мое никому не отдавай.

Тычок едва не плакал. Только-только начал улыбаться – и на тебе! А Безрод сам себе удивился. До чего же старик по жизни замерз, если рядом с ним тепло показалось. Сивый что-то еще говорил, а старик никак не хотел отпускать. А когда все же отлепился, глаза оказались на мокром месте. Безрод отвернулся.

Солнце вставало над дальнокраем – огромное, багровое. Смертник, не дожидаясь понуканий, вышел со двора сам. С ним двое дружинных и ворожец. Не Стюжень. Другой. Полагалось идти в середине, позади ворожца, но Сивый ушел первым. Пусть догоняют. Уже за городской стеной расправил плечи, поднял голову – тем шире и выше, чем ближе подходил к реке. С той стороны к реке шли четверо – трое с мечами и полуночный ворожец. Безрод, не снимая сапог, полез в воду. Утащить Озорница не утащит, но по грудь вымочит. Дружинные неловко глядели на старого ворожца, хотели перенести, а тот им:

– На меня смотреть нечего! Не растаю. Лучше под ноги себе глядите! Не пришлось бы реке кланяться! – Подобрал рубаху и, что-то шепча, полез в воду.

Сивый глядел на полуночного ворожца. Таков же отчаюга? Таков же! Только помоложе.

Ворожцы сблизилась, о чем-то пошептались. Поединщики смотрели друг на друга с интересом. Полуночник был уже по пояс обнажен, рубаху, видать, в стане оставил. Жилист, узловат, трачен сединой, причем седины меньше, чем у Безрода. Оттир происходил из племени рюгов. Расписной рюжский пояс держал черные кожаные штаны. Ворожцы разошлись, к Безроду подошел полуночный, к рюгу – боянский.

– Твой ли это меч? – Ворожец кивнул на клинок Безрода. Говорил по-боянски, и Сивый прекрасно его понял, несмотря на то, что слова старик выговаривал жестко.

Пожал плечами, вынул меч из ножен, протянул ворожцу. Тот одну руку положил на лезвие, другую на Безродов лоб, закрыл глаза, и кругом вывесилась мертвая тишина. Сивый с криковой ухмылкой вспоминал, как в кузнице разрезал руку над раскаленным клинком, как вскипела кровь – и не вверх облачком вознеслась, а в сталь просочилась. В каждом мече душа живет, девица-огневица, солнца дочь, ратного бога сестрица. Из жаркого пламени переходит она в клинок, кузнец запирает ее в лезвие да приговаривает: «Живи, огневица, душа-девица, красиво и благостно и никогда тягостно, в новом доме светло, заботой да ласкою тепло, вражьей пей кровь, бей и в глаз, и в бровь...» В тот день приняла девица-огневица кровь Безрода, признала. Не подведет, лишь ты первый не обесчести.

Ворожец-полуночник открыл глаза. Кивнул. Да, меч принадлежит поединщику по праву. Подошел к самой воде, сложил руки воронкой, поднес ко рту, закричал своим:

– Его меч! Быть бою!

Полуночники заревели, вверх полетели шапки.

Старый Урач проделал то же самое с мечом полуночника. Повернулся в свою сторону и крикнул в Сторожище:

– Его меч! Быть бою!

Город потонул в едином крике.

На поединок звал боянский князь, Безроду и приносить клятву первым.

– Пусть могучий Тнир и храбрый Ульстунн с небес глядят за моей рукой! Пусть громовержец Ратник и всеблагий Отец-солнце убедятся в чистоте моих помыслов! Не опускаюсь до бесчестья, в том порукой мое слово! – Безрод порезал мечом грудь против сердца, прямо по рубахе, ладонь сложил ковшиком, набрал полную пригоршню крови и выметнул в воздух, богам. И своим, и чужим. Смотрите. Судите.

Оттнир первыми призвал боянских богов.

– В свидетели чистоты помыслов зову повелителя молний Ратника и Отца-солнце! Приглядите за мною с небес праведным оком, могучий Тнир и храбрый Ульстунн! Клянусь, что не оскорблю святости поединка! Быть по моим словам!

Взывай за справедливостью перво-наперво к чужим богам, чтобы ни у кого не возникло сомнений в победе. Чужих богов на ложь и лесть не купишь.

И вот на плесе остались только поединщики. Оттнир повернулся к своему берегу, задрал голову в небо, разбросал руки в стороны, о чем-то зашептался с Тниром. Безрод лишь ухмыльнулся. Куда поворачиваться? К Сторожищу? Лицом к князю? Нет уж! Повернулся к солнцу, подставил лицо. Хорошо, что солнце восходит не над Сторожищем, если смотреть отсюда с плеса. А вот о чем просить солнце, и не знает. О жизни? А чего о ней просить? Знать бы еще, что с нею делать!

Рюг подобрался, стал похож на меч. Так же холодно заблестели глаза из-под бровей, сведенных в ниточку. В рыже-седой шерсти на спине и плечах прячутся старые шрамы.

Только теперь Безрод снял рубаху, когда никого вблизи не осталось. У рюга аж глаза от удивления округлились, хотел было спросить – да вовремя язык стреножил. И ведь пожил, всякое повидал.

А дальше было то, чего никто не ожидал. Ни бояны, ни полуночники. То-то Брюндюр-ангенн удивится – уж он как пить дать знает в этом толк! Пусть слышат все, как поет последний осколок дружины воеводы Волочка! Пусть рюг стоит и глаза таращит! Безрод запел, а оттнир на самом деле замер, глаза вытаращил. Много храбрецов и силачей в стане на берегу реки под стенами города, но такое под силу лишь Брюндюру, и, выходит, не с одним – с двумя сразу схватился этот неровно стриженный боян. Меч скрестит не с кем-нибудь – с ним, Хаксэльве, что, говорят, с клинком родился. А перепеть пытается Брюндюра. А он просто ангенн, и этим сказано все!

– ...Растворю амбары, распахну хлева,
эх, вы, тары-бары растабары,
напеку на целый мир добрые хлеба,
эх, вы, тары-бары растабары,
что судьбы мне злой жестокие удары?
эх, вы, тары-бары растабары,
ни за что погибну, просто так, задаром
эх, вы, тары-бары растабары...

Богам песня понравилась, солнце ярко плеснуло сквозь осенние тучки, и на мгновение вернулось лето, а со стороны полуночников громыхнула запоздалая гроза.

И крикнул Безрод рюгу, чтобы тот сбросил чары переливчатого хриплого голоса:

– Эй рюг, не спи, замерзнешь!

Сивый ударил первым. От правого плеча к левому бедру. Рюг вкрутился в центр сверкающего полукруга и, в свою очередь, повел меч снизу вверх, от бедра к плечу. Поединщики встали, как начали, только местами поменялись. Разошлись на два шага, и рюг ударил первым. Двуручным хватом, сверху вниз, словно колун обрушил на полено. Над головой такие удары не встречаются. Рука не удержит собственный меч, вражий клинок все равно сломит защиту и достанет голову. Отводят скольльзящим касанием в сторону или назад, да и не бьют подобным образом, если мало-мальски возможно получить упреждающий тычок острием в лицо. Мечи попробовали друг друга и звонко спели. Этого момента знающие люди ждут. Клинки тоже обладают голосом – каждый своим. И началась бешеная пляска с короткими перерывами. Три-четыре удара, перерыв, три-четыре удара, перерыв... Сверху, снизу, в голову, по ногам. Оттнир вперед не кидался, собственной силой не бросался, подарков не делал. Безрод, возвращая себе ратный навык, несколько раз ладонью отшлепнул рюгов меч. Этот прием бояны знали как «пощечина», он требовал изрядной наглости и тонкого расчета.

Долго такие поединки не длятся, Сивый узнал рюгу цену, и, чем быстрее все закончится, тем лучше. Еще немного, и все решит не умение, а случайность. Безрод намеренно подставился, замешкался, приготовился к боли. Рюг тут же переменял руку, бросил меч в левую и нанес резкий удар в подреберье. Сивый, не сходя с места, изогнулся вбок – меч оттнира просвистел над самыми ребрами и оставил после себя тонкий, длинный разрез, – распрямился, ударил сам. Едва встал ровно, перед глазами полыхнуло, скривился от боли и зажал рану ладонью. Рюга распорол от бедра до шеи. Оттнир сделал два неверных шага и в ручье крови рухнул наземь. Вряд ли выживет. Добивать Безрод не стал. Шатаясь, подошел к рубахе, морщась от боли, надел. Мокрая рубаха приятно легла прямо на полыхающую рану. Красиво получилось. Такого никто раньше не делал, – сам придумал. Был похожий прием, только там поединщик отгибался не вбок, а назад. Слава Ратнику, складываться вбок получается чуть не вдвое. Впрочем, уловку еще оттачивать и оттачивать. Не углядел оком – заплатил боком!

Оттнир захрипел. Сивый вложил в его холодеющую руку меч и, не оглядываясь, вошел в реку. Когда рана скрылась под водой, хотел остаться в этом блаженстве навсегда. Выбрался на берег и, стараясь не шататься, побрел вперед. Со стен восторженно улюлюкали, что-то бросали вверх, шапки, наверное, но ничего этого Безрод не видел. Глядел под ноги, чтобы не споткнуться, и считал шаги. Сам не заметил, как дошел. Не успел оглянуться – встал на княжьем дворе. Его окружили дружинные и повели себя донельзя странно. Кто глаза прятал, кто норovil по плечу дружески хлопнуть, кто угрюмо кивал в знак одобрения. Не глядя по сторонам, Безрод побрел напрямиком к себе в клеть, в темноту, в сон, в забытье. Даже словом ни с кем не обмолвился, будто нет никого вокруг. Да так и есть, двор заполнен, а людей нет, воды никто не подаст. Ну и ладно, не привыкать.

Как долго пролежал – сказать некому. Едва упал на ложе, так и провалился в забытье, положив деревянный лик под больной бок. Поил свежей кровью. Когда поднялся, стало ощущать лучше, даже озноба не было. А ведь ждал. Которые сутки пошли? Третьи?

– Вторые. – Стюжень присел на колоду, знаком велел молодцам отойти от дверей, чтобы свет не застили. – И горазд же ты спать! Только-только солнышко встает. Рубаху снимай.

Безрод покачал головой. Не сниму. Ни к чему.

– Тогда, вставай. Иди в свет.

Сивый встал и покачнулся. Сделал неверный шаг, второй, третий, встал в дверях. Оперся о створ. Всем тяжело дались эти сутки. Потрепали защитников. Кое-кого даже Безрод не увидел, не обращавший на дружинных особого внимания.

Недавний поединщик вышел во двор. Раненые лежали в дружинной избе, откуда не стихая неслись проклятия, ругань и стоны, оттуда же вынесли умершего от ран воя. Безрод рухнул на завалинку, уронил голову на колени и уснул бы, гори все ярим огнем, если бы Стюжень за плечо не потрепал.

– Князь ждет. Вставай.

– Чего ему?

– Сам скажет.

– А полезут когда?

– По-разному. Когда ночью, когда днем. Вот солнце встанет, и полезут.

Стюжень протянул руку, Безрод отстранился. Слава богам, руки-ноги на месте. Сам встал. А что в глазах звезды забегали, эка невидаль! Не первый раз и не последний. Опять по ступеням на стену подниматься! Ворожец шел следом и чему-то улыбался. Стюжень тоже осунулся, но ему удобо – что камню зубило. С боков обтешет, сердцевину откроет. И стал верховный еще больше похож на валун. Здоров же седобородый!

Князь на взводе ходил взад-вперед по стене, как прошлый раз. И был так же зол и яр. Кольчугу заменил. Старую пустили на кольца для латок.

Безрод встал перед князем. Встал, хотя пуще неволи хотел сесть прямо наземь. Но сесть не предложили. Князь и дружинные воззрились на победителя, как на диво. Сивый усмехнулся. Сам говорил, что диво-поединщик, чего же тарашится, будто впервые видит? Поди, не ожидал, что падет рюг. Отвада, наконец, заметил, что Безрод шатается, показал на бочонок у стены – дескать, садись. Сивый и глазом не повел, остался стоять, будто не увидел.

– Здоров ли?

– Издалека заходишь. Чего надо?

Отвада закусил губу. Дерзит. Впрочем, и раньше дерзил, ничего не поменялось.

– Знатно рюга уложил.

– Сам не знатен, кладу знатно.

– Еще раз пойдешь.

– Полон город воев.

– Тебя не жалко! – ухмыляясь, бросил князь.

– Нет. Кончай здесь. – Безрод развернулся уходить.

В спину догнал голос Перегужа.

– Сынок, передых нам нужен. Хоть на денек.

Сивый замер у самой лестницы. Медленно повернулся. Просит бывалый, посеченный воин, просит вместо своего князя, у которого злоба язык отняла. Просит не за себя – за тех бестолочей, что проливают кровь на городской стене и гибнут. Сивый помолчал и усмехнулся.

– Только ради тебя и выйду, Перегуж. Только ради тебя. – Сказал и ушел.

Пытались перевести в амбар к здоровым или в дружинную избу к раненым – не пошел. Упрямо затворился в своей темной клети и понемногу начал тягать из ножен меч, руки нарабатывать. И сам удивлялся. Дыхание должно быть сиплым, бок должен просто гореть, как после раскаленной кочерги, а на поверку выходило не так все плохо! Утром Безрод вставал на ноги и до одури махал мечом. Снова видел себя отроком, которому воевода наказал рубить воздух от рассвета до заката. Даже в беспамятстве руки должны рубить сами. Простое движение должно вьестся в самую плоть.

Иногда давал себе отдых, садился и вспоминал. Чем же пахло тогда в избе Волоконя, когда на мужскую половину вынесли новорожденного мальчишку? Молоком, хлебом, прелыми пленками. Наверное, так и должен пахнуть дом. А еще дом должен пахнуть женщиной. И железом. Огнем, деревом и кашей. И в какой-то момент становилось не по себе. Страшно. Когда так собою бросаешься, что стоит однажды разбросаться близкими? Если на себя плевать, не станет ли однажды плевать на счастье, пахнущее молоком?

На ночь клал под бок деревянный лик. И в свете лучей солнца, когда приносили поесть, всякий раз находил его в свежей крови. Пусть пьет. Пусть кровь дурную тянет.

На третий день вышел из клетки. Дружинных стало еще меньше, двор – еще захламленнее, живые – помятее, чернее, измученнее. Запертый в своей клетке Безрод не видел ни одной схватки. Жизнь проходила мимо, да с собой не звала. Сивый не знал, кто из оттиров порубил воеводу Долгача, что сидит на бочонке и морщится под руками ворожца. Какой полуночный ухарь посекал Трескоташу так, что пол-лица пришлось замотать льняной тряпкой, отчего шатается Перегуж? Нынешняя война – будто клетка для боевого пса. Выпустят подраться, да обратно водворяют. И не оборвать эту цепь. Есть пока приносят. Значит, голода еще нет.

Отвада стоял на стене и мрачно глядел вниз, на полуночников. Пришли с полуночи, вот и помереть бы им на полудне. Безрод шел к плесу и спиной чувствовал взгляды всего города, и среди всех один, достающий ножом до сердца. Княжий.

– Его душа! Его меч! Быть бою!

Даже полуночный ворожец смотрит с каким-то странным выражением в линиях глаз. С каким – поди загляни в его темную душу! Но насмешки во взгляде больше нет.

Старый Урач крикнул свое:

– Его душа! Его меч! Быть бою!

Безрод вытянул меч острием вверх. Пусть Ратник молнией войдет в клинок и поразит нечестивца, если он нарушит данное слово.

– Смотрите с небес за поединком, могучий Тнир и храбрый Ульстунн! Да не увидят ваши глаза ничего, кроме удовольствия от битвы! Никто не попеняет тебе, громовержец Ратник, и тебе, Отец-солнце, за то, что ваш потомок нарушил клятву! Я все сказал!

Сивый, не снимая рубахи, положил новый порез рядом со старым. Новой крови – новую дорогу. Когда выбросил пригоршню крови в небо, город взорвался криком радости, а с дуба снялся черный ворон.

Теперешний противник Безрода, неулыбчивый крепыш с грустными, холодными глазами, из гойгов, отдал богам такие слова:

– Метатель молний Воитель, и ты, светлый Отец-солнце, я честно одолею вашего сына в поединке, и пусть не будет в этом обиды! Могучий Тнир и ты, храбрый Ульстунн, вам я посвящу честно пролитую кровь!

– Боян, ты не подаришь своим врагам песню? – Из стана полуночников прилетел могучий голос. Вблизи еще более сильный. Слушая такой голос каждое утро, вои должны исполняться тонкости души и крепости духа.

– Меня не нужно спрашивать, Брюнсдюр-ангенн! Я и так сделаю это! Жди мою песню и в следующий раз! – Дерзость, и еще раз дерзость.

Безрод ухмыльнулся. Тяжко в жизни дерзким и дурным.

Брюнсдюр густо расхохотался со своего берега. Ушли ворожцы, ушли провожатые, Безрод и гойг остались на плесе одни. Сивый скинул рубаху, и гойг в изумлении попятился, будто увидел змею. А Безрод поднял руки с мечом в небо и запел:

– Одно лишь помню – меч поймал,
врагов рядами окружен,
и без души на землю пал,
изрядно сталью посечен.
Сколь долго духом был забыт —
мне память ведать не велит,
а как вернулся дух гульной
и просветлел я головой —

со страху обмер, сам не свой!
Водитель воев, где же я?
Чье неживое волшебство
сюда забросило меня?
Где сонм поверженных врагов,
что не сжалел моих боков
в никчемной схватке роковой?
Ведь если я, как таковой,
в суме изметной седловой
везу лишь постных пирогов
для пары крепких едоков,
да турий рог для питья,
одно выходит – баловство
был весь тот праздник бития,
где тьма сошлась на одного...

Гойг начал стремительно. Меч взмывал и сверкающей молнией падал. Через раз оттнир менял направление удара, отворачивал клинок и бил по глазам. Та самая полуночная уловка, о которой предупреждал Отвада. Впрочем, Сивый и без того прекрасно знал коварный прием оттниров. Полуночник вел схватку весьма осмотрительно – вперед не лез, равновесие держал прочно, безрассудно за мечом не тянулся. Зато Безрода мотало под ударами крепко. Но он лишь улыбался. Гойг стал запаздывать. Ход его меча удлинился, между тем как меч Безрода ходил короче и быстрее. Сивый так раскачал крепыша-полуночника, что тот на три четверти опоздал с защитой. Безрод уже сек, а полуночник только опускал клинок. Врубился мечом в шею, и наземь чуть не упали двое – гойг и его голова.

Не криком – ревом изошло Сторожище. И Безрод ревел от того, что стонали потревоженные ребра. Боль навалилось только после боя. Сивый нахлобучил на голову рубаху, пролез в рукава, вошел в реку. Вышел на берег, в кулаке отжал подол.

Растопил удачливый поединщик толстый лед. В стенах города, сами не свои от радости и гордости, дружинные протягивали Безроду руки, пытались похлопать по плечам, бойцы постарше скупно кивали. Хмель победы унес неприязнь. Безрод рук не жал, похлопываний избежал, ни в чьи глаза не глядел. Молча прошел к своей клетке, а подойдя, недоуменно остановился. У дверей стоял Стюжень и уходит не собирался. Стоял мертво, загородив собою вход и скрестив руки на груди.

– Уйди.

– Ты не вернешься в клетку.

– Вернусь.

– Твое место в дружинной избе.

– Нет.

– Ты встал на полуночника ради Тычка.

Безрод нахмурился. Хотел что-то сказать, но промолчал.

– Ты встал на полуночника ради Перегужа.

Безрод сцепил зубы.

– Сынок, не прошу встать на оттниров ради меня. Я только прошу уйти из темной.

Вои подобрались ближе. Потрепанные, порубленные, но счастливые. Однако с лиц понемногу уходила радостная улыбка.

– Я не дружинный князя. Не пойду в дружинную избе. И я по-прежнему приговорен.

Безроду показалось, что ворожец под бородой и усами едва не смеялся. Губ не видать, глаза под брови спрятал, но хоть ты тресни – как будто смеется! А еще Сивый давно хотел спросить: «А ешь-то ты как? Моржачьи усы не мешают?» Стюжень только буркнул:

– Оговорен ты, а не приговорен! – и ушел с дороги, прямой, будто ладейная сосна.

Парни потоптались, почесали затылки да и разошлись кто куда. Отсыпаться и раны зализывать, пока время есть. Даром ли Сивый на плесе подставлялся?

Безрод вошел в дубовую клеть и рухнул на ложе.

Глава 5 Брюнсдюр

Три дня Безрод провел словно в тумане. С некоторых памятных пор дверь перестали запирасть, и стражей возле нее больше не было. Нужда отпала. Сивый знай себе резал мечом воздух и отдыхал, резал – и отдыхал. Прижмет князя – опять на плес выгонит. А прижмет, как пить дать. Сторожищу никуда не деться, и помощи ждать неоткуда. Раньше надо было думать, когда полуночники прибрежных князей по одному щелкали, как орехи. Все оказалось проще пареной репы – ума не хватило млечам и соловьям объединиться, гордыня поперек головы полезла. И где теперь млечи и соловьи? Под князем боянов. Те, что остались. От судьбы не уйдешь, она тебя перехитрит, а ты ее – нет. Брюнсдюру эти поединки забава. Хорошую песню послушать – и то ладно. А что лучших воев теряют – злее будут. На этой войне новые заматереют. Брюнсдюр свой умишко не на печи высидел. Уж всяко не глупее Отвады. Никак не следует врага делать глупее, чем он есть на самом деле. Как только посчитаешь себя умнее врага, собирайся на тот свет.

А когда Отвада прислал за Безродом в третий раз, Сивый у самых ворот впал в озноб. Что-то не так станет этим утром. Безрод чувствовал себя так, словно зима вползла в нутро самыми лютыми холодами. Всего растрясло, будто в проруби искупался. Что-то случится. Безрод мельком взглянул на дружинных, измученных злыми набегами, посмотрел на верховного ворожца и усмехнулся. Так и есть. Стюжень отбросил ворожачий посох и ухватился за меч. Клинок у ворожца старый, очень старый. Истончился под правильным камнем, пообтесался, но даже теперь в палец шириной. Старику досталось – голова замотана, рукав порван и весь в крови. Глядит мрачно, но без исхода. Тяжело дается каждый день. А кому легко в эту мрачную пору? Безрод шел к реке и хребтом чуял – в третий раз не все пройдет гладко. Будет ли четвертый? Поглядывал на Урача, на воев – и знай себе мурлыкал под нос. В одном был уверен: песня получится такой, что оттниры рты разинут и закрыть забудут. И добро бы душа через рот к звездам вылетела, да назад не вернулась.

Невиданное дело! Неслыханное! Уходя с плеса, парни вполголоса пожелали удачи. Старый Урач просто схватил за волосы, притянул к себе и отечески поцеловал в лоб.

Безрод поднял голову и оглядел вражий берег. Дожили, свой берег вражьем обозвали! Дадут боги, ненадолго. Среди прочих оттниров стоял воитель в обычной поддоспешной рубахе из кожи и, скрестив руки на груди, глядел на плес. Сивый нутряным чутьем угадал в нем ангенна полуночников. Одно жаль – далековато стоит, лица не разглядеть.

– Я помню, Брюнсдюр-ангенн, свое обещание. По нраву ли мои песни?

– По нраву.

– А ведь бью вас, оттниров и так, и эдак.

– Эдак – это как?

– И мечом, и голосом. Понимаешь, к чему клоню?

Оттнир молчал. Только дурак не поймет, а князь полуночников далеко не дурак.

– Да, боян, понимаю. Ты храбрец и песни играешь знатно.

– Наверное, во всем твоём воинстве некому перепеть меня и перебить. Или обеднела полуночная сторона голосами? Осипла, шастая по морям? Или руки под веслами ослабели?

Оттнир помедлил, улыбнулся и покачал головой. Не обеднела, не осипла, и руки под веслами не ослабели. Все случается на белом свете, может быть, и найдется достойный поединщик сивому бояну, но вот перепеть его точно некому. Во всем войске не найти такого голоса... Молодые хорохорятся, кровь играет, им кажется, что хорошо спеть – проще простого. Открой рот, да набери побольше воздуха. Но крик и песня не одно и то же. Молодость на то и молодость, чтобы играючи браться за любое дело, но старые мореходы угрюмо отворачиваются.

Сами были молоды, повидали, послушали. Ни гойгам, ни урсбюннам, ни рюгам не перепеть бояна. В кои-то веки встретил равного себе. Стало быть, нужно готовиться к худшему – в следующий раз выходить на плес придется самому. Слишком далеко все зашло. Еще не известно, какие песни сложат об этих поединках у реки. Неровен час, получится так, что одного бояна всем войском воевали! Тяжела честь! И не просто одолей бояна на мечах, а перепой!

– Как ты узнал, что я пою?

– Мне раз человека услышать.

– Быть посему.

– До встречи!

Брюнсдюр только кивнул.

Сивый оглядел поединщика... вернее, поединщиков, и поежился. Одно лицо, два человека. На плес вышли братья, которых, наверное, родная мать путала. Пошутили боги над доброй женой, в небесном зеркале отразили мальчишку, и стало их двое. Сивый знавал таких. Близнецы друг без друга никуда, оба по девкам, оба в драку, а в битве таким равных не бывает. Один другого понимают с полуслова и бьются так, что у противника в глазах двоится. Вот, значит, отчего нутро вымерзло, вот почему хмурился Стюжень и улыбался князь!

Безрод, усмехнулся, без лишних слов кивнул и воздел руки к небу, замкнув над головой полный круг. Засыпает Отец-солнце, спрятался в тучи, ровно в пуховые перины. Спит-спит, а проснется. От того, что услышит, как не проснуться?

– Черный ворон, воронок, граешь надо мной,
Юность буйная прошла дальней стороной,
Бросив отчий уголок, пыли наглотался,
В чужедальней стороне весь поиздержался,
Полных сорок сороков истоптал сапог,
Исходил дружинным тысячи дорог,
Вражьей крови наземь слил – море-окиян,
По живому злым мечом трижды по три рван,
Затянулось, зажило, стану дальше жить,
Чтобы в битве страшной голову сложить,
Во широком поле прямо у реки
Грудью в грудь ударили ратные полки,
Бились, не щадились, мечный звон стоял,
И последним из дружины я на землю пал...

Песня еще разлеталась по обеим сторонам, когда с дуба поднялся черный ворон и улетел в сторону оттниров. Брюнсдюр слушал стоя, широко расставив ноги и по обыкновению скрестив руки на груди. Безрод чувствовал тяжелый взгляд полуночного вождя, полный немом сдержанного восхищения. И даже солнце ласково проглянуло сквозь пелену мрачных, совсем уже зимних, облаков, и будто теплой рукой кто-то прошелся по голым плечам Безрода. Благодарил солнце, понравилось.

И они пошли. Зашли с разных сторон, зато ударят наверняка одновременно. Дело только на замах шло, а Сивый уже знал, как поступить. Стало вдруг яснее ясного, что удумали близнецы. Безрод скорее молнии взвился в воздух и нырнул вперед. Двух ударов сразу не отразить, и насколько будешь быстр, настолько и жив. Ударили разом, один в грудь, другой в ноги. И не подпрыгнешь, и не присядешь, и всей-то жизни осталось – меж небом и землей, меж двумя мечами. Безрод распластался в воздухе, вытянулся в струну, и клинки близнецов просвистели сверху и снизу. Сняли клочок волос. И ладно, что только волосы. Зато меч Безрода наполнился полуночной крови по самый дол. Оттнир дернулся, обмяк, и меч увлек хозяина за собой. На ногах

раненый не удержался, упал на колени, а из распоротого бока захлестало, ровно из бочки с брагой, когда корчмарь выбивает пробку. Пробовал зажать – без толку. Моря не вычерпать решето. Второй озверел, как медведь, зажаленный пчелами. Перед Безродом заблестало стальное кружево, только воздух засвистел. Но один на один – всяко полегче.

Вдруг Сивый разорвал мечную вязь, отскочил на несколько шагов и замер. Вытянул руку с клинком, нацелил острие в лицо полуночнику и усмехнулся. Оттнир замер, тяжело дыша. Теперь будет один замах, один удар и одна смерть. Осиротевший близнец слышал про такое, где бойцы пытали друг друга терпением и неподвижностью. Иногда подолгу стояли.

Полуночник не стал ждать долго. Знал, что хорош в плетении стальных кружев, надеялся на силу и быстроту. Безрод позволил оттнiru сделать резких замахов, а сам лишь подшагнул вперед. Непостижимо просто и оттого невероятно скоро, обошелся вообще без замаха. Косая глубокая рана располосовала шею полуночника. Сивый отряхнул клинок, подобрал рубаху, трижды рассеченную в священной клятве, надел и побрел в город. У самого берега повернулся и долго глядел в глаза Брюнсдюру. Ангенн полуночников коротко кивнул. Быть сече. Быть поединку мечей и голосов.

Сивый не слышал криков горожан, если и были. В ушах стояли звон мечей и рев полуночников. На княжий двор Безрод ступил по-прежнему бирюк бирюком, ни на кого не глядел, ни с кем не говорил. Как и в прошлый раз, на приветствия не ответил, руки никому не подал, но Стюжень... Старик выступил вперед, его широченный меч покоился на вытянутых руках, а на лезвии стояла чаша, полная меду. Почетная чаша. Безрод оторопел. Впрочем, даже тут Сивый остался верен себе – усмехнулся и отпрянул, будто увидел змею. Замотал головой и сделал назад еще один шаг. Почетную чашу принимает лучший дружинный, а тут не лучший, и не дружинный.

Рядом с верховным встал Перегуж. Воевода и Стюжень загадочно переглянулись. Безрод не знал, что делать. И принять нельзя, и отказать верховному тяжело. Старик совсем по-дедовски принял все близко к сердцу, а Перегуж и вовсе по-отцовски! Глядит так, будто снимет пояс да и оходит по заду, как несмышлениша беспортошного.

– А вот попей, сынок. Устал, поди. – Стюжень говорит, а сам смеется, даром что ранен, и лихо кругом. – Медок сам настоял, словом заговорил. Не князь – город просит.

– Чужак я, – буркнул Безрод и, положив меч у ног, снял чашу.

– Каков певец, такова и честь! Ты вокруг оглянись, посмотри на людей! Глаза сияют, ровно звезды в небе! Послушай, что босота малолетняя на улицах поет!

Безрод прислушался. И ничего не услышал. Но город велик, не враз и обойдешь. Может быть, и поют. Наверное, не врет Перегуж.

Сивый припал к чаше. Вкусило горькой полынью, терпкой рябиной, клюквой и чем-то еще. Отменное питье! Последние капли Сивый метнул в воздух, и налетевший ветер унес их с собой, не дав упасть наземь. А Безрод зашатался, перед глазами все поплыло, завертелось. К нему кинулись Перегуж, Стюжень, но Сивый опередил всех. Будто скошенный сноп, рухнул в растоптанную грязь, в лужу воды и крови. Достал-таки второй близнец. Чаша крепкого меда Безрода и свалила.

– В избу. Живо, – рявкнул Стюжень.

Перегуж и кто-то из парней, подхватив беспамятное тело, мигом унесли. Вроде бы плакать надо. А ворожец улыбался.

Рана оказалась не опасной. Меч ровно и аккуратно рассек бок над печенью. Стюжень костяной иглой, волчьим сухожилием деловито сшил разрез. Известно, от волчьего живучей становишься. Во время штопки к Безроду вернулось сознание, и от нечего делать Сивый считал бревна в стене. Одно неудобство – в голове хмель буянил, с глазами играл.

Через день Сивый встал. Только погляди! Перенес-таки старый хрыч в дружинную избу! Что хотел, то исполнил. Безрод потянул бок. Болит, но жить можно. Ишь ты, даже ложе застелили, чтобы мягче почивалось! Вышел на крыльцо. Только что кончился приступ. Вои суетились, носили раненых. На пороге избы двое озирались: куда класть? Сивый кивнул за спину, дескать, клади на мое место. Как раз нагрел для такого случая. Вышел во двор. Там за амбаром, на пустыре стоит одинокая темная, в которой коротал время между поединками. Там и доживать свое. В тишине да темноте спокойнее песни складываются. Жаль только, звезд не видать, не треплет ветер неровно стриженую седину.

Но, повернув за амбар, Безрод остолбенел. Не стало больше темной. Сгорела. Дотла. Сивый сдал назад, в растерянности оглянулся по сторонам. Будто дом родной потерял. Как же так?! Видать, шальная огненная стрела попала в кровлю, в пылу схватки и не заметили. А как отбились, уже догорала. Безрод присел рядом с обугленными головешками и опустил голову. Усмехнулся. Куда теперь идти? Было единственное место, где мог укрыться от «гостеприимства» князя. В дубовых стенах клетки все менялось, и съеденный хлеб ни к чему не обязывал. Куда теперь? Осталась только одна крыша – бескрайнее небо над головой. В закатной заре Сивый ступил на пепелище, разгреб сапогом золу, и вдруг из-под ноги, в облачке пыли выкатился березовый чурбак с ликом Ратника. Ты гляди, не сгорел. И даже кровь с лика не сошла.

– Дурак я. Мало таких на свете. – Безрод присел, взял в руки лик, усмехнулся. – Зато видать издалека.

Прижал к груди, бросил плащ на землю и, свернувшись калачиком, встретил осеннюю ночь.

Хоть и студеной выдалась ночь, Сивый будто на печи пролежал. Спекся весь, ровно глина в огне. Сам запылился, едва не сгорел. Таким и нашли поутру, в пылу да в жару. На нем даже иней стоял. Дружинные кругами ходили, а на руки взять не решились. Безрод волком глядел и ничего не говорил. Встать не мог, говорить не мог, тряся, будто пес после воды. Свернулся клубком, подтянул колени к груди, молча скалился, да зубы показывал. И лишь когда подошел Стюжень, успокоился. Но даже в горячке усмехался. Дуракам закон не писан, если писан – то не читан, если читан – то не понят, если понят – то не так. Последнее дело уходить на тот свет, оставляя после себя долги. Лучше задолжать другу, но не обмануть честного врага. Чуть не задолжал поединок Брюнсдюру. Что сказал бы ангел полуночников, узнай о смерти противника? Наверное, удивился бы и спросил: «А где мой поединщик? С последней схватки ушел на своих ногах!» Ответили бы со стены: «Спекся, дурень, лежит в золе!» Усмехнулся бы оттир и был прав. Сто раз прав.

Безрод открыл глаза. Крыша над головой. В середине и по бокам огромные рогатые столбы. Наверное, амбар. Весь ложами заставлен. Бойцы мрачны, угрюмы, точат оружие, перевязываются, кто-то спит. Горят лучины. Маслянки уже не зажигают. Нечего добро переводить, как бы голодать не пришлось. Многие ложа свободны, чисто застелены полотном, в изголовьях шлемы лежат. Эти, стало быть, отвоевались. Ничего, нанесут еще раненых, сразу после приступа нанесут. Сивый усмехнулся. Жизнь стала похожа на перегонки с ранами: одна затягивается, другая на подходе, третья порожек обивает. Из огня – да в полымя, ни дня без заботы. Уже и забыл – каково это, когда нигде не болит.

Безрод зашевелился, заерзал. Вои подняли головы. Хотел было съязвить, но промолчал. Смотрят настороженно, ровно не поймут, что за зверь такой? Было чудище, знали его страшным, зубастым, клыкастым, а вот сбросило шкуру, и как это называть? Глядят недоверчиво, не знают, каким глазом шуриться. Сапогом, как раньше, запустить неловко, но и княжий приговор по-прежнему в силе.

Сивый приподнялся на локте, поморщился – не с того бока вставать начал – и сбросил ноги вниз. Дружинные как-то странно косились. Многих Безрод уже знал. Моряй, Трескоташа,

Щелк, Остряжь, Рядяша... Пока искал сапоги, чувствовал на себе взгляды. Поднял голову, непонимающими глазами оглядел каждого и похолодел.

– Сколько без памяти был?

Прошептал еле слышно, однако, Моряй, лежавший ближе всех, услышал.

– Два.

– Болтал?

– И болтал, – Моряй улыбнулся, – и пел.

– Пел? – Безрод нахмурился. Неужели про счастье, пахнущее молоком? – Что пел?

– Да разное. – Моряй, как ни был измучен, едва не смеялся. – Мало в краску не вогнал, а уж мы всякое слышали!

И весь амбар грянул таким гоготом, что спящие подскочили, а со столбов снялись перепуганные голуби.

Два дня Безрод провалялся в горячке, все это время пел, и закрыть ему рот не было никакой возможности. Почитай, два дня вои не спали, слушали, разинув рты. Иногда боялись, что Сивому не хватит дыхания, так долго держал он голос. Два дня Безрод мотал парней по морям неизбывной тоски и молодецкой удали. Два дня Сивый вспоминал речной плес, поединок за поединком, и теперь вся дружина знала до слова разговор Безрода с вождем полуночников. Два дня без усталости твердил, что нужно во что бы то ни стало выйти на плес, просто выйти, а там будь, что будет. Что еще наговорил?

Сивый нащупал сапоги и слабыми руками натянул. Хорошо, что у столба положили, можно встать. Постоял у столба, прогоняя головокружение, сделал шаг. Вои что-то говорили, предлагали плечо для поддержки, но Безрод и глазом не повел. Отмолчался. Ни к чему. До задка сходить помощь не нужна. Да и потом обойдется. У самых дверей Сивый покачнулся и едва не упал. Ухватился за створ, прижался к двери и выстоял свою слабость. А когда Безрод вышел, Моряй буркнул в пол:

– Нет на нем вины. Не он разбой учинил. Те четверо.

– Да что ты говоришь? – с издевкой протянул Взмет, один из восьми битейщиков, которым Безрод рассадил кулаки собственными боками. – Тут прямо и кинусь в ноги прощение отмаливать!

– Ему, дурень, твое прощение вовсе не нужно! – вмешался Прям. – А даже попросишь – все равно не простит.

– Да разбойник он! Справедливым судом, небесным промыслом приговорен к смерти!

– Дурак ты, Взмет, дурак и слепец! Возжелай боги его смерти, лег бы под первый же меч там, на плесе! Трижды ушел на своих ногах.

– Все равно приговорен! – из своего угла встрял Шкура. Он тоже бил.

Прям с сомнением покачал головой.

– Я пожил и людей вижу до дна. Этот не возьмет и пылинки чужой. Помирать будет, а чашу воды у тебя не примет. А ты говоришь, разбойник! Уж на что тяжело было, а не принял от вас, дураков, ни милости, ни прощения. И не примет. В старину говорили, с такой гордыней рождались только Ратниковичи. Самого Ратника сыновья. Так-то!

– Он разбойник! – чуть не в один голос крикнули Шкура и Взмет.

– Тяжко нынче князю. У кого сын на руках не умирал – тому не понять. Я Расшибца учил на лошади ходить, а под лошадью сам выучился. Здоров был! На плечи взметал своего гнедого. А Сивый с княжичем одно лицо. Вот и рвет сердце Отвада. Лютует. Безрод жив, а сын помер. Тяжко князюшке. – Прям говорил, будто сказку сказывал, тихо, напевно. Взмет и Шкура насупились и все равно остались при своем.

– Вот придет – и запусти сапогом в лицо. Думаешь, испугается? – жестко отчеканил Моряй.

Запустить в человека сапогом, зная, что не будет ответа, не это ли последняя гадость? И не потому промолчит, что испугается, а потому, что каждая пара рук теперь на вес золота. Затевать глупые ссоры – делать за отгниров черное дело. А еще в скором времени предстоит выйти на плес к Брюнсдюру, и об этом тоже нельзя забывать. Шкура и Взмет отвернулись, а весь амбар напрягся: что же будет?

По возвращении Сивый замер в дверях и со слабой улыбкой ждал. Сапога. Который почему-то не летел. Безрод оглядел воев одного за другим, и каждый спрятал глаза. Ухмыльнулся, пошел к себе и, как мог, держал спину прямо.

– Больно ты горд, Волочкович. – Голос низкий, густой, хриплый.

Сивый обернулся.

– Сапога ждал? А напрасно. – Рядяша встал у срединного столба, скрестил руки на груди. – Не будет больше сапог. Поиграли, хватит. За один город кровь льем.

Поиграли? Безрод мрачно ухмыльнулся. Как все просто! За один город кровь льем! Сивый доковылял до срединного столба и встал напротив бугая Рядяши. Молча нашел глаза молодца, и взгляд Сивого получился красноречивее слов.

Рядяша конфузливо потупился.

– Вылежал бы себя. – Пряма подошел ближе. – Ведь не подарок Брюнсдюра. Сам знаю.

– Тебе-то что за печаль? – усмехнулся Безрод.

– А есть мне печаль, когда хороший человек сам себя губит! – Пряма покачал головой. – Не ершишь. Дураков на свете больше, чем кажется. На всех зла не удержишь. Вот тебе моя рука. Хочешь – пожми, хочешь – нет.

Сивый долго смотрел на протянутую руку, наконец отвернулся и пошел к себе. Дружинный так и остался с протянутой рукой.

– Думаешь, не знаем, отчего на пепелище ночевал? Под княжью крышу не захотел идти? – Пряма говорил в спину без злобы, просто с горечью. – Зло таишь, от людей хоронишься. Как бы один не остался.

И без того один остался. Хуже не станет. А ты, Пряма, не марайся, руку тебе не пожму. Не иди против князя, не наживай из-за меня злосчастья. Пожмешь мне руку, а в один прекрасный день все же решит Отвада жизни лишить, да на тебя укажет. Что делать будешь? Станешь веревку на моей шее затягивать и душу пополам рвать.

Ночью Безрод опять стал плох. Метался в бреду, пел, всех переполошил. Бессильные что-либо сделать, раненые ворочались и слушали. Хорошо, что пел Сивый негромко, что-то спокойное вроде колыбельной. И лишь Коряга, измученный бессонницей, с горящими от бешенства глазами подскочил с ложа, схватил нож и ринулся к Безроду. Но путь млечу преградили Щелк и Сдюж. Коряга опомнился, сдул щеки, вернулся на место. А когда Безрод запел про тихую ночку, про теплый ветерок, уснули все, даже Коряга. Глубоко в ночи пришел старый Урач, напоил Безрода горячим отваром и укрыл потеплее.

Утром полуночники двинулись на приступ. Сивый пришел в себя, лишь когда в амбар, грохоча, ввалились вои и, сняв шлемы с пустующих мест, положили раненых. Мрачные, нелюдимые, они тащили друг из друга стрелы и помогали перевязываться. Безрод молча ждал, пока из Морья вынут стрелу – вошла в шею, но неопасно, – перемотают полотном, и лишь тогда подошел.

– Князь где?

– Слег. Порублен. – Говорил Морья тяжело, еле слышно. – Но даже порубленный улыбается.

– Их все так же много?

– Уже поменьше. Один-второе, а то и вдвое. Тоже не зря хлеб едим.

– Денька три еще простои́те?

Моряй закрыл глаза. Может, да, а может, нет. Сивый огляделся. Кто еще вчера на ногах стоял, теперь лежа лежит. Каждый день в городе зажигают погребальные костры. Порубленных находников кладут в ноги павшим защитникам. Сегодня ты зажигаешь костер под соратником, завтра под тобой зажгут. Безрод вышел во двор. Как там нынче Тычок? Должно быть, обезумел старик от запаха боли. Вот уж чего в избытке! Закачало. Сивый прислонился к столбу и ждал, пока не прояснится перед глазами. Выходит, в самом удачном раскладе один-вдвое. Помощи ждать неоткуда. Так или иначе погибать, но уж лучше отпустить дух в бою, чем от голода.

– Чего задумался? Того и гляди, от умных мыслей лоб треснет. – Стюжень вразвалку подошел ближе и без сил рухнул на бревно у столба. Держался за бок, но никаких рук не хватит зажать такую рану. – Вот передохну малость – и к раненым подамся. Вот только передохну...

Безрод покосился на старика. Самого штопать и штопать, а все туда же!

– Руки дрожат?

Сивый взглянул на огромные руки верховного. Вроде не дрожат, а то сам не видит!

– Да не мои, дурень! Твои! Штопать меня станешь.

Безрод поднял с земли жердь, вытянул руки, замер. Перед глазами поплыли звезды, но руки остались тверды. Сивый помог ворожцу встать, и оба неторопливо пошли, один качался, второй шатался. В избе новоявленный ворожец запалил все лучины, все маслянки, из амбара принес лик Ратника, поставил в углу. Заговорил иглы и сухожилия. Старик тяжело дышал, а по широкой скамье уже растеклось озерцо крови.

– Слово скажу. По шее потом дашь, когда встанешь. И не перечь, нынче ты не указ.

Стюженьпил крепкий мед, молчал и только косил налитым кровью глазом. Мол, потом поговорим, ворожец, так твою...

...Безрод обрезаю сухожилия, накрыл старика волчьей шубой, сел на лавку у стены, и самого будто выкрали. Даже маслянки не задул. Так и замерли один подле другого – заштопаный старик и ворожец-самоучка. Один на скамье, другой – на лавке у стены, откуда скатился потом на пол. И все равно не проснулся, лишь глухо застонал. Догорели маслянки, изба погрузилась в темень. Заглядывали другие ворожцы, заглядывали воеводы, князь присылал справиться, как там Стюжень.

Сивый очнулся от собственного стога. Послушал дыхание старика, усмехнулся, тихо вышел наружу и, обласканный полной луной, поколченожил к амбару. А когда проходил мимо городской стены, замер. Который день на исходе? Третий? На стенах всегда кипела жизнь, кто-то нес дозор, кто-то точил оружие. Безрода узнали, поздоровались, как с равным. Сивый тяжело поднялся на стену, приложил руки к губам и крикнул, что было мочи:

– Э-э-э-й! Брюнсдюр-ангенн, никак спишь?

Стан полуночников недолго молчал. Из темноты прилетел низкий, могучий голос:

– О да, седой боян, я узнал тебя.

– Я уж думал, спишь. Не ранен ли, Брюнсдюр-ангенн? Хорошо ли почивалось?

– Нет, боян, я не ранен.

– Жду тебя на плесе через день. Застоялся что-то. Скучно.

Брюнсдюр помолчал.

– Хорошо. Я ждал. Не пей, боян, холодного молока. Береги горло. Прошу.

– И ты, Брюнсдюр-ангенн, зазря не подставляйся! И не подходи близко к реке. Сыро, как бы голос не сел.

С того берега реки по морю лунного света приплыл зловещий, раскатистый хохот. Безроду смеяться не хотелось, от боли в боку едва не плакал, но парни, окружившие со всех сторон, смотрели с тайной надеждой. Сивый натужно, деланно расхохотался. Вои, стоявшие ближе всех, отпрянули. Так и слуха лишиться можно. Безрод смеялся с грустным лицом, и силу для

смеха черпал не в веселье, а в боли. Отсмеявшись, едва не падая, сполз по бревнам на тесаный настил. От натуги перед глазами зацвело, чисто летом на заливном лугу.

– Чего же так скоро? – спросил кто-то из дружинных. – Рано. Отлежался бы пару дней. Порубит Брюнсдюр.

Безрод молча покачал головой. Нет у вас, бестолочи, пары дней. Нет. День-другой, и сомнут полуночники. Уже который день подряд через стену перелезят. Хорошо, везет пока.

Совершенно обессилел. Ровно в одиночку закидал мешками и бочатами полный трюм Дубининой ладьи. Безрод спустился со стены и, качаясь, поковылял к себе. Стелясь тенью, нырнул в амбар и, как бревно, повалился на ложе. Скоро встанет солнце, а там и поглядим.

Утром Безрод, едва глаза открыл, почувствовал на себе взгляды. Ну, что еще? Опять пел, спать не давал? Чем недоволены? Сивый усмехнулся. Все стоящие на ногах, как один, обступили ложе Безрода. Потрепаны, перевязаны, исхудали, посерели.

– Никак бредил ночью?

Перегуж тут как тут. Воевода сунул руки за пояс, подступил вплотную, насупился, заиграл бровями.

– Что ж ты, подлец, делаешь? Легкой смерти захотелось? В дружину к Ратнику не терпится? Зачем на рожон полез? Почему не вылежался?

Ты гляди, ровно и впрямь отец. Поговорит-поговорит, а возьмет и высыплет.

– Засиделся. На волю хочу. Тесно, душно, задыхаюсь.

Безрод встал перед воеводой. Пока князь от железа страдает, Перегуж всем дружинным заместо отца.

– Ты, парень, языком не трепли. Враз оторву. Не абы кого вызвал – Брюнсдюра! Посечет за здорово живешь! Видал? – Воевода вытащил рубаху из-за пояса, задрал. Уродливый шрам белесой нитью вился по всей груди. – Насилу ушел.

Сивый усмехнулся.

– А я не уйду. Уж как в город вошел, все к тому идет. Скорее бы.

– С огнем играешь.

– Это вам все игры, а я устал.

Безрод обошел воеводу и побрел из амбара вон, соратники поневоле расступались, без помех давая пройти. Удивленно глядели вслед и поджимали губы. Сивый будто сам себя приговорил. Говорит нехотя, смотрит холоднее обычного, ровно покойник ходит по белу свету.

Перегуж сердито оглядел воев. Не того ли хотели? Повесить, утопить, обезглавить, стрелами утыкать? А себя на его место никто не ставил? Конечно, до такого никто не додумался! Не пора ли задуматься, о ком сложат песни после этой войны? О боянах? О млечах? О князе? Как бы не так! О человеке, который заставил весь город расправить плечи, набрать полную грудь воздуха и смеяться во всю мочь. И встал последний против первого. Ведь так? Свою чару пьет до дна сам. Воевода мрачно оглядел дружинных и вышел.

– Всем лежать. Нечего скакать. Утро вечера мудренее.

Безрод ушел на задний двор, сел на бревно и долго смотрел на море. Всего ничего осталось. Дождаться бы завтрашнего утра. Над морем дымка висит, белая, словно молочный дух, а налетит ветер – порвет в клочья, развеет по сторонам. Не было молочного счастья и уже не будет. Даже глазком не взглянул и пальцем не потрогал. Вьется дорожка, у каждого своя, идешь по ней, сколько богами отмерено, в болота лезешь, в трех соснах кружишь, а на чужую не перескочить. Долю не обмануть, глаза не отвести. Как идешь, так и смерть принимаешь. Пятками сверкаешь – в спину бьют, а прямо идешь, головы не гнешь – так и бьют в самое сердце. Тяжко в жизни дуракам. Голова не гнется, зато и видать издалека.

Ноет бок. Но странное дело, только начни мечом махать, вмиг обо всем забудешь. Будто и нет никаких ран. Поплачутся кровью, да усохнут. Завтра не мелочь сопливая на плес выйдет – первый из первых. Таких днем с огнем ищи по всем сторонам – не вдруг и сыщешь. В море бы

войти. Пусть обжигает студеная вода. Она ведь, как мать, всякого примет, в грязи извозишься – отмоет, душой зачерствеешь – размягчит. Будет шуметь-пошумливать, ровно колыбельную петь. Безрод закрыл глаза и мысленно вошел в море. И так стало спокойно, будто смыло с души грязь, кровь, дурную память. Перед последним поединком душа должна быть свежа, как роса на лугу, горяча и трепетна, как жеребец в поле.

Никто не посмел войти на задний двор. Дворовые, завернувшие сюда по хозяйственной надобности, замирали и тихонько шли на попятный. Перегуж и сам долго стоял, во все глаза глядел на Безрода.

– Эх, парень, парень. – Воевода горько покачал головой. – Во всем Сторожище от силы один-двое Брюнсдюру под стать, и то – как счастье обернется. Куда тебе с твоими ранами? Эх, парень, парень!..

Сивый перестал шептать, замер неподвижно. Только ветер трепал волосы, с рубахой забавлялся. Перегуж поставил у заднего двора дружинного, чтобы никто войти не смел. Утром седому да худому тяжелее всех придется. В стенке не спрячешься, о помощи не попросишь. Весь на виду.

Вечером Безрод переступил порог амбара, замер на мгновение, и тотчас получил сапогом в грудь, да с такой силой, что едва не вынесло с крыльца. И следом еще несколько.

– Пригладь перья, воробей! – заорал взбешенный Коряга. – Распушил, словно жар-птица! Не ты один жаждешь против Брюнсдюра встать! А если ты сохнешь, я пойду! И не бывать мне битым, безродина! А жив останешься – про сапог мой помни! Нечего поединками прикрываться! Полно глумиться над честными людьми, предатель, змей островной!

Млеч раскраснелся, жилы на шее взбухли, будто ладейные канаты, достиг предела в своем лютовстве. Разве что на куски Безрода не порвал. Как потерял всю семью, так и обезумел в ненависти к отгнирам. На тень бросался, белый свет стал не мил, себя не берег.

Дергунь и того пуще взбесился. Едва пеной не плевался, чуть рубаху на себе не порвал, за нож схватился. И не понять, что кричал, насили успокоили. Всем тяжело полуночник вышел. А Безрод знай себе улыбался. Глаза пусты и бессмысленны, в руках сапог теребил. Рядяша встал между Корягой и Сивым, буркнул:

– Охолони, млеч. Назад сдай. Не ершишь и к Безроду не цепляйся. Кого увижу за непотребным делом, бить буду смертным боем. Всех касается.

Плюясь руганью, ненавистники Безрода разошлись по местам. И не потому, что испугались, – правда поединка остудила ненависть, вернула рассудок. Рядяша и Моряй, встав рядом, переглянулись. Лишь бы ничего не случилось этой ночью. Не приведите боги оказаться на месте Безрода перед схваткой. Ни друзей, ни покоя. Даже уйти некуда.

– Этот не мог продать своих, – задумчиво промышчал Рядяша, стоило Сивому уйти в свой угол. – Руку на отрез дам! Ошибся князь, ох, ошибся! Да и мы хороши!

Восход солнца Безрод встретил на улице. Сидел на колоде, привалясь к стене, глядел на розовато-серое небо и дышал полной грудью. Чем угощал ветер напоследок? Бросил в нос запах моря, что собирал по всей губе, и даже клочок тумана урвал с берегов Озорницы.

Все, кто мог ходить, как один вышли во двор. Даже ненавистники. Рядяша и Моряй вышли вперед. Сами пойдут с Безродом до плеса. Хоть и не друзья, но больше не враги. Из утренней дымки вышел Стюжень. Еще тяжело ходить, но дойти до плеса и вернуться назад сил хватит. Губы под бородой сжаты, видать, крепко отговаривал князь. Однако не послушал старый, сам пошел.

Безрод, ни на кого не глядя, встал, двинулся сквозь толпу. Люди расступались молча. Может быть, и хотели сказать что-то доброе, да языки не ворочались. С Безродом говорить – будто с мертвым, слова пропадут втуне, ответа не дождешься. А если порубит его Брюнсдюр?

Так и сложит голову душегубом? Так и останется предателем? Ворожец оглядел дружинных. У кого глаза злом не горят, те молча глядят в сторону. Эх, крепко сидит в душах приговор князя!

– А ну стой, парень! – Стюженев голосище разметал тишину двора, ровно шальный ветер палые листья. – Стой, говорю!

Сивый остановился не сразу, будто не услышал. Повернулся и недоуменно стегнул верховного холодным взглядом. Ворожец подошел ближе. Посмотрел сверху вниз, покачал головой да и сгреб в охапку. Безрода видно не стало в могучих стариковских объятиях, только сивая голова наружу и осталась. Не стал вырываться, лишь прижался лицом к твердой, как валун, груди ворожца. Так и замер бы на веки вечные. Жаль, плакать нельзя.

– Хочешь – не хочешь, а и я обниму. – Из-за спины Стюженя вышел Прям. Старик разомкнул объятия, и бывалый воин сдавил Безрода крепким хватом, как родной брат, от души, тепло. Сивый усмехнулся – жаль, не мелочь сопливая, разревелся бы в три ручья.

Сам отстранился и быстро пошел вперед. Рядяша с Моряем – следом, шествие замкнул Стюжень. Коряга отчаянно плюнул под ноги. Как ни лез под мечи на стене, смерть стороной обходит. Не тем везет в жизни. Несправедливо...

Стюжень поцеловал Безрода в лоб, Рядяша и Моряй потрепали по плечу, и на плесе остались лишь двое. Брюндюр оказался высок, на полголовы выше Безрода, плечист, велик, но не огромен, по груди вился светлый волос. Князь отгниров глядел спокойно, не суетился. Борода короткая, глаза светлы, едва не белы, кажутся стылыми, ровно весь полуночный холод в них собрал.

– Я пришел, боян.

О-го-го! Вблизи голосище ангенна вышел еще сильнее. У Безрода по спине мурашки разбежались, а внутри зазвенело, будто по струне ударили. Так бывает, когда встанешь возле огромного кленового била, а в него ка-а-ак... Аж хребет чешется. Сивый не удивился бы, окажись Брюндюр-ангенн прямым потомком самого Храмна, хозяина небесных гуслей.

Безрод скинул рубаху. Вся шита-перешита, но, видать, больше ее не носить. Брюндюр окинул Безрода цепким взглядом, помолчал и нахмурился.

– Я слышал о тебе. Так ты выжил?

– Да, я выжил. А жив ли Сёнге? С тобой пришел? – Голос Безрода звучал ровно змея на камнях – тих, шелестящ, зловец.

Ангенн усмехнулся, кивнул. Жив милостью богов.

– Передать что? – громыхнул Брюндюр, холодно улыбаясь.

– Сам скажу. – Безрод оскалился. – Потом.

Полуночник молча ждал.

Сивый прокашлялся, продышался и повел так, как поют лебединую песню, зная, что потом уже ничего не будет.

– Черный ворон с дуба в небо возвился,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
Знать, полягу вскорости в чистые поля,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
Я, дружину славную по свету вода,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
Видел, как рождается за морем заря,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
Стану в битве страшной сам себе судья,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
И умчит нас, павших быстрая ладья,

Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
И узрим воочию вящие края,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
Я и мной водимые верные друзья,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
Боле не услышим трелей соловья,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
Не укусит пяточки жесткая стерня,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
Черною завесой по небу паря,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
На поле опустятся стаи воронья,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
Бравые соратнички – вся моя семья,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
Кто падет от палицы, кто-то – от копья,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
Знаю, что поникну на спину коня,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
Страшной болью мучим, зубьями скрипя,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
И оставлю тело, об одном моля,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
Поскорей испить бы чару забытья,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
Чтобы боль уснула, бросила меня,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя,
И тепло укрыли кустики былья,
Будь ко мне поласковой, долюшка моя...

Эхо, непонятно откуда взявшееся на этих просторах, подпевало Безроду переливчатым многоголосьем. Брюнсдюр слушал, опустив меч, глядел в землю, качал головой. Да, этот седой боян сдержал обещание. Сивый замолчал и, глубоко дыша, опустил руки. Взглянул на Брюнсдюра. Ангенн поднял меч и трижды хлопнул лезвием по ладони. Это должное врагу. Мужественному и искусному. Безрод глядел исподлобья и ждал. Брюнсдюр описал руками круг, воздел их над головой и зарокотал, будто струны гуслера...

А когда любопытное и жадное эхо унесло последнее слово, ангенн развел руки, чисто крылья, и повел боевую пляску. Так летает горный мокк, птица самого Тнира, предвестник битв. Горд и величав его полет. Так пляшет на празднике весны лучший боец оттниров. Ангенн могуч и непременно сразит лучшего поединщика боянов. Меч Брюнсдюра ткал в воздухе холодное, блестящее кружево, а мелкие камешки так и разлетались из-под тюленьих сапог. Сивый будто вымерз, пляска Брюнсдюра заморозила и не отпускала. Об этом поединке сложат легенды, сказители обеих сторон воспоют врагов, достойных друг друга, но никто не споет о том, что ангенн полуночников переплясал седого да худого. Безрод рванул на середину плеса – и заплясал. Так взлетит ворон со старого дуба и недобрым вестником улетит в полуночную сторону. Так налетит боянский сокол и порвет полуночного мокка, что залетел слишком далеко на сушу...

Мечи высекли первые искры. Солнце, проглянувшее сквозь плотные облака, оживило клинки, и они заблестали, как маленькие молнии. Ох, и силен ангенн полуночников, ох, и быстр! Путь к победе над Брюнсдюром только один – бить сильнее, быть скорее. Сивый никогда не был так скор, еще малость – и в жилах кровь закипит. Но всюду меч Безрода наткнулся на клинок Брюнсдюра. Ангенн одинаково сильно бил с обеих рук, отменно защищался, знал многие приемы, а те, что не знал, схватывал на лету. Полуночник раскачивал защиту Безрода, удлинял ход его меча, и Сивый сам понимал, что не успеваешь, но битое-перебитое тело жило на пределе. Угадать бы с ударом. Безрод угадал. Безнадёжно опаздывая вернуть меч в защиту, Сивый не стал рвать жилы и просто сложился вбок. Меч ангенна просвистел над самыми ребрами, а не догадайся Безрод изогнуться – быть ему располовиненным. Возвращая клинок, Безрод ударил сам. Полуночник резво отскочил, только клочок волос потерял. Холодно улыбнулся и коротко кивнул. Боян обещал стать достойным поединщиком и слово держит. Брюнсдюр наотмашь ударил по ногам, не попал, развернул кисть и тут же повел клинок вверх. Подпрыгнув, Безрод избежал удара в ноги, второй застиг его в воздухе, мечи звонко клюнули друг друга, и все бы ничего, но ко всему ангенн мощно надавал плечом. Как будто оглоблей приласкали. Сивый рухнул на спину, а отгнир обрушил на противника град ударов. Три из них Безрод отбил, бросил ноги к плечам и встал через голову. Поднимаясь, повел меч наискосок, слева направо. Полуночник немисливо изогнулся – и пропустил удар над собой.

Противники встали друг против друга. Сивый повел дело на замах, повел медленно, да ударил быстро. Полуночник ввернулся внутрь удара, пропустил Безрода мимо себя – и стегнул мечом вдогонку. Клинки встретились и разошлись. Уже давно кровоточил Безродов бок, кровоточили все незажившие раны. Сивый устал. Дышал тяжело, бились всего ничего, но сил почти не осталось. А Брюнсдюр пребывал спокоен, холоден и свеж, как будто только что вышел на плес.

Полуночник налетел как вихрь, его меч был везде – справа, слева, сверху, снизу, – Брюнсдюр на ходу менял руку, направление удара, бил двумя руками, бил кинжальным хватом. Безрод и сам так умел, но силы убывали, как снег под жарким солнцем.

И вдруг поединщики, не сговариваясь, отскочили друг от друга. Брюнсдюр, прищурившись, покачал головой. Достойный противник. Очень достойный. Полуночник взял меч двумя руками, опустил рукоять вниз, нацелил клинок Безроду в лицо. Сивый сделал так же. Бойцы осторожно сблизились и медленно скрестили мечи. Клинки подпирали друг друга, а противники ждали. Долго ждали. Очень долго. Начался поединок выдержки и терпения.

Безрод не выдержал, перегорел. Боль залила все тело, еще немного – упал бы от дурноты и немощи. Хотел было ударить, но слабость не дала. Остался на месте, будто на руки и ноги подвесили тяжелые колодки. Лишь еле заметно дернулся. Брюнсдюр по глазам понял, что Сивый «созрел», и решил перехитрить. Дождался рывка Безрода, чтобы уйти в сторону и ударить самому. Разорвал сцепку, прынул влево и без замаха полоснул противника справа налево по груди. И выиграл бы схватку, ударь Безрод на самом деле. Ангенн понял, что попал в ловушку, но остановиться уже не мог. Безрод наитием пригнулся, избегая удара, и подбил клинок Брюнсдюра снизу вверх. Раньше остановился и раньше вернул меч. С оттягом полоснул справа налево и тяжело врубился в туловище, поперек живота, от ребра до ребра. Мгновением позже опоздавший меч отгнира ударил Безрода в грудь.

Противники опустили клинки и неподвижно замерли друг против друга. Мечи стали просто неподъемными. Один из двоих должен пасть. Кровь заливала обоих, в голове звенело, будто в кузне. Судьбу поединка решила усталость Безрода. Нечаянная уловка пришлось как нельзя более к месту. И вышло так, что перехитрил-таки отгнира, сам не хотел, а перехитрил.

Ангенн полуночников рухнул. Повалился ровно дерево под топором, прямой, негибачый. Сивый покачнулся, упер меч в землю и всем весом навалился на клинок. Сил ни на что не осталось. Победитель должен уйти с плеса сам, только тогда победа в поединке останется

за городом. Таково условие. Безрод проморгался и вздохнул. Что-то горячее, отвратительно липкое растекалось по телу. Скопил глаза и усмехнулся. Кровь, опять кровь. Сколько ее подарил Озорнице? Полуночники напряженно ждали на своем берегу, а тишина кругом встала просто мертвецкая. Обе стороны, как замороженные, следили за каждым вздохом Безрода. Лишь только победитель уйдет с плеса, оттиры подхватят Брюндюра на руки и мигом унесут в стан ведунам под иглы. Могуч ангенн, просто так душу не отдаст. А Сторожище изойдет радостным криком, если Сивый на своих ногах уйдет с плеса.

Безрод сделал осторожный шаг. Еще один. Вот рубаха валяется. Нагнуться и поднять сил нет. Наклонишься – больше не встанешь. Проткнул мечом, накрутил на лезвие, так и поднял. Кое-как надел. Вошел в реку, и вода мигом побурела, зарделась, понесла кровавые разводы в море. Как течением не снесло – не понял, как перешел на свой берег – осталось загадкой, как с ног не упал – сам удивился. Так и шел, будто в полусне. Уже в черте города кто-то подхватил на руки, и все провалилось в муторную бездну. Только и заметил напоследок Рядяшину рожу.

Безрод открыл глаза и взглядом уперся в потолок. Всего мутит и выворачивает наизнанку, ослабел настолько, что дыханием даже перо не поднять. Все знакомо: и слабость, и дурнота, как будто это уже было. Самое частое воспоминание – лежишь, укутан по самое горло, ранен, всего мутит и знобит. Будто заблудился по жизни и ходишь по своим же следам, круги нарезаешь. С этой думой и утонул в головокругительной бездне...

Открыл глаза и едва душу не отпустил. Лицо. Огромное, зубы белые, глаза маленькие, склонилось, дыхание слушает. Рядяша. Так ведь и на тот свет можно спровадить!

В дружинную избу к раненым не понесли, уложили в амбаре, на привычное ложе у столба. Хотел оказаться в избе Стюженя, да только никто умирающего не спрашивал.

– Гляди, очнулся! Очнулся! – Чей-то знакомый голос радостно загремел над самым ухом, да так, что Безрод едва концы не отдал.

– Да тише ты! Ревешь, чисто медведь над медом. Глушишь ведь! – Знакомые лица склонились над Безродом. Рядяша, Моряй, Прям, Долгач, Щелк. Сивый оглядел каждого, косил глазами. Шея не поворачивалась, будто не было ее вовсе.

– Стюженя позови, – прошептал Сивый. – Зови.

Старик точно будто из-под земли.

– Ну, чего звал?

Безрод тяжело сглотнул.

– Унеси меня. К себе.

Чтобы услышать, ворожец наклонился к самым губам.

– Ишь ты! Унеси! Раз такие речи повел, точно не помрешь! – буркнул старик в бороду.

– Что сказал, Стюжень? – Старика обступили дружинные. Ворожец оглядел каждого. Потеплели глаза, стали на человеческие похожи. Переполошились, будто друга едва не потеряли. А как растолковать это человеку, который по краешку ходит, не сегодня-завтра за край сверзится? Сивый не потерпит ухода за собой, не хочет быть должным. Того, что все Сторожище в неоплатном долгу, с которым вовек не расплатиться, и понимать не желает. Уже новый день наступил, а Безрод в темном прошлом блуждает. Не зря говорят, что утро вечера мудренее, только Сивый этого знать не хочет. В темном «вчера» бродят оба – и Безрод, и Отвада, бродят и друг друга не видят.

– Прошу! – жжет ухо горячая просьба. – Унеси!

Дурное дело нехитрое. Уноси, не уноси, вои достанут Безрода где угодно, ровно молодые глупые щенки, которые лезут к старому псу и весело лают. Нынче все Сторожище – те глупые игривые щенки, а Безрод – потрепанный, порванный пес...

Вечером, после отраженного натиска, Стюжень сшивал Морюю рану на плече и терпеливо втолковывал, как несмышленому дитяте.

– Не наседайте, дайте человеку передыху. Знаю, виноватишься, в душе горит, но погоди, не торопись. Захочет – сам руку протянет, и не будет у тебя друга вернее. А силком замиряться не станет.

Моряй молчал. Все старей верно говорит, но нельзя справедливость на потом откладывать. Прилетит шальная стрела – и не станет Морья, а Безрод осиротеет на доброе слово и крепкую дружескую руку. Сделал вид, будто во всем согласен со стариком, но, дождавшись, когда Стюжень по какой-то нужде выйдет из избы, прокрался за тряпичную перегородку, на половину к Безроду. Потоптался, кашлянул. Сивый открыл глаза. Моряй встал под светоч.

– Ты это... парни здравствовать желают, справлялись, не надо ли чего? А нас опять, видишь, посекали за здорово живешь. Лезет и лезет полуночник! Обозлились, видать!

Безрод моргнул, что-то прошептал. Моряй подошел ближе, наклонился.

– Жив ли Перегуж?

– А что ему, старому, делается? Наперед знает, где стрела упадет, куда меч ударит.

Сивый кивнул. Хорошо, что жив Перегуж.

– Ты вставай поскорее. И полно обиду держать. Я вот молод, и уж на что горяч, но столько не смог бы. Не отвергай руку. Тогда, на судилище, я был не прав. Не прав.

Безрод молча смотрел на Морья. А я могу. Костенеет душа, не гнется. Старею, наверное. Ни жизни, ни счастья...

Часть 2 СВАТ

Глава 6 Темный

Дружинных и горожан косило, будто косой. Город не выстоит и полной луны, это всем сделалось яснее ясного. Оттнiry числом возьмут. Сомнут, погребут под волной, закрытой клепаными щитами и шлемами. Через несколько дней после поединка, Безрод, повиснув на плече Стюженя, сделал вылазку на улицу. Старику еще самому вылеживаться, так нет же! Подставил плечо, на солнышко поволок. Ночью снег выпал, весь двор устлал, а к утру белоснежный ковер уже изрядно истоптали. Безрод вдохнул полной грудью, и голова тут же закружилась, будто залпом осушил чару вина. Захотелось взять снег в руки, потянул Стюженя присесть. Ворожец посадил Безрода на бочонок и Сивый с наслаждением сунул руку в снег. Его узнали, радостно закричали, как будто над стеной заполоскался на ветру княжеский стяг. Дружинные, дворовые, горожане обступили со всех сторон. Босоногие ребята, весело топтавшие поодаль свежий снег, всюю распевали:

– Черный ворон с дуба в небо возвился,
Будь ко мне поласковой долюшка моя.
Знать, полягу в скорости в хлебные поля,
Будь ко мне поласковой долюшка моя...

Сивый изумился. А далеко ли ушло то время, когда даже не косились в его сторону, в спину злобно плевались? Предпочли бы сквозь землю провалиться, лишь бы чашу воды не подать! Только князь не спустился со стены, мрачен, сердит, голова перевязана, руки на груди скрестил. Теперь каждый вечер отроки высовываются из бойниц и поют в темноту Безродовы песни, и нет им счастья слаще, чем стрела, пущенная в ответ обозленной рукой. Пока жив человек, почти надвое разрубивший полуночного ангенна, непобедима боянская сторона! Души лучших поединщиков нынче пируют в чертогах Тнира и рассказывают всю правду о тех поединках на плесе. Этот человек принес с собой удачу и честь, отвагу и славу! Вовек не отдадут Сторожище за такой щедрый подарок! А седой да худой сидел на бочонке, слаб да бледен, и гляделся кругом в недоумении. Там, в глубине синих глаз, сверкал не тающий лед, и отчего-то смех и восторженные крики его не топили.

Еще через седмицу полуночники через стену ворвались в город большим отрядом, и хотя остальных отсекли, около пятидесяти человек остались в городской черте. Оттнiry огрызнулись полусотней мечей и секир, и дорого встал дружинным этот прорыв. Загнанные в угол полуночники отчаянно «кусались» и пятнадцать защитников унесли с собой на небо, прежде чем пали, расстрелянные и порубленные. Безрод видел все, несколько раз порывался встать с бочонка, но не смог. И сидел, вынужденный наблюдать за боем, как безучастный, равнодушный зевака – боль сковала. Дергунь, бежавший мимо на подмогу, едва не споткнулся, застав Безрода мирно сидящим на бочонке, как будто под стеной не насмерть рубились, а скоморохи кривлялись. Как держал секиру наизготовку, так и огрел Безрода обухом, что было сил. Сивый повалился с бочонка, как сидел – скрюченный и мрачный. Ровно вихрем снесло. Таким его и поднял набежавший Рядяша. Безрод не потерял память, только по лицу разливалась кровь, а

глаза потемнели от злобы. Хорошо, удар вскользь пришелся, успел дернуться. Разбил бы голову млеч, и все дела.

– Да ты что, изверг, ополоумел? – напустился Рядяша на Дергуня. – Весь умишко отбили?

– Наших режут, а он сидит, чисто на скоморошной потехе! Как будто ряженные дурью маются! Едва рот до ушей не растянул!

– Думай, что несешь. – Рядяша понес Безрода в избу. – Ишь, чего придумал! Жизни едва не лишил!

Скрюченного – если посадить на бочонок, как будто и не падал – Рядяша положил Безрода на ложе. Слава богам, жив, да как жив! Глаза так и пыхают злобой! Здоровяк хотел что-то сказать, но промолчал. Лишь по голове Безрода погладил. Столько седому да худому досталось, уму не постижимо! Врагу не пожелаешь! Один тот мешок с галькой чего стоит. Дурное дело нехитрое. Хоть самому голову пеплом посыпать. Если бы удалось вернуть прошлое, точно посыпал бы. Рядяша нацепил шлем и унесся на подмогу.

Не берегся князь, рвал душу в ключья. Дружинные по молчаливому сговору заслоняли Отваду собой и приглядывали за князем денно и ночью. От мечей закрыли, от секир заслонили, да от случайной стрелы не сберегли. Как будто нашли друг друга князь и стрела. Жажущий напиток лужу найдет. На щитах отнесли князя в терем. Стюжень выгнал всех, на три дня и три ночи заперся с раненым и велел даже не стучать. Вои просто озверели. Вне себя от ярости в капусту рубили полуночников на стене, и ни один оттнир в город тем днем не ворвался.

На четвертый день громкий крик возвестил победу жизни над смертью. Бойцы ревели, будто оголодавшие медведи, бряцали железом о железо, выкрикивали в ночь хулу полуночникам. Отвада-князь выбрал жизнь, а Стюжень отогнал смерть. Сивый уже худо-бедно оклемался, ходил сам, побывал в городе, навестил больного Тычка. Старик стало совсем худо. И всюду за Безродом бегала детвора и распевала про долю, которая должна быть поласковее к бывалому вою. Вот и теперь Безрод оглянулся, сделал страшное лицо, и детвора с веселыми криками брызнула враспынную. Сивый сгреб самого маленького, что не успел убежать, как остальные, поднял на руки и взглянул в веселые ребячьи глазки. Веснушчатый нос смешно курносился, а передние зубы большие, как у кролика, торчали пока единственные во рту. Мальчишка с восторгом смотрел на воителя, что срубил главного полуночника, синие глазки озорно поблескивали. Мир или немирье – дети будут бегать по улицам и играть.

Сивый вдохнул ребячий запах и зашатался. Так пахло в избе Волоконя. Молоком и чем-то еще. Одним вся жизнь – как следы на снегу, все ясно, все понятно. Другим каждый день тайна. Что первым легко дается, вторые с кровью выгрызают. Вроде не дурак, пожил на свете, должен знать. Но будто спал и ничего вокруг себя не видел. Всякий знает, что в детях счастье, а тут... до седых волос дожил, и лишь недавно в нос шибануло! Через нос правда жизни в голову пробралась. И спросил бы кто-нибудь: «Неужели раньше этого не знал?» Ответил бы: «Знал. Только ведь так же знаешь, что избу чинить надо, да все руки не доходят». Ответили бы: «У справного хозяина дойдут руки». Кивнул бы и согласился: «Непутевый я. Ровно не жил тридцать лет и три года. Вся жизнь в схватках, походах, а жизнь мимо идет. Кто ж виноват, что лишь недавно сообразил, для чего на свете живу? Не успел с Дубиней уплыть за мечтой, эх, не успел...»

– Ты кто?

– Мамкин я, и папкин! Кличут Босоног. А я тебя знаю! Ты порубил Брюнсдюра!

Безрод поцеловал ребенка в лоб и отпустил. Босоног, счастливый и безмерно гордый, убежал показывать приятелям чумазый лоб, куда его поцеловал тот сивый боец, который всех полуночников одной левой уложил, да наказывал больше не воевать боянскую сторону.

Возвращаясь в амбар, Безрод подошел к стене в том единственном месте, где ее выстроили на скале. Озорница текла прямо под стеной. Сивый долго глядел вниз, что-то высматривая, бросил в реку камень, поглядел, послушал да и поплелся восвояси.

Стюжень ждал. Кивнул, дескать, ступай за мной. Ворожец и Безрод ушли на задний двор, на холм, с которого вся губа была видна как на ладони. Присели на бревно.

– Помнишь, обещался разговорить того четвертого, из переулочка?

Сивый равнодушно кивнул.

– Помирать удумал. Поймал боком шальную стрелу. Говорит, сон вещий видел. Явился Ратник и говорит, мол, душа тяжела, грехов много. Вот и облегчает.

Безрод усмехнулся.

– Раньше бы чуток.

– Уж как есть. Все рассказал. Подговорены все четверо.

Сивый кивнул. Конечно, подговорили. Это было ясно с самого начала. Просто так не убивают.

– Даже не спросишь?

Безрод холодно, не мигая, уставился на старика.

– Ты меня глазами не морозь. И без тебя стуженый. Все корчмарь твой учудил. Еська. Дабы не кормить задаром. Зачем ты ему нужен, безродина? Только добро переводишь.

Сивый поднял глаза туда, где небо целует землю, прищурился, зачерпнул пригоршню чистого снега, захрустел им на зубах.

– Знает ли князь?

– Теперь же узнает. Отсудит приговор назад. Заставлю.

– Раньше бы чуток.

Стюжень покачал головой. Не понравился ему холод серых глаз. Чем дольше смотрел ворожец в глаза Безроду, тем крепче воображал себя влезавшим в темную пещеру, полную векового льда.

– Ой, что-то глаза твои мне не нравятся! Скукожилась душа, свернулась, волком глядит, зубы точит.

– Боится. – Сивый доел снег, облизнулся, отряхнул руки. – Боится. Страшно ей.

– Боится?

Не ответил, только отвернулся. Да, Стюжень, страшно. Один я на этом свете. Сам за себя стою.

– А чего меня князь не взлюбил? Что я ему сделал? Может быть, насолил когда? Что-то не припоминается.

– Так ведь знаешь!

– Нет, не знаю.

Стюжень помолчал, нахмурился.

– Прошлым летом сын Отвады погиб. Вы с ним одно лицо. Ровно братья близнецы.

Сивый молча глядел на старика.

– Тяжко князю. Пойми...

Безрод кивнул. Чего уж тут не понять. Даже лицо его никак в покое не оставят. Все сапогом, да по глазам, чтобы закрылись, да по губам, чтобы уста замкнулись. Жаба князя задавила. Как же! Сын погиб, а безродина – одно лицо с сыном – живет! Ни роду, ни племени. Голь перекатная. Живет, ходит, горя не знает. Ой, благодарствую, князь!

– Хорошо, помогу, – буркнул Безрод и отвернулся. – Об этом хотел говорить?

Стюжень, опешил. Приготовился к долгим уговорам и убеждениям и нате вам! Попалась на старуху проруха! Уел старика молодой!

На утренней заре, князь объявил боярам о своем решении. Отсудить назад старый приговор, и объявить новый. Корчмаря Еську Комеля признать виновным и присудить к смерти. А дабы не переводить лишних рук, отправить на стену. В бою смерть свою возьмет. А жив

останется – его счастье. Еська аж повеселел, грудь раздул, будто снегирь. Дескать, где наша не пропадала.

Перегуз донес княжью волю до всех остальных. Дружинные трижды прокричали здраву князю, и только Безрод остался безучастен. Нечем радоваться, душу будто на плесе оставил. Дубинина ладья уже далеко, время упущено. Того, что случилось, не вернешь, хоть ладоши себе от радости отбей, хоть горло сорви. Уплыло счастье, пахнущее молоком, вслед за ладьей уплыло. Только парусом хлопнуло на прощанье. И не догнать его теперь. Здесь голову и класть.

Вечером, когда солнце уходило на покой, и последние лучи бега ли землю, Стюжень вымазал Безроду лицо кровью и провел в терем. Дружинные с обнаженными мечами стояли через каждые два шага у самых княжеских палат и вдоль стен. Только протяни руку с мечом и достанешь соратника. Ворожец крепко-накрепко всем наказал зажечь по светочу и глядеть в оба. И рубить в ошметки любого, кто выбежит из покоев Отвады.

Верховный ворожец напоил князя из резной чаши, окованной серебром, и уложил обратно на ложе. По углам комнаты застыли дружинные и не дышали, только глядели во все глаза. Единственная лучина бросала тусклый свет на исхудавшее лицо Отвады, и некогда могучее тело лишь угадывалось под медвежьей шкурой. Тень играла с лицом князя, и Безроду показалось, что глаза его бегают, словно белки в колесе, а выражение лица меняется так скоро, чисто облака на небе в сильный ветер. Ни дать, ни взять, нечистый на руку ключник застигнут с поличным.

– Кто здесь? Кто? – Князь едва приподнял голову. Сивый прикусил губу. Отвада как будто никого не узнает, словно не в доброй памяти. – Кто тут?

– Это я, князь. – Ворожец присел на ложе и положил руку на полыхающий жаром лоб. – Я, Стюжень.

– Стюжень, а это кто? – Отвада выпростал руку из-под одеяла и показал на стоящего в полутьме Безрода. – Ну-ка, выйди на свет!

Сивый сделал шаг вперед, прищурился. Безрод крепко подозревал, что сейчас перед глазами князя все плывет.

– О, боги! О, боги! – Отвада чуть было не подскочил на ложе. Хорошо верховный обхватил сильными руками, не дал соскочить на пол, иначе рана, как пить, дать открылась бы. – Ты ли это, сынок? Где был так долго, непутевый? Не ранен ли? Весь в крови! А мы, видишь, с полуночником бьемся!

Сивый побледнел. Не в себе князь. Очень мудрено спутать молодца, взметавшего на плечи коня, с ним, худым да жилистым! Стюжень говорил только лицо и похоже. Так вот почему старик запалил всего лишь одну лучину!

– Расшибец, оторва, и чего тебя одного к урсбюннам понесло? Никак славы захотел? Много ли отгниров порубил?

Стюжень повернулся к Безроду. Старые глаза зывали, просили, умоляли. Дружинные в своих углах даже не дышали. Что скажет, Безрод? Ведь не за что ему князя любить.

Сивый нахмурился, холодно взглянул на старика – у того на мгновение сердце замерло – и, сцепив зубы, процедил:

– Много не много, а след оставил. След оставил, да голову назад принес. – Помедлил и глухо, тяжело бросил. – Отец!

– Сынок, не враги – ты меня на погребальный костер отправишь! Почему один ушел, почему дружину с собой не взял?

– С малой дружиной по лесам разгону, с большой и вовсе в море опрокину. Незачем.

– Ах, незачем!? Вот я тебе, пока никто не видит! – Отвада соскочил с ложа – Стюжень больше не держал – схватил Безрода за волосы и вздернул голову к потолку. – Ты, поганец, поперек батьки в пекло не лезь! Сначала я к Ратнику отойду, щен сопливый, только потом ты! Еще дитем не обзавелся, а все туда же! Отца на дружине теснить!

Безрод еле сдерживал ухмылку. Стоило огромных трудов сохранять виноватую мину. Стюжень молча просил у богов выдержки и терпения для этого парня, хлебнувшего в жизни сверх меры. Безрод не спускал со старика глаз, ждал подсказки. Стюжень кивнул, все правильно делаешь.

– Ох, отец, все волосы выдернешь! Девки любить не станут!

Князь таскал «сына» за седые космы, таскал да приговаривал:

– Осенью женю! Первую встречную тебе сосватаю, и пока брюхом не прибудет, в сечу не пущу! Уразумел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.